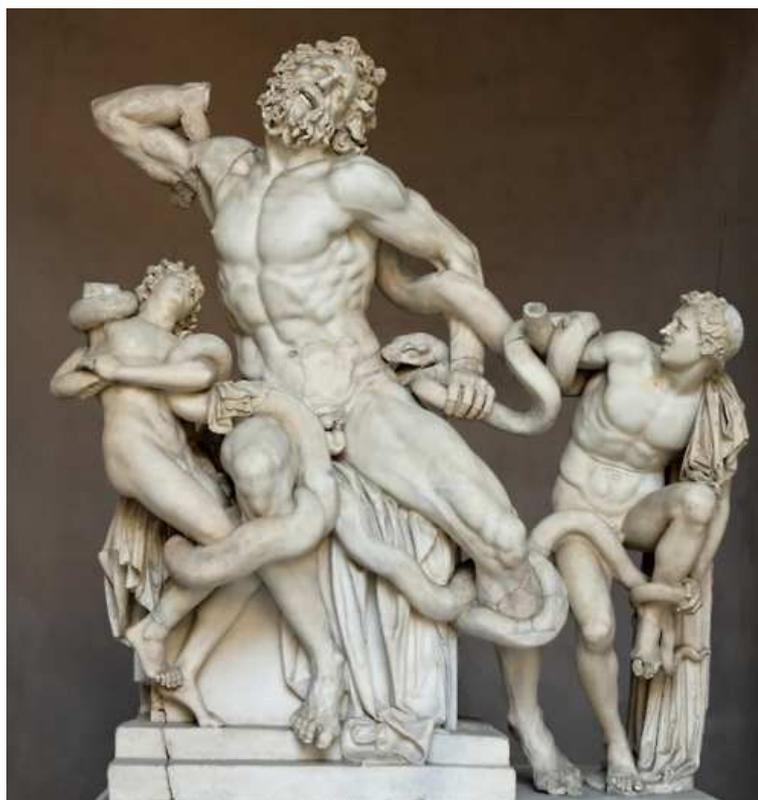

ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(Н. Новгород, 26–27 июня 2012 г.)**

Нижний Новгород

ИЗДАТЕЛЬСТВО **НИЖГМА**

Министерство здравоохранения и социального развития РФ

Нижегородская государственная медицинская академия

Нижегородское региональное отделение Общероссийской
Общественной Организации «Российские учёные
социалистической ориентации» (РУСО)

Российское общество социологов (Нижегородское отделение)

ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

*МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ*

(Н. Новгород, 26–27 июня 2012 г.)

Нижний Новгород • Издательство **НижГМА**
2012

УДК 316.4
ББК 60.5+65.013.7
Д44

Редакционная коллегия:

д.ф.н., профессор Грехов Александр Васильевич (председатель),
д.и.н., профессор Арапов Анатолий Сергеевич,
д.ф.н., профессор Зеленов Лев Александрович,
д.ф.н., профессор Табаков Василий Иванович,
к.и.н. Нагорных Ольга Станиславовна (ответственный секретарь)

Авторы научных статей несут ответственность за содержание публикуемых материалов

Д44 **Диалектика переходного периода** (Сущность и формы переходного периода от общества порабощенной индивидуальности к обществу свободной индивидуальности): материалы Международной научной конференции (Н. Новгород, 26–27 июня 2012 г.). – Н. Новгород: Издательство Нижегородской гос. медицинской академии, 2012. – 236 с.

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отягощение злом

*Мироедам: Кое-какерам, декреатам
и декреаторам нашего времени*

Конец XX века, с карты мира исчезает СССР. Советское государство. Формально исчезает. Но исчез ли Советский народ, советский образ жизни? Нет, не исчез, был, есть и будет! Но сейчас хочется поговорить о другом, о других субъектах этой попытки предысторического реванша.

Кто такие кое-какеры, какая их роль? Это те, которые НЕ СМОГЛИ, но ДОЛЖНЫ были сделать, а поэтому громче всех кричат. Ведь очень громко, оглушительно кричат те, кто больше всех виноват, те, кто не сумел воспитать, не сумел увлечь и отвлечь, не сумел привязать к себе, и в первую очередь те, кто был ОБЯЗАН все это сделать, числился специалистом, ответственным работником, получал за это деньги и премии: плохие педагоги в школах, равнодушные наставники, бездарные руководители. Именно они заходятся в крике, чтобы заглушить собственную СО-весть, оглушить общественную необходимость СО-трудничества, то есть перекричать тех, кто пытается разобраться ПОНЯТЬ, УРАЗУМеть происходящее.

Это те, которые НЕ СМОГЛИ, так как НЕ ХОТЕЛИ, предпочитали ПРОнаблюдать, ПРОмолчать, ПРОсидеть, ПРОболтать в стороне, в ПРОходе... и стали ПРОХОДИМЦАМИ.

Именно они, кое-какеры, пытаются свалить вину за происходящее на подопечных, на объективные обстоятельства, на мифических соблазнительей, на тлетворное влияние извне. Так ли это?

Г.В.Ф. Гегель сказал: «Философия – это эпоха, схваченная мыслью». И каждая эпоха имеет свою философию. А каждая но-

вая эпоха – новая стадия развития общества, осуществление нового способа производства.

Капитализм как стихийное, а потом – организованное воспроизводство капитала, рожденное формотворчеством человека экономического. Труд, который «делает свободным». Безусловно, чужой труд. И философия буржуазная.

Социализм как научно-организованное продуцирование нового способа жизни, Культуротворчество и самодеятельность человека обобществленного.

А затем и **Коммунизм** как образ жизни человека-творца, Свободотворчество в режиме трансгрессии, перманентного выхода за собственный предел. Действительный гуманизм. И философия – действительно научная. Все просто.

Действительно, какая эпоха, такая и философия. Но какая философия привела к развалу СССР? Неужели советская философия, которая является отражением эпохи свершений и побед человека над самим собой, человека, который становится обществом и вот-вот должен был стать человечеством... А ведь история не может грубо ошибаться эпохами, а потому и неугасимое дерзновение достичь звезд – не прихоть эпизодического мировосприятия, а мировоззренческая историческая необходимость человека-людей-человечества, которые стремятся получить историческую субъектность. Это эпоха не просто классового превосходства, как удачно резюмирует Г. Новиков, но превосходства нового образа жизни в критериях-координатах *добра, красоты, блага, пользы, правды*.

Почему важен именно ОБРАЗ ЖИЗНИ? Еще Ф. Энгельс говорил: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали». Все просто: воспроизводство жизни и ее понимание. Но ЖИЗНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ. А поэтому и общественный способ произ-

водства является лишь модусом образа жизни как способа воспроизводства жизни.

Именно научная философия после 1917-го года становится основой как нового способа производства, так и **нового способа жизни** в практиках перехода первого в мире социалистического государства от производства вещей к производству идей, а затем и продуцированию – ОБРАЗования и самоОБРАЗования – людей.

Со-ветского образа жизни. Образа жизни, воспитанного не только постоянным индивидуальным отрицанием себя в процессе труда-формотворчества, но образа жизни, связанного с кардинальной **сменой отношения человека к самому себе**, в процессе Культуротворчества, а затем и Свободотворчества. Только так возможно отрицание самых БЕЗОБРАЗНЫХ и НЕ-человеческих условий существования и выход на новый уровень обобществления человека и очеловечивания общества. **Неопалимая купина жизни действительной.**

Но ведь гораздо удобнее и спокойнее вместо логики дела и труднейшего процесса преОБРАЗования мира и ОБРАЗования человека-людей-человечества, как меры всех вещей, вернуться к делу логики, начать опять исповедовать *ложь принципа*, а затем – оберегать и обеспечивать собственный утилитарный достаток за счет других на основании *принципа лжи*.

Поэтому, на наш взгляд, сначала просто «забыли», что труд – лишь негативная форма самодеятельности, и без превращения *человека трудящегося в человека-творящего*, то есть без перехода от **способа экономической жизни к новому образу жизни** каждого-многих-всех, не только гуманизм невозможен, но даже социализм **не жизнеспособен**. Он обречен на вульгаризацию, имитацию. На эрзац-социализм.

А дальше спровоцировали попытку реванша, позволили *буржуазному способу производства* в формате мещанства, метафизической халявщины, бюрократизма, пофигизма не только очернить *новый способ жизни*, но и сам труд пригвоздить к по-

зорному столбу: *пролетарий* – значит *пролетающий*; *советский* – значит *совковый*; *трудящийся* – значит неудачник-быдло...

Что для этого было нужно? Убить основу продуцирования людей, потенциал воспроизводства человека, атомизировать и гомогенизировать целостность как единство в многообразии и многообразии в единстве до уровня биомассы.

Еще в СССР средняя зарплата в непроизводственных отраслях хронически отставала от производственных. Вплоть до 2000 года ее темп роста планировался на уровне 2,5% в год. Да и сейчас у нас в сфере науки, образования, здравоохранения окончательно торжествует пресловутый «остаточный» принцип финансирования. Вот и получаем производную от «недофинансирования» продуцирования людей – «недочеловеков»: профессиональных кретинов...

А поэтому, когда Б. Ельцин с экранов телевизоров с дубоватой прямоотой заявляет: «Я тоже хочу быть частным собственником!», – эти слова попадают в благодатную почву недооцененных и невостребованных образованных людей, лишенных – по сути – возможности становления. Они становятся идеальным материальным и духовным источником подпитки Второго, альтернативного ОБРАЗА ЖИЗНИ.

«Куй железо, пока Горбачев». И вот в конце 1980-х, «освобожденный» индивидуально-кооперативный сектор никак не включается в целостный хозяйственный механизм страны, ему позволяют просто паразитировать.

В реалиях буйноцветом расцветает альтернативный серый рынок как система взаимных услуг по принципу «ты – мне, я – тебе», вечный и неистребимый «блат». И на этом квазиизвращенном пути от уБОГого до БОГа вычленяется АРИСТОКРАТИЯ ПОМОЙКИ. И новые «сильные мира сего» – А. Чубайс, А. Кудрин, М. Фридман, А. Мордашев, М. Ходорковский, Б. Березовский, М. Касьянов – ярко демонстрируют, с одной стороны,

как пронырлив, нахален и беззастенчив становится интеллигент-обыватель, мещанин.

А с другой: это лишнее подтверждение и показатель того, какой потенциал предприимчивости искусственно сдерживался. Воистину **неопалимая купина, обращенная против... себя самой.**

И идеология соответствующая мещанская, мелкобуржуазная, замечательно исследованная А.С. Араповым [Мещанство и социализм. Очерки социальной психологии: монография / А.С.Арапов. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородской госмедакадемии, 2008. – 292 с.]:

1. *Основная задача – жить не хуже других.* И более 40% готовы махнуть рукой на совесть и мораль в вечной борьбе за место под солнцем, за путь к мещанскому счастью.

2. *Жизнь в режиме «только здесь-сейчас-сразу»,* искусственно поддерживаемое заблуждение, что Советские социалистические гарантии никуда не денутся, но к ним прирастут новые, личные блага, а поэтому нужно приумножать, наращивать, приобретать. *Падает темп социально-экономического развития страны: «поспешай медленнее».*

3. *Мещанская мудрость: как это – быть у воды, да не напиться?* В мещанском обществе государство отрывается от масс, бюрократизируется, компартия, монополизировавшая власть, претендующая на истину в последней инстанции, разъедаемая двоедушным бюрократизмом, утрачивает классовую направленность и растворяется в околупартийной мелкобуржуазной массе.

4. *Бюрократия – порождение и любимое дитя мещанства,* которую Ленин не стесняясь называет: чинодральческая сволочь, комкуклы, комговно говенных бюрократических ведомств.

5. *Половинчатость и непоследовательность власти все чаще переходят в лживость и лицемерие, заражая этим все слои населения.* Лицемерие пронизывает все общество, все «делают

вид»: одни, что все идет как надо, другие, что верят в это. Тотальный разрыв между словом и делом. *Какая тут советская философия, ведь в ней вначале было не слово, а дело. Вместо этого, фразерство, напыщенная патетика и морализаторство.*

6. *Жизнь «в порядке наследования», не требующая изменения. Жизнь в режиме метафизической халявы за счет прошлых поколений.* Все достижения социализма девальвируются, к ним привыкают как к домашним тапочкам... А старые тапочки не ценятся. Отсюда и новые принципы: «если чего-то нельзя, но очень хочется, то можно»; «разрешено все, что не запрещено». К метафизической халяве добавляется и тотальная растащиловка всей страны.

7. *Практики индивидуальной и коллективной безответственности и безинициативности в формате «моя хата с краю», «своя рубашка ближе к телу».*

Именно пышно расцветающий пустоцвет мелкобуржуазности и мещанства, тотальная раздробленность, чувственная распыленность, духовная нищета, БЕСкультурие, БЕЗграмотность становятся идеальными условиями появления и вытвораения кое-какеров, декреатов и декреаторов.

А когда была достигнута критическая масса, прозвучала команда: «Процесс пошел». Так началась «великая трансформация», «великая криминальная революция», тотальный грабеж, основанный на доведенном до абсурда и апогея, до самых уродливых и безобразных нечеловеческих форм мещанстве с его *философией алчности, самодовольства и индивидуализма, двоедушия и предательства.*

Раздувается мыльный пузырь индивидуализма и релятивизма. Именно своеволие и своевластие в пространстве зоологического индивидуализма и самодостаточности ломает все пружины, искажает все законы, развращает характеры. Начинается расчеловечивание. Далее только гомогенизированное безвременье-безграничье и соответствующие модусы **ПРЕСЫЩЕННОСТИ**

жизнью: *безразличие, бездействие, бесчувственность, бесстыдство, безрадостность...* **Тотальное расчеловечивание.**

Поэтому любые перепевы и новоязы этой мелкобуржуазной философии являются лишь философствованием и логикой **декаданса, деградации, вырождения**, имеющими четкую ритмику:

- сначала *Мировосприятие* становится устойчивым *Миронеприятием*, выдаваемым за уникальность видения;

- затем целостное *Мировоззрение* мутирует до *Мирохиме-ризации* как способа самопрезентации, продуцирования абсолютной оригинальности без меры и без пределов – чувственный, моральный, духовный БЕС-предел;

- наконец, *Миротворение* становится банализированным *Мировытворянием, Миродекреатизацией*, т.е. продуцированием БЕСсмысленного, БЕСчувственного, «БЕСспорно» уникального и БЕСпредельно омерзительного БЕСпорядка. **БЕСОВЩИНЫ. БЕЗ-ОБРАЗИЯ. Становится МИРОЕДСТВОМ в критериях зла, вреда, уродства, лжи.**

Но есть и антидот этого. Действительно, научная философия и ее сердцевина – материалистическая диалектика. Именно в Советской философии заключены как горькие реалии нашего настоящего, так и заключенный в нашем прошлом опыт будущего человечества, когда в *диалектике единичного–общего–всеобщего* как в горниле взаимоперехода Разума чувственного и Чувств разумных, в кружеве живого общения и взаимодействия с одним-многими-всеми рождается РАЗУМЕНИЕ, выплавляется *действительная субъектность*.

Именно в ней заложены механизмы перехода от *мещанской культуры быта и буржуазного бескультурья* к *общечеловеческой культуре СО-бытия*, которая творит – ОБРАЗовывает – человека и человеческое в нем.

Именно в ней прописана ритмика становления вместо **общества трудящихся общества творящих** (Б.В. Новиков). А главными атрибутами нового образа жизни становятся: **ИЗБЫТОЧ-**

НОСТЬ как принцип организации жизни; НЕУЕМНОСТЬ и НЕ-ИСЧЕРПАЕМОСТЬ как индикаторы жизнеспособности человека, народа, общественного строя; СО-ТВОРЧЕСТВО как способ жизни каждого-многих-всех; ПРАКТИКИ СО-ревнования, СО-стязательности, СО-единения, СО-вещательности и т.д.

И ПРОСТРАНСТВО ПРОМЫСЛИВАНИЯ, СО-переживания, СО-чувствия, СО-знания, жизни по-СО-вести, в котором нет места **отягощенным злом, отравленным уродством, повязанным вредом и ложью кое-какерам, декреатам и декреаторам**. Ибо не способны они жить в режиме (М. Волошин):

*Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!*

Жить в режиме, трансгрессии, постоянного выхода за собственные пределы, то есть СО-Творчества НЕОПАЛИМОЙ КУПИНЫ ЖИЗНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ КАЖДОГО–МНОГИХ–ВСЕХ.

Зачем об этом, чтобы напомнить. Ведь, к сожалению, прав был Трифилий, раскольник, слова которого стали эпиграфом к книге братьев Стругацких:

*Из десяти девять не знают отличия тьмы
от света, истины от лжи, чести от бесчестия,
свободы от рабства. Также не знают и пользы своей.*

Богачев Р.М. (к.ф.н. – г. Киев, Украина),
заместитель Министра здравоохранения Украины

Раздел I. Маркс о переходном периоде

К. Маркс о всеобщем труде как поле действия закона потребительной стоимости

Баранов В.Е. – д.ф.н. (г. Санкт-Петербург)

Как известно, К. Маркс писал о неизбежности формирования высшей исторической формы человеческого труда – так называемого всеобщего труда, венчающего становление данного способа человеческой деятельности. Известны также высказывания Маркса о связи всеобщего труда с производством потребительной стоимости и, следовательно, преодолением закона стоимости. Уделим этим размышлениям классика по возможности пристальное внимание.

Маркс различал три исторические формы человеческого труда: ручной (от его возникновения до XVII–XVIII вв.), механизированный (машинный) (современность) и автоматизированный труд будущего. И здесь, подобно тому, как деньги Маркс называл высшей, или всеобщей, формой стоимости, автоматизированный труд и связанный с ним комплекс форм научного, информационного, обслуживающего труда он называл всеобщим трудом.

При этом Маркс отмечал, что всеобщий труд – это некоторая составляющая, или фракция, любого человеческого труда. Маркс писал, что внутри любой трудовой деятельности «следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие» [1, 116]. Совместный труд, по Марксу, – это «непосредственное материальное производство», организованное

извне – непосредственной необходимостью выживания работника либо волей работодателя. В совместном труде преобладает составляющая, называемая трудом абстрактным: его продукция предназначена для рыночного обмена. Такой труд разъединяет его участников, у них не возникает никакого чувства целого или представления о целом. Совместный труд – это труд «совокупный», «комбинированный», подлежащий углубляющемуся разделению и, соответственно, делающий работника существом частичным, производящим лишь полуфабрикаты. Совместный труд требует от людей непосредственного совместного присутствия на рабочем месте. Здесь происходит лишь производство вещей, человек по мере производства богатств лишь обедняется, попадая к ним в зависимость. Психологически такой труд вызывает человеческую неприязнь, от него «бегут как от чумы, как только кончается экономическое или какое-нибудь другое внешнее к нему принуждение» [2, 43].

Что же касается всеобщего труда, то им, по общему определению Маркса, «является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников» [1, 116]. Всеобщий труд, по Марксу, – это деятельность по удовлетворению материальных и духовных потребностей общества, не разорванная на производство стоимости и потребительной стоимости, не опосредствованная рыночным способом распределения произведенных благ, деятельность как полная реализация всех человеческих сущностных сил – ума, воли, нравственных и эстетических чувств, сформированных в человеке обществом, это – общественная самодеятельность человека, стимулируемая не его частным интересом, а всеобщими, общечеловеческими мотивами, деятельность, опирающаяся на все достижения жизнетворчества всех предшествующих поколений и, в свою очередь,

становящаяся основой преобразующей мир деятельности потомков [3, 115].

Всеобщий труд, по справедливому замечанию В.М. Межуева, создавая массу потребительных стоимостей, создает *культуру*. Тогда как цивилизация – это блага, созданные отчужденным абстрактным трудом, отчужденными от своей сущности людьми для еще большего отчуждения всех. Абстрактный труд создает капитал, но, цитирует В.М. Межуев К. Маркса, «ни богатства, ни культуры он создать не может» [4, 15]. Всеобщий труд, следовательно, это уже не труд в старом его понимании, это уже сознательная общественная «самодеятельность» неотчужденного, универсального человека, личности [5, 93].

Современная буржуазная идеология стремится приспособить категорию всеобщего труда к классовым интересам частных собственников. В научный обиход вбрасывается категория «человеческого капитала». Так, в современном российском учебнике «Введение в бизнес» марксовы наблюдения концентрации интеллектуальной мощи *человечества* в труде современного работника трактуются как принадлежащий *частному* индивиду «интеллектуальный» или «человеческий» капитал. «Рождение «человеческого капитала», – пишут авторы учебника, – это отражение нового качества труда – всеобщего труда, труда творческого по своему содержанию и в этом смысле сходного с капиталом». Это сходство авторы аргументируют известными положениями о неотчуждаемом характере творчества и его неподвластности законам рынка. «Всеобщий по характеру и творческий по содержанию труд – это труд, который не может быть отчужден от его работника и потому не может быть объектом купли-продажи». Последнее – несомненная натяжка: творческий труд прекрасно эксплуатируется в условиях господства частной собственности на издательства, концертные залы, на инфраструктуру реализации изобретений и т.д. Далее

рассуждения строятся так, будто марксовы требования перехода к неотчужденному, всеобщему труду сегодня уже осуществились в «развитых странах». «В рамках общества отчуждения эти продукты творческого труда получают превращенную форму денежного богатства, форму, скрывающую подлинное – неотчуждаемое от творца содержание «человеческого капитала» – всеобщий человеческий труд». То есть, такое было раньше, в «обществах отчуждения», а теперь мы пребываем в условиях преодоленности этого феномена. «Ориентация на творческий труд, неотчуждаемый от работника, это процесс, который достаточно широко развивается сегодня в рамках любого государства с развитой экономикой», которая «требует развития системы отношений, которая названа «экономикой для человека» или социально ориентированной экономикой». Так современным молодым бизнесменам, кое-что слыхавшим о Марксе, внушается, что прогнозы великого *экономиста* уже осуществлены и незачем современным социалистам, анархистам и коммунистам выдвигать какие-либо претензии «современному обществу», «экономически развитым странам». Все их идеи уже осуществлены, и мы живем в последнем и лучшем из миров.

Разговоры о всеобщем труде идут, таким образом, в контексте будущего, а между тем всеобщий труд вполне реален и в наше время, как говорится, здесь и сейчас. Труд бескорыстный, безвозмездный, совершаемый «без вознаграждения и без расчета на вознаграждение» (В.И. Ленин) является неотъемлемой частью жизни каждого из нас. Если я выращиваю морковь на своей собственной «даче», я не сообразую свои усилия с количеством затраченного на это занятие времени – количеством абстрактного труда, тем более – постоянного или оборотного капитала: всего этого объективно нет, и субъективно оно для меня не существует. Я не продаю своим детям этот корнеплод, не опосредствую распределение произведенного продукта рынком и обманом своих детей иллюзией равенства себестоимости моего

приношения и его рыночной цены. Не перехватываю у своих детей их деньги в виде своей прибыли и не еду на курорт сам, оставляя детей неплатежеспособными для таких поездок. И дети мои, соответственно, не могут меня обмануть, покупая морковь дешевле у моих конкурентов или сбивая мне цену ниже моей себестоимости всяческими рыночными ухищрениями и угрозами. Им меня, как и мне их, нечем обманывать: нет рынка, нет товаров, нет денег – и, следовательно, ни у кого нет возможности нажиться за счет абстрактного труда другого. То есть весь наш быт, в котором протекает количество труда, сравнимое с общественно организованным, не является рыночным, не регулируется законом стоимости, не создает товары, а производит исключительно потребительные стоимости. И потому его весь мы можем отнести к сфере всеобщего труда, несмотря на то, что это вроде бы и не по Марксу, поскольку этот труд – не научный и не творческий. Хотя, почему нет?

Подобное происходит не только в лоне семьи как таинственного острова, оставшегося нам в наследство и назидание от древнейших палеолитических времен. Подобное практически ежедневно происходит в ситуациях трудовых усилий, деяний, подвигов ради спасения ближних в чрезвычайных ситуациях.

На основе марксовых прозрений сегодня разрабатываются и теоретические основы нерыночной экономики вплоть до способов организации бухгалтерского учета показателей производства и обмена, построенных на основе закона потребительной стоимости [6].

Всеобщий труд – неизбежная ближайшая перспектива экономической жизни человечества; социализм – его неизбежное порождение и условие.

Литература

1. Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1.

2. Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 года // Там же. Т. 42.
3. См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–59 гг. // Там же. Т. 46, ч. 1.
4. Маркс К. Критика Готской программы // Там же. Т. 19.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположности материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
6. См.: От закона стоимости к закону потребительной стоимости. СПб., 2003; Будущее за обществом труда. СПб., 2003; Философские вопросы теоретической социологии. Под ред. В.Я. Ельмеева. М., 2009.

Сферный анализ переходного периода от капитализма к социализму

Зеленов Л.А. – д.ф.н., **Владимиров А.А.** – д.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

Концепция переходного периода от капитализма к социализму сложилась в марксистском мировоззрении в связи с **формационным** анализом исторического движения человеческого общества. Либералы всех мастей не признают формационную периодизацию общественного развития прежде всего по двум причинам: а) в основу такой периодизации положен принцип модификации собственности («общественная – частная – общественная») и б) принцип классового деления общества («доклассовое – классовое – бесклассовое»).

Соединение этих двух принципов позволило уже К. Марксу 5 конкретных общественно-экономических формаций представить в диалектическом измерении как 3 этапа человеческой истории: 1) доклассовое общество на основе общественной собственности, 2) классовое общество на основе частной собственности и 3) бесклассовое общество на основе общественной собственности.

Как мы видим, классовое деление общества на противоположные классы рабов и рабовладельцев (рабовладельческая формация), крепостных и феодалов (феодаловая формация), пролета-

риев и капиталистов (капиталистическая формация) основано на **частной** собственности и только на ней. Вот почему в основании марксистского мировоззрения находится теоретически и практически (научно и эмпирически) доказанное учение об **антигуманной** природе частной собственности: **частная собственность** – это собственность, основанная на эксплуатации наемного труда. И наемный труд, и эксплуатация человека человеком – антигуманны, бесчеловечны по своей сущности, поэтому либералы всех мастей и их приспешники «социал-демократы» специально и усиленно заменяют в общественном сознании (или отождествляют) понятие частной собственности понятиями **личной** или **индивидуальной** собственности. Это все очевидно сегодня на примере отказа России от строительства социализма на основе общественной собственности.

К сожалению, в массовом общественном сознании произошло отождествление частной и личной, частной и индивидуальной собственности. Люди интуитивно цепляются за личную собственность, забывая, что она может быть основана на **личном** труде собственника и на **наемном** труде работника.

Почему либералам нужна частная собственность во всех ее метаморфозах (акционерная, кооперативная, индивидуально-частная)? Потому что только на ее основе возможно существование классов эксплуататоров и эксплуатируемых, работодателей и работников, дворян, князей, графов, буржуев и обездоленного народа (рабочих, крестьян, интеллигенции). Ликвидируйте частную собственность и не будет буржуев и дворян, и все граждане превратятся в работников, трудом своим добывающих средства существования: «кто не работает, тот не ест».

Так или иначе, но ни цивилизационный, ни культурологический подходы к периодизации общественного развития (имеющие частичную значимость) не отменяют и не заменяют формационного подхода.

Проблема переходного периода от капитализма к социализму в рамках формационного подхода и возникает в связи с анализом движения (эволюционного или революционного) от капитализма, как последнего классового общества, основанного на частной собственности, к коммунистическому бесклассовому обществу. Даже если социализм рассматривать как первую фазу, первый этап коммунистической формации, возникают, по крайней мере, две проблемы «переходного характера»: а) проблема перехода от капитализма к социализму и б) проблема перехода от социализма к коммунизму. Обе эти проблемы нашли обсуждение в обществоведческой литературе в предшествующие десятилетия. Сегодня актуальной становится **первая** проблема, ибо в России ускоренно строится капитализм, а, значит, пора думать о переходе от него к социализму, точнее – о **возврате** к строительству социализма.

Частичный материал по проблеме перехода от капитализма к социализму накоплен значительный в предшествующий период уже с середины XIX века (работы Маркса и Энгельса) и в первой четверти XX века (работы Ленина). Мы имеем в виду: учение об объективных и субъективных факторах революционной ситуации, учение о революционном и эволюционном способах перехода, учение о «восстании как искусстве», о переходных формах собственности, об отношении к классу собственников, о диктатуре пролетариата и ее формах, о построении государства переходного периода, об отношении к предшествующей культуре (движение «пролеткульт») и т.д. Теоретическое значение этого материала сохраняется, хотя необходимы коррективы с учетом исторического изменения общества, его социальной структуры, процессами глобализации, научно-технической революции, становлением коммуникативной сферы общества с ее прямыми и обратными связями (в частности, сети Интернет). Тем не менее, проблема остается, ибо никакой капитализм с его «священной и неприкосновенной» частной собственностью и с его классом мульт-

ти-миллиардеров не является вечным, и его дальнейшее существование даже в новых глобальных условиях только еще более обнажает его антигуманную сущность. Если империализм был высшей стадией капитализма, как писал В.И. Ленин, то современный глобализм является высшей и последней стадией империализма.

В анализе проблем переходного периода от капитализма (империализма–глобализма) к социализму мы считаем возможным двигаться в плоскости **сферного** подхода, который уже ранее использовался авторами (См.: Зеленев Л.А., Зеленев П.Л., Владимиров А.А. Философские проблемы модернизации. – Н.Новгород: ВГАВТ, 2011. С. 184). Анализ понятия сферы общества позволил нам выявить базовые константные образования каждой сферы: *социальные потребности, социальные способности, социальную деятельность, социальные отношения, социальные институты.*

Формирование переходного периода от капитализма к социализму характеризуется: 1) возникновением **потребности** в таком периоде, 2) наличием **способности** такой период сделать, 3) особенностями **деятельности** в этот переходный период, 4) спецификой **отношений** в обществе в этот период, 5) своеобразием социальных **институтов** в данный период.

1. Потребности перехода. Обычно потребности в переходном периоде от капитализма к социализму связывают с невозможностью формирования социалистического общества в недрах капитализма ввиду их принципиального отличия. Формирование капитализма в границах феодального общества возможно, так как они родственны по своей природе. Но приходится учитывать ряд обстоятельств: а) некоторые общественные явления классово индифферентны (наука, техника, язык, производительные силы, природные ресурсы), б) позитивные социальные силы формируются в пределах капитализма (партии, передовые рабочие, революционная интеллигенция, общественные объединения), в) сама

задача перехода к социализму возникает тогда, когда условия для ее решения уже созрели или находятся в стадии становления, как писал К. Маркс в Предисловии «К критике политической экономии». Если с обратным, отрицательным знаком оценивать эти обстоятельства, то тогда мы сможем понять и «переход от социализма к капитализму» в России в 90-е годы XX века.

Если некоторые обстоятельства складываются объективно, то многие из них приходится формировать сознательно, для чего и нужен переходный период от капитализма к социализму: формирование социалистического государства с тремя ветвями власти, постепенная ликвидация частной собственности (концепция НЭПа), формирование социалистических общественных объединений, социалистических кооперативов. Нужны *новое государство, новые кооперативы, научное планирование общественного развития.*

2. Способности к переходу. Такие способности в их вещественном, энергетическом, техническом, научном, коммуникативном отношении складываются уже в условиях капиталистического состояния общества. Чтобы их задействовать нужны **человеческие** силы, субъективный фактор: люди, кадры, политики, идеологи, ученые, экономисты, управленцы. Вот формированием, поиском, возвращением их, привлечением на сторону народа и должна заниматься коммунистическая партия в переходный период. О том, что сделать это можно, говорит опыт строительства социализма в нашей стране в 1920–1930-е годы.

3. Деятельность в период перехода. Поскольку деятельность возникает тогда, когда есть потребность в ней и способность к ней, постольку специфика переходной деятельности определяется названными выше аспектами *потребности* и *способности*. В принципиальном отношении можно выделить **три** типа этой «переходной» деятельности: а) мобилизация накопленного субстратного и человеческого потенциала для построения социалистического общества, б) формирование кадрового, челове-

ского потенциала для всех сфер становящегося социалистического общества (экономической, экологической, научной, педагогической, управленческой, художественной, медицинской, физической) и в) формирование управленческих механизмов организации общественной жизни (всех сфер) на новых принципах.

4. Отношения в переходный период. Социальные отношения в этот период должны претерпеть изменения перехода от аморфного (размытого) состояния к отношениям с четкой социальной позицией: отношения к «сторонникам», к «противникам» и к «нейтралам». Это предполагает формирование четкой **диспозиции**: позиции, пропозиции, контрпозиции, оппозиции. Такая диспозиция может складываться в каждой сфере с учетом степени ее идеологизированности.

5. Институты переходного периода. На данном этапе складываются специфические социальные институты (организации, учреждения, заведения) двойного типа: строго социалистически ориентированные и институты, обеспечивающие связи государства и гражданского общества (профсоюзы, партии, объединения, союзы). Социалистическую ориентацию государства и всех иных социальных институтов должна обеспечивать партия коммунистического типа (название можно варьировать: Коммунистическая, Социалистическая, Народная, но не демократическая, народно-демократическая).

Очень много в решении проблем переходного периода от капитализма к социализму может показать опыт строительства социализма в сложнейших глобальных условиях в Китае. Изучение этого опыта – одна из важнейших задач современной научно-идеологической деятельности передовых людей в России.

Творческий вклад марксизма в исследование сущности и содержания социальной справедливости

Козлов М.И. – к.ф.н. (*г. Архангельск*)

Основоположники диалектического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс, а в последующем В.И. Ленин, восприняли все ценное, прогрессивное из опыта исследования сущности и содержания социальной справедливости передовыми мыслителями прошлого: ее объективный характер, связь с понятиями равенства, свободы, блага, общественными интересами и институтами, соединение прав с обязанностями в качестве формы ее реализации и др. Их творческий вклад в исследование данной проблемы, как нам представляется, в обобщенном виде состоит в следующем.

Во-первых, классики марксизма отказались рассматривать понятие социальной справедливости вне его конкретно-исторического содержания, вне реальных общественных отношений, что было наиболее характерно для домарксистских теорий. Справедливость перестала навязываться общественно-историческому процессу как нечто внешнее по отношению к нему, а стала целиком и полностью выводиться из последнего, что придало ее содержанию характер научной истины. В противовес абстрактным, вневременным, оторванным от жизненных реалий рассуждениям об идеале вечной справедливости Маркс и Энгельс установили земные, материальные корни идеи справедливости и ее высшего критерия. «А эта справедливость, – указывал Ф. Энгельс, – всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны» [1, т. 18, с. 273].

Во-вторых, согласно марксизму, все, что называется справедливым (или несправедливым) и к чему применяется соответствующее понятие, прямо или опосредованно связано с общественными отношениями обменного и распределительного типа,

призванными регулировать, нормализовать общественную систему, способствовать сохранению и развитию общественного строя. Именно в этих целях в обществе происходит непрерывный процесс обмена деятельностью, продуктами труда, идеями, материальными и духовными ценностями, постоянно распределяются жизненные условия между индивидами, коллективами, большими и малыми социальными группами, классами и другими социальными субъектами.

В-третьих, социальная справедливость рассматривалась классиками марксизма в контексте открытого ими закона смены общественно-экономических формаций, в соответствии с которым ее содержание соответствует определенному способу производства материальных благ. Цель научного анализа феномена социальной справедливости они видели в выявлении противоречий социально-экономической реальности и нахождения путей их разрешения. «Так как, согласно политической экономии, – пишет Ф. Энгельс, – заработная плата и рабочий день определяются конкуренцией, то справедливость, очевидно, требует, чтобы обе стороны были с самого начала поставлены в одинаковые условия. Но этого-то и нет в действительности. Если капиталист не договорится с рабочим, то он в состоянии ждать, живя на свой капитал. Для рабочего это невозможно. ...он вынужден брать работу тогда, там и на тех условиях, на которых он может ее получить. Рабочий с самого начала оказывается в неблагоприятных условиях борьбы. А между тем, согласно политической экономии класса капиталистов, в этом-то и заключается верх справедливости» [1, т. 19, с. 256].

В данном контексте марксистская концепция справедливости не приемлет частнокапиталистического присвоения прибавочной стоимости, деформирующего эквивалентный обмен и тем самым очерчивающего капитализму четкие пределы развития экономики, достигнув которые он начинает тормозить дальнейшее развитие производительных сил. Указанное препятствие, с

точки зрения марксизма, можно устранить только социалистической революцией, утверждающей общественную собственность на средства производства, что исключает капиталистическую эксплуатацию как основной фактор социальной несправедливости. Поэтому категория социальной справедливости в марксистской концепции наделяется критическим, направленным на общественное преобразование смыслом. Классики марксизма определяли данную категорию, с одной стороны, как элемент общественного сознания, средство мобилизации угнетенных, обездоленных, эксплуатируемых масс на борьбу с отжившей социальной системой, а с другой – рассматривали её как объективное свойство общественных отношений, характерных для будущей коммунистической формации. В.И. Ленин в данной связи подчеркивал, что идея справедливости во всех народных восстаниях, революционных движениях «...двигает во всем мире необъятными трудящимися массами» [2, т. 34, с. 332]. Он говорил о необходимости разъяснения трудящимся, «...какие улучшения мы можем *сейчас же* отвоевать своей борьбой, улучшения и в жизни рабочих, и в жизни крестьян» [2, т. 7, с. 166].

В-четвертых, мерилom реализации социальной справедливости марксисты считают достижение социального равенства, требование которого сводится к требованию уничтожения классов.

Энгельс в данной связи отмечал, что с момента превращения буржуазии из средневекового сословия в современный класс ее всегда сопровождает пролетариат. «Точно так же буржуазные требования равенства сопровождаются пролетарскими требованиями равенства. С того момента, как выдвигается буржуазное требование уничтожения классовых *привилегий*, – писал он в «Анти-Дюринге», – рядом с ним выступает и пролетарское требование уничтожения *самих классов*, сначала – в религиозной форме, примыкая к первоначальному христианству, а потом – на основе самих буржуазных теорий равенства. Пролетарии ловят буржуазию на слове: равенство должно быть не только мнимым,

оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере» [1, т. 20, с. 108].

В-пятых, марксистский тезис о неполноте, ограниченности, фальшивом характере социальной справедливости при капитализме, сводимой лишь к формальному равенству всех граждан перед законом, получил широкое распространение во многих странах мира во второй половине XX–начале XXI вв., и разделяется сегодня не только социалистами, коммунистами, но и сторонниками либерализма, неоконсерватизма. Данный тезис вовсе не предполагает непременно обобществления всех средств производства или имущественного уравнивания, но во всех случаях и формах означает создание определенных льгот для бедных и обездоленных за счет всего общества, что невозможно без государственного регулирования и перераспределения национального богатства (обратим внимание, что именно это произошло под влиянием опыта реального социализма в СССР и других странах).

В заключение отметим, что наш краткий экскурс не имел целью дать сколько-нибудь детальный анализ эволюции взглядов на социальную справедливость, имевших место в истории европейской философии. Исходя из диалектического принципа конкретного историзма, мы попытались выявить и рассмотреть общую концептуальную основу, присущую любым проявлениям социальной справедливости. Еще раз подчеркнем, что целый ряд основополагающих принципов справедливости, несущих конструкции ее общелогического каркаса, были разработаны еще античными философами. На протяжении тысячелетий, как мы убеждаемся при изучении наследия классиков философии, сохраняется традиция отождествления социальной справедливости с общим благом. Показательными в этом плане являются суждения одного из крупнейших немецких правоведов XIX в., отнюдь не радикала и не социалиста, Рудольфа Иеринга: «Против притяза-

ния на защиту, предъявляемого личным эгоизмом, общество имеет право выставить свои интересы. Интересы же общества составляют то, что выгодно не одному, а всем, на чем все могут сойтись, и этот интерес ...есть не что иное, как справедливость. Она выше свободы, индивид существует не для себя исключительно, но и для мира; поэтому свобода, т.е. то, что соответствует личным интересам индивида, и должна подчиняться справедливости, т.е. тому, что требуется интересами всех» [3, 109–110].

Данные суждения, на наш взгляд, несмотря на то, что их высказал западный мыслитель, в большей степени относятся к характеристике модели социальной справедливости «по-русски», «по-советски». И такое понимание справедливости характерно для многих современных теоретиков как на Западе, так и в России.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
3. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881.

Симметрия истории и переходный период в марксизме

Санталов Л.А. (г. Архангельск)

В политических партиях марксистского направления по переходному периоду существует многообразие взглядов [1], где, в том числе, и сталинский переходный период от капитализма к социализму. В марксизме речь идет о переходе от капитализма к коммунизму. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, – писал К. Маркс в «Критике Готской программы», – лежит период революционного превращения первого во второе» [2; 19, 27]. Обществом этого переходного периода будет социа-

лизм, в известном смысле, – «переход к уничтожению классов», весь переход есть «переход к уничтожению классов и к обществу без классов» [2; 28, 424].

Марксистский переходный период отражает сущность современного этапа мирового развития. Но даже в самом марксизме содержание переходного периода различается в зависимости от различных классификаций истории. Одна классификация связана с делением истории на три формации по признаку классовости: первобытный коммунизм, доэкономическая, бесклассовая формация; классовая, экономическая формация; и коммунизм, постэкономическая, бесклассовая формация. Здесь – переходный период между классовой и бесклассовой формацией Маркса [2; 13, 7–8; 3, 291].

Другая классификация в делении истории на три эпохи по основанию отчуждения: эпоха естественной необходимости; эпоха осознанной необходимости; эпоха положительного гуманизма [4, 66]. Здесь коммунизм выступает не как формация, а как движение, как переходный период от максимального отчуждения (капитал) до полного снятия всех других слоёв отчуждения. «Коммунизм для нас не *состояние*, ...не *идеал*... Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [2; 3, 34].

Хотя объем и содержание переходного периода формально различаются в этих классификациях, но по существу это один и тот же процесс снятия отчуждения. Обычно начало снятия отчуждения связывают с ленинской концепцией социализма в известном смысле. Окончание переходного периода в первой классификации символизирует первая фаза коммунизма – социализм в собственном смысле. Окончание переходного периода второй классификации связано с достижением положительного гуманизма. Частично эти различные классификации можно и примирить, если считать, что высшая ступень коммунизма и есть положительный гуманизм.

Актуальность проблемы переходного периода определяется ещё одним малоизвестным фактом, который отрицает тезис: «Обычно начало снятия отчуждения связывают с ленинской концепцией социализма в известном смысле». Речь идёт о симметрии истории и её сущности – исторической функции капитализма, которая разворачивает историю на 180 градусов [5]. Социализм только завершает коммунистическую работу, начатую капитализмом. Если капитализм производит относительное выравнивание уровней развития стран, то социализм – абсолютное, завершает это выравнивание между глобальными классами, полностью капиталистической системы.

В рукописях 1844 года у Маркса содержится гениальная догадка о том, что «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждения» [2; 42, 113]. С. Платонов по этому поводу выразился: «Теоретически задача сведена к установлению... «оси симметрии», разделяющей период становления отчуждения и эпоху его преодоления...» [4, 29]. Если Платонов предположил наличие симметрии в истории, то современный марксизм рассматривает симметрию истории как общеисторический закон. Симметрия истории есть проявление диалектического закона двойного отрицания в отношении к целостной истории. Анализ показал, что искать середину истории необходимо не по оси времени, а по оси уровня развития общества. Для этого, помимо исторического места общества, необходимо ввести новую категорию – историческая функция общества. Данная категория является открытием современного марксизма и в традиционном обществоведении в такой постановке не анализировалась. Историческая функция отражает совокупность изменений, вносимых данной формой общества в человеческую историю. Функция капитализма – быть относительным выравнивателем, а социализм завершает это выравнивание, делая его абсолютным. Завершение выравнивания тождественно завершению марксистского переходного периода.

Выравнивание означает выравнивание уровней развития стран высшего и нижнего полюса капиталистической системы. Процесс выравнивания отражается постоянным сокращением разрыва уровней развития бедных и богатых стран, что означает включение в мировую систему всех стран ранее посредством создания колониальной системы, а в современности посредством неокOLONIALИЗМА. Стратегическая цель колониализма и неокOLONIALИЗМА одна – держать все страны мира в сфере влияния стран верхнего полюса капитализма и целью создания «золотому миллиарду» наилучших условий существования. Первопричиной выравнивания явилась такая болезнь капитализма как перепроизводство товаров и затоваривание рынка, что ведет к сокращению прибыли (умиранию капитализма). Решение проблемы выживания капитализма было найдено в создании мирового капиталистического рынка посредством вывоза товаров и более выгодного вывоза капиталов за границу. Организация производства в развивающихся странах имеет два следствия. Первое следствие – капитал решает проблему продления своего существования. Второе следствие – в результате организации производства и необходимого обустройства всей социальной сферы уровень развития отсталых стран стал быстро меняться. Историческая тенденция изменилась и образовалась ось симметрии. Симметрия истории – это такая её логическая середина, при достижении которой основные исторические тенденции меняют свое направление на противоположное.

Вторая часть исторической функции капитализма сводится к тому, что выравнивание относительное, что также связано с классовой природой капитализма. Неравенство в уровнях развития позволяет цивилизованным странам диктовать свои условия развивающимся странам, и это обеспечивает их эксплуатацию. Разрыв в уровнях развития обеспечивается целенаправленно, и для этого используются различные средства:

1. КОКОМ – международная организация, занимающаяся регулированием экспорта стратегических товаров и технологий в развивающиеся и бывшие социалистические страны. В развивающиеся страны вывозятся «технологии вчерашнего дня». Международное законодательство запрещает вывозить в развивающиеся страны самые передовые технологии, якобы, они могут быть использованы в военных целях против развитых стран.

2. «Ножницы цен», то есть мировой капиталистический рынок устанавливает несправедливые цены. Используется политика монопольных цен. Цивилизованные страны используют колоссальный объем ресурсов планеты (80%) для своего существования и при этом сами определяют цены. Нарушение торгового баланса (низкий экспорт и высокий импорт) не позволяет развивающимся странам успешно решать свои внутренние проблемы.

3. Монокультурность – это развитие одной или нескольких отраслей экономики. Одностороннее развитие формировало экономическую зависимость развивающихся стран от развитых стран. Для удовлетворения других многообразных потребностей необходимо было ввозить недостающую продукцию из-за рубежа (вывоз товаров).

4. Дискриминация в международном разделении труда. К примеру, все, что связано с интеллектуальным трудом, с передовой наукой осуществляется в развитых странах. И, наоборот, все, что связано с простым неквалифицированным трудом осуществляется в развивающихся странах. В итоге цивилизованные страны уходят в развитии дальше по сравнению с развивающимися странами.

5. Военное давление со стороны НАТО. После реставрации капитализма в бывших социалистических странах исчезла «первопричина» существования военного блока. В реальности НАТО создавалась как военно-политическая консолидированная сила развитых капиталистических стран для реализации их стратегических целей. Главная стратегическая цель стран верхнего полю-

са капиталистической системы в современных условиях – максимально использовать ограниченные ресурсы планеты в интересах цивилизованных стран, так называемого «золотого миллиарда».

Для несогласных с диктатом нового мирового прядка используется военная сила НАТО. Постоянно изобретаются мифические поводы военного вмешательства, список которых постоянно обновляется.

Литература

1. О субстанции социализма <http://forum.kprf.ru/viewtopic.php?f=8&t=33949>
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 томах.
3. Социализм: теория, история, перспективы: материалы международной научной конференции, посвящённой 140-летию со дня рождения В.И. Ленина. Н.Новгород: Гладкова О.В., 2010.
4. Платонов С. После коммунизма. М.: Мол. гвардия, 1990.
5. Сайт автора: <http://filosovf.ucoz.ru> /полемика/историческая закономерность/симметрия истории.

Сущность общества, названного Лениным социализмом, в свете Рукописей Маркса, оставшихся Ленину неизвестными

Табакон В.И. – д.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

К сожалению, проблему социализма [см. о ней: 1] разрабатывали после Маркса преимущественно как толкование одного его письма, известного как «Критика Готской программы», тогда как эта «Критика...» могла адекватно пониматься только в контексте его «Капитала». Но получилось наоборот, сам «Капитал» стал интерпретироваться в контексте толкования указанного письма. И толкования – домарксистского [о современной попытке выдать такое толкование за развитие и преодоление «Капитала» см.: 2]. Но такое «социализмоведение» не отвечало и не может отвечать на коренной (диктуемый всем «Капиталом») во-

прос: как возможно в условиях остающихся еще стоимостных отношений общенародное присвоение создаваемой прибавочной стоимости, если закон стоимости запрещает (под угрозой краха всей экономики!) потребление этой создаваемой прибавочной стоимости её производителями [см. об этом: 3]? Не отвечало оно и на такой фундаментальный вопрос: на каком уровне развития хозяйственных сил людей (конкретно!) возможен социализм [см. об этом 4 и 5]?

Маркс термины «социализм» и «коммунизм» применял почти как синонимы, обозначая первым из них преимущественно учение социального освобождения, а последним – практическое движение пролетариев за свое освобождение от капиталистического наемного рабства. До Ленина эти два термина не использовались для обозначения разных «фаз» будущей эпохи свободной индивидуальности. Марксово понимание «фазы», названной Лениным «социализмом», следует искать, прежде всего и в конечном счете, не в указанном письме, а в его «Рукописях 1857–1859 гг.», «Рукописях 1861–1863 гг.» и, конечно же, в «Капитале» (в целостности 3-х томов), ибо именно «Капитал» есть «главное и основное сочинение, излагающее научный социализм» [6; 1, 186].

Но читать и раскрывать «Капитал» методологически правомерно именно и только в контексте указанных «Рукописей». Ибо они являются не просто подготовительным материалом, а, наоборот, Ключевым текстом «Капитала». Ибо самые фундаментальные открытия, зафиксированные Марксом в этих «Рукописях», оказались в «Капитале» не представленными.

Как увидел Маркс уже в самом начале своего теоретического прорыва, люди завоевывают себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктуется и допускается достигнутым уровнем развития хозяйственных сил. «В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные (а не всеобщие хозяйственные – *В.Т.*) силы; обусловленное этими си-

лами недостаточное для всего общества» производство и потребление делали возможным развитие лишь в том виде, что одни индивиды осуществляли свои потребности и способности «за счёт других, и поэтому одни – меньшинство – получали монополию развития, другие же – большинство – ...были временно (т.е. до выработки всеобщих хозяйственных сил – *В.Т.*) ...лишены возможности какого бы то ни было развития (кроме развития их как рабочих, как исполнителей прибавочного труда – *В.Т.*)» [7; т. 3, с. 433].

А в указанных выше Рукописях установил, что становление базисом хозяйства научного, всеобщего (т.е. достигшего своей завершенности) труда означает возникновение всеобщих хозяйственных сил, вообще решающих проблему средств существования и создающих условия для свободного всестороннего развития каждого и всех.

В конце развития капитализма (высшей, последней стадии экономической формации общества) хозяйственные силы людей как раз и доходят в своем развитии до уровня всеобщности. Это происходит на основе оставления за человеком одной только творческой доли труда и передачи всех функций непосредственного труда роботам. Это будет означать исчезновение стоимости, стоимостных отношений и действия закона стоимости вообще.

Труд становится всеобщим, и не только в смысле его завершенности, но и в смысле того, что каждый, кто будет трудиться (в указанном выше смысле), будет заниматься одним и тем же видом деятельности – научным творчеством (разумеется, в меру своих индивидуальных потребностей и способностей), направленным на преобразование природы и добывание средств человеческого существования [о всеобщем труде см., в частности: 7; т. 46–2, с. 110]. Другой функции у него как трудящегося не будет, всё остальное будет деятельностью, не имеющей к производству и потреблению средств человеческого существования прямого отношения. Всё, что алгоритмизируемо, будет передаваться (пу-

тем нахождения соответствующих первоначальных алгоритмов) роботам [см. об этом более обстоятельно в: 8].

Исчезновение вещных отношений означает, что преодолевается раздвоенность самого человека, личности на индивидуальность и на статуальность. Индивидуальность человека освобождается от своей исторической (цивилизующей ее) скорлупы, от статуальности, в которой она развивалась до сих пор. Начинается эпоха свободной индивидуальности, но индивидуальности уже цивилизованной, а не первобытной. Свободная индивидуальность теперь – это уже человек, освободившийся окончательно не только от какой бы то ни было личной зависимости от кого бы то ни было, но и от какой бы то ни было вещной зависимости от кого бы то ни было. Ничто, кроме своих собственных индивидуальностных потребностей и способностей, кроме своей воли и помимо своей воли не будет принуждать его общаться с кем-либо и иметь с ним дело.

Деятельность по законам экономики, политики и идеологии исчезает, ибо исчезает ее основа – статуальностная отчужденная собственность. Точно так же, как сегодня ни в какой стране невозможно быть статуальностным собственником воздуха, в то время как каждый человек является его индивидуальностным собственником (т.е. присваивает его столько, сколько требуют и позволяют его индивидуальностные потребности и способности), в обществе свободных индивидуальностей невозможно будет выступать статуальностным собственником любых средств существования. Это и есть, наконец-то, создание «для *всех людей* таких условий жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними в человеческих отношениях...» [7; т. 2, с. 554]. Никакой статуальностной собственности – ни частной, ни общественной – в этом обществе уже не будет. Если же она ещё остается, то общество ещё не является обществом свободных индивидуальностей.

В результате преодоления отношений вещной (и остатков личной) зависимости человека от человека «прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие» [7; т. 20, с. 294]. Только после создания указанных условий наступает эпоха свободных индивидуальностей [см.: 7; т. 46–1, с. 100–101]. И тем самым завершается цивилизация человечества и начинается развитие цивилизованного в полном смысле Человека. Кончается Предыстория, начинается собственно История.

Социализм же в ленинском его определении – как общество, находящееся, по Марксу, между обществом поработенной индивидуальности и обществом свободной индивидуальности, есть последняя фаза экономической формации общества, фаза отмирания стоимостных отношений, а тем самым – фаза завершения процесса становления свободной индивидуальности, и есть, одновременно, начальная фаза третичной общественной формации (общества свободной индивидуальности), фаза превращения индивидуальностных отношений во всеобщие и единственные отношения между людьми. Социализм и есть переход, переходная общественная формация от вторичной формации (в целом!) к третичной формации. Он есть переход именно от экономической формации общества в целом, а не только от ее последней (третьей) стадии, от капитализма. Если этого не видеть, то не будет и адекватного понимания самого социализма.

Литература

1. Табаков В.И. Социализм как идеал справедливого общества / Приволжский научный журнал. 2007. № 4.
2. Табаков В.И. Что представляет собой «спасительная для социализма» «новая экономическая парадигма» В.Я. Ельмеева? / Система экономической сферы общества: материалы 15-й Международной Нижегородской Ярмарки идей, 40-го Академического симпозиума. Н.Новгород: Изд-ль Гладкова О.В. 2012.
3. Табаков В.И. Фундаментальное противоречие между законом стоимости и товарным присвоением дивиденда / Приволжский научный журнал. 2011. № 3.

4. Табаков В.И. Возможность разрешения фундаментального противоречия между законом стоимости и товарищеским присвоением дивиденда / Приволжский научный журнал. 2012. № 1.
5. Табаков В.И. Формула пропорциональности хозяйства, позволяющей общенародно присваивать дивиденд / Приволжский научный журнал. 2012. № 2.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е.
8. Табаков В.И. «Научный всеобщий труд» или что скрывается за «теориями» постиндустриального», «информационного», «постэкономического» «общества»? // Законы научной сферы общества: Материалы 10-й Международной ярмарки идей, 35-го Академического симпозиума. Н.Новгород: ННГАСУ, 2007.

Введение в первокоммунизм

Тяпин В.Б. (*г. Барановичи, Беларусь*)

Общество не может эффективно развиваться, если никто из его членов не заинтересован в развитии производительных сил. Поэтому у общества должен иметься не только минимум средств потребления для выживания, но и некоторый их излишек для стимулирования производителей. На заре цивилизации этот излишек был слишком мал, чтобы можно было стимулировать труд каждого. Вот и возникло своеобразное разделение труда на тех, кто думает о развитии производства и присваивает излишки, образовавшиеся в результате роста производительности труда, и тех, кто обслуживает эти средства производства, получая за это определенный минимум жизненных средств. Это разделение труда принято называть отношениями собственности.

Однако угнетённый класс только до тех пор считает эти отношения справедливыми, пока производительность труда не позволит внедрить новое распределение, несколько увеличивающее присваиваемый им минимум. В результате происходит социальная революция, выводящая на арену истории новую пару собственников—не собственников.

Но в недрах капитализма новой пары собственников—не собственников не имеется. Свергнуть власть капитала и устано-

вить собственную власть может только угнетённый класс, в развитии производительных сил не заинтересованный. Это, во-первых, показывает, что эра классового расслоения закончилась, что отныне тот, кто работает, должен сам быть заинтересован в развитии производства; во-вторых, делает необходимым появление между капитализмом и коммунизмом специального переходного периода – социализма, чтобы эту новую заинтересованность создать. Причем из-за кризиса нормы прибыли эта заинтересованность должна быть создана не в рамках товарно-денежной, а в рамках следующей за ней трудовой формы стоимости. Внедрением новой заинтересованности завершается социализм и начинается первая коммунистическая формация – первокоммунизм. Попробуем представить как должно выглядеть первокоммунистическое распределение жизненных средств, чтобы обеспечить новую, уже коммунистическую, мотивацию развития производительных сил.

Если стоимость продукции выразить всем известной формулой $c+v+m$, то при увеличении производительности труда на некоем отдельном предприятии вдвое её стоимость на этом предприятии будет выражаться формулой $c+0,5v+(m+0,5v)$, т.е. на сколько сократятся затраты на рабочую силу, на столько же увеличится прибавочная стоимость. Этот прирост прибавочной стоимости, полученный за счет роста производительности труда по сравнению с общественно-необходимой, получил название избыточной прибавочной стоимости. В погоне за нею капиталист и развивает производство. Если мы хотим передать мотивацию развития производительных сил всем работникам, то должны передать избыточную прибавочную стоимость (или часть её) в фонд потребления трудовых коллективов.

Любой производственный процесс можно разложить на составляющие его операции, для которых необходимо определить общественно нормальные условия, т.е. на каком оборудовании и при каких технологиях, в основном, они производятся. Далее не-

обходимо разработать нормативы трудоемкости всех операций для таких условий. Теперь, уже на стадии подготовки производства, можно просчитать общественно-необходимые затраты труда (ОНЗТ) любой общественно-необходимой (т.е. реализованной) продукции. Зная ОНЗТ и тарифные ставки работников необходимой квалификации, легко определить суммарный фонд потребления на данном предприятии для случая, когда фактические ОНЗТ равны плановым. Если же фактические затраты труда меньше общественно-необходимых, допустим, вдвое (неважно, за счет применения новой техники, передовой технологии или интенсификации труда), то фонд потребления коллектива увеличивается, конечно, не вдвое, а с некоторым отставанием, например, на четверть. Это отставание необходимо, во-первых, для того, чтобы увеличивалась и принадлежащая обществу прибавочная стоимость; во-вторых, чтобы обеспечить отставание роста оплаты труда от роста его производительности, без чего задачу снижения себестоимости решить невозможно.

Фонд потребления административно-управленческого персонала (АУП) целесообразно установить в процентах от фонда потребления всего коллектива. В этом случае фонд потребления АУП будет расти только при увеличении объёмов реализации и (или) при повышении производительности труда. Рост реализации возможен только при повышении качества продукции и (или) снижении цен на нее, но не зависит от вида продукции. Поэтому создаётся не только заинтересованность производителей в снижении цен и повышении качества продукции, но и дополнительный интерес руководителей в выпуске любых пользующихся спросом изделий, что противодействует сокращению численности работников. Это очень важно, чтобы не провоцировать чрезмерный рост безработицы. Впрочем, в перспективе высвобождения работников не избежать, поэтому появится необходимость в сокращении рабочего дня. В конце концов, по выражению Мар-

кса, свободное время – главное богатство человека. И возможностей для его увеличения будет более чем достаточно.

Таким образом, мы заменяем оплату *по труду* оплатой *по труду и его производительности* (в дальнейшем: оплата или *распределение по производительности труда трудовых коллективов*). Замена буржуазного распределения по труду на новое распределение по производительности труда подводит черту под существованием последнего из буржуазных классов – пролетариата. На его место приходит новый первокоммунистический класс, уже потерявший признаки класса, поскольку главная причина классового расслоения – разделение труда на умственный и физический, в основном, преодолена. Теперь все работники сами заинтересованы в развитии производительных сил.

Тем не менее, право, хоть уже и не буржуазное, остаётся. Значит, остаётся и государство, а, значит, если исходить из наших социалистических представлений, должна остаться и бюрократия. Но вот этого-то как раз и нельзя допустить: если мы оставим производство под контролем касты решающих, но ни в чем не заинтересованных людей, они задушат те ещё неокрепшие ростки будущего, которые мы едва успели наметить. Чиновничество *как класс* тоже должно быть уничтожено. Решение здесь такое же, как и при ликвидации класса пролетариата: наделение бывших чиновников материальной заинтересованностью в развитии производительных сил. Для этого необходимо фонд потребления аппарата объединений и так далее, вплоть до министерств, установить в процентах от суммарного фонда потребления нижестоящих организаций. В этом случае и все вышестоящие будут заинтересованы в том же, в чём и работники подчиненных им организаций: производить больше, быстрее и качественнее.

Мы еще ни словечка не сказали о ценообразовании. А этот вопрос отнюдь не второстепенный. Бывший СССР вырвался из тисков всеобъемлющего дефицита только благодаря тому, что цены на товары были приведены в соответствие с имеющимся

спросом. Но смогут ли свободные цены существовать в новых условиях? Ведь все наши построения направлены на то, чтобы стимулировать рост производительности труда и, следовательно, на снижение цен. Оставляя свободными цены, мы тем самым оставляем возможность для не обусловленного трудом обогащения за счёт их роста. Две взаимно противоположные тенденции не могут сосуществовать мирно. Значит, надо заранее предусмотреть, чтобы получающаяся за счет роста цен сверхприбыль (назовём её так) не смогла стать мотивом деятельности производителей. Для этого надо не допустить эту сверхприбыль в фонды потребления предприятий, аккумулируя её, к примеру, на специальных банковских счетах, использование которых разрешено только для обновления производства. Как легко убедиться, в этом случае главный интерес производителей в увеличении фонда потребления заставит их расширять производство под неудовлетворённый спрос, то есть работать на снижение цен.

В рыночной экономике стоимость постоянно автоматически корректируется в связи с изменением общественно необходимых условий. Прогресс информационных технологий позволяет отслеживать эти изменения и соответственно редактировать нормативы трудоёмкости. Так что и с этой стороны ничего невыполнимого не ожидается. Надо только предусмотреть при снижении нормативов трудоёмкости некоторое повышение тарифных ставок, хотя, как мне кажется, снижение цен будет вполне приемлемой платой за вероятное снижение фондов потребления.

Итак, мы обнаружили, что разговоры о необходимости перехода от социализма к первокоммунизму – это вполне решаемая задача. И перестройка имела все шансы стать первой коммунистической революцией на планете, а мы имели реальную возможность жить в обществе, в котором лучше бы жил тот, кто лучше работает, а не тот, кто дороже продаёт.

Особенности переходного периода от капитализма к социализму

Черкасов Г.И. – д.э.н. (г. Нижний Новгород)

Выяснение процесса практического формирования социализма не менее важно, на мой взгляд, чем исследование самого этого строя. Не случайно К. Маркс и В.И. Ленин специально занимались изучением названного процесса, связывая его с определенным переходным периодом [1, 27; 2, 86–87]. В условиях все большего загнивания капиталистического общества вопрос о становлении последующей формации становится особенно актуальным. Между тем, современные философы, социологи, экономисты, даже стоящие в основном на научных позициях, очень редко обращаются к исследованию данного вопроса.

* * *

Тему предлагаемой статьи можно глубоко раскрыть только на базе диалектического материализма. Исходя из этого учения, правомерно считать, что переход от старого качества к новому в любой сфере действительности происходит обычно через некоторый временной промежуток. В его пределах возникает то или иное сочетание старого и нового при постепенном все большем преобладании последнего.

В принципе то же самое совершается и в общественном развитии. Это означает, что здесь между старым и новым неизбежен какой-то период, когда первого в основном *уже* нет, а второго в основном *еще* нет. Складываются переходные общественные отношения, включающие элементы и старого, и нового. Подобная ситуация наиболее значима при смене одной формации исторически последующей.

Однако при этом происходят качественно разные процессы. Их содержание определяется, на мой взгляд, главным образом характером господствующей собственности у сменяющихся формаций. Если какая-либо из них перерастает в общество с

приматом того же типа присвоения, то такой переход совершается в виде постепенного вызревания нового строя еще в недрах старого, без предварительной политической революции. Последняя лишь завершает данный процесс, знаменуя и утверждая победу нового общества. Так произошел переход от рабовладения к феодализму и от феодализма к капиталистическому строю. Коренная причина подобного хода вещей – типовая общность у названных формаций господствующей (частной) собственности, прежде всего на средства производства и рабочую силу.

* * *

Принципиально по-иному осуществляется смена капитализма социализмом. При этом неизбежен переход от одного типа господствующей собственности к прямо противоположному ее типу: от частного к общественному (общенародному). Данное обстоятельство вносит в изучаемый процесс целый ряд коренных особенностей.

Во-первых, при смене капиталистического строя социалистическим невозможно возникновение основ нового общества в недрах старого. Дело в том, что господство частного присвоения жизненных благ исключает принадлежность обществу таких из них, как важнейшие средства производства и обращения, поскольку это прямо угрожает прежде всего уменьшению частного обогащения. Практически ни в одной буржуазной стране никогда не появлялась общественная собственность на крупные промышленные предприятия, тем более на ведущие производственные отрасли. Но, конечно, определенные предпосылки нового строя должны вызревать в условиях капитализма; в первую очередь, это относится к дальнейшему обобществлению и совершенствованию производительных сил.

Во-вторых, противоположность частной и общественной собственности требует для перехода к социализму достаточно быстрого и массового подрыва господства предыдущей формации. Имеется в виду устранение тем или иным путем крупной ча-

стной собственности на решающие средства производства и обращения, ликвидация буржуазного государства, значительное ограничение буржуазной демократии.

В-третьих, для проведения подобных радикальных мер потребуется предварительный захват социалистически ориентированными силами политической власти. Тем самым переход к посткапиталистическому строю должен начаться с революции политического характера – в то время как ранее смена формаций возникала с постепенного экономического переворота.

В-четвертых, при становлении социализма образуется специфический характер многоукладной экономики. Прежде главную роль в переходных условиях играли существенно родственные уклады, поскольку все они базировались на частной собственности; тем самым противоречия между старыми и новыми из них не достигали предельной остроты. В рассматриваемом случае ведущее значение впервые в истории все больше принадлежит общественным хозяйственным формам, что вносит в данный период небывалую сложность и напряженность. При этом широкое развитие должен получить кооперативный (коллективный) уклад [3; 370, 373].

В-пятых, до перехода к социализму смена формаций совершалась в целом стихийным образом. Теперь же необходима осознанная, целенаправленная деятельность широких масс под руководством марксистско-ленинской партии. Более того, требуется тщательная, всесторонняя подготовка к становлению социалистического строя. Особую значимость имеет теоретическая, идеологическая и организационная подготовка, которую следует активно осуществлять еще в условиях капитализма.

Наконец, специфика возникновения социалистического общества состоит в том, что возможно обозначить достаточно точные границы данного процесса. Его началом надо считать установление политической власти рабочего класса в союзе с другими трудовыми слоями и под руководством коммунистической

партии, а его завершением – создание в основном технологической, собственнической и социально-политической базы нового строя. Границы же возникновения других формаций выступают весьма приблизительно. Тем самым правомерно говорить не просто о переходе к социализму, а о вполне определенном по времени *переходном периоде* к нему. Именно таким образом пользовались и К. Маркс, и В.И. Ленин.

* * *

Указанный период стал впервые в истории реально осуществляться в СССР после Октябрьской революции 1917 г. К концу 1930-х гг. советским руководством было заявлено о построении в основном социализма в нашей стране, т.е. фактически о завершении переходного к нему периода. Думается, такое заявление оказалось слишком поспешным (хотя в политическом плане оно в какой-то мере было оправданным).

Действительно, к тому времени в Советском Союзе еще не сформировались главные черты нового строя. Не возникли свойственные ему производительные силы, общественная собственность реализовалась далеко не в полной степени (и в хозяйственном, и в потребительском отношении), сложился еще недостаточный уровень демократии, образованности, социальной активности, морали. В итоге качество жизни большинства советских людей еще не соответствовало требованиям социализма. Кроме всего прочего, если бы данный строй действительно хотя бы в основном утвердился в нашей стране, он не сдал бы с такой легкостью своих позиций в начале 1990-х гг.

Следовательно, СССР до конца своего существования фактически находился в условиях переходного к социализму периода. Подобное мнение уже высказывалось в российской литературе [4; 136, 138].

Однако все это ни в коей мере не отрицает огромное, поистине историческое значение советской эпохи. Впервые в жизни человечества был совершен реальный и сравнительно длитель-

ный прорыв в сторону неэксплуататорского общества, осуществлены в немалой степени важнейшие его черты. Накоплен бесценный практический опыт глобального масштаба. В итоге еще раз подтверждена научность теории марксизма-ленинизма. Нельзя не преклоняться перед людьми, активно и плодотворно участвовавшими в событиях того времени.

Литература

1. К. Маркс. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 19.
2. В.И. Ленин. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33.
3. В.И. Ленин. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
4. Трушков В. Ленинизм – это марксизм революционной эпохи перехода от капитализма к социализму. М., 2010.

Переходный период: вопрос о снятии отчуждения

Шетулова Е.Д. – д.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

Переходный период в рамках марксистской концепции социализма включает в себя много аспектов, в том числе, и аспект снятия отчуждения. Согласно классической марксистской формулировке, данной К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии», отчуждение выступает в качестве понятия, выражающего «консолидирование» социальной деятельности людей в силу, вышедшую из-под контроля человека и господствующую над ним [1, 32].

Данное понятие служит в марксизме для негативной характеристики капитализма. Соответственно проблема преодолимости отчуждения выступает как одна из самых значимых. И Маркс оптимистически решает ее. Преодоление отчуждения, с его точки зрения, возможно. И эта возможность утверждается им посредством выявления тех предпосылок отчуждения, на которых оно и базируется.

Что же собственно выступает в качестве такого рода предпосылок, по мнению самого Маркса? Здесь совершенно невозможно обойти проблему ряда имеющихся интерпретаций этого вопроса, сложившихся в отечественной и мировой литературе. Если их обобщить, то можно выявить две основных интерпретации предпосылок отчуждения. Согласно первой из них, исходная предпосылка отчуждения – это институт частной собственности. Согласно второй, наиболее фундаментальной предпосылкой отчуждения выступает общественное разделение труда и лишь, во вторую очередь, институт частной собственности. Причем, и та, и другая точки зрения «возводят» себя к «Экономическо-философским рукописям 1844 года», по-разному, соответственно, интерпретируя текст Маркса [2].

Нам представляется, что более правомерной является вторая обозначенная нами точка зрения. Ее правомерность видится нам в том, что в тексте Маркса процесс, если взять его в целом, выглядит следующим образом: разделение труда – отчуждение труда – возникновение собственности. Возникновение последней потянуло за собой остальные «звенья» социальной жизни, каждое из которых есть проявление отчуждения: классов, государства. Частная собственность же, как пишет сам Маркс, выступающая в дальнейшем средством реализации отчуждения, сама есть продукт, порожденный общественным разделением отчужденного труда [2, 96]. А это значит, что общественное разделение труда обладает первичным характером по отношению к частной собственности. И это, в свою очередь, предопределяет, что исходным источником отчуждения выступает именно общественное разделение труда. Следовательно, требуется «работа» по снятию этого источника.

В марксистской мысли XX–начала XXI веков вопрос о возможностях преодоления общественного разделения труда один из самых дискутируемых, что не является удивительным ввиду его сложности. Мнение большинства на стороне той точки зрения,

согласно которой разделение труда вполне устранимо, а соответственно устранимо и отчуждение. Обратимся в этой связи к ряду работ.

Работы Э.В. Ильенкова есть яркое выражение данной точки зрения. В частности, он постоянно подчеркивал необходимость преодоления сложившегося в товарно-капиталистической системе и связанного с разделением труда односторонне-частичного принципа формирования личности, ведущего в сторону становления «частичного человека» [3, 204]. И Ильенков считает вполне возможным такого рода преодоление и даже видит в нем, т. е. в целенаправленном воссоздании человеческой универсальности, ключ к решению всех загадок мировой истории [3, 203–204]. Сходную позицию занимает Л.А. Зеленев, также утверждающий необходимость упразднения отчуждения: проблема этого упразднения кроется в устранении разделения труда [4]. Эту точку зрения поддерживает в своей работе Б.А. Пугачев [5].

Мы согласны с рядом приведенных положений. И, прежде всего, согласны с необходимостью изменения основных принципов формирования человеческой личности, становящихся слишком узкими для развивающейся социальности. Но ряд моментов, с нашей точки зрения, вызывают возражения.

Так перспективы возможного снятия общественного разделения труда, в общем, выглядят туманными. Ведь без специализации в какой-либо области невозможно достижение никаких значимых результатов человеческой деятельности. Интересно, что данная идея была выдвинута и начала разрабатываться еще в момент, когда марксизм выступал в качестве государственной идеологии в нашей стране [6, 125–126; 7, 34]. Кроме того, представляется, что даже на очень высоком уровне технологического и социального развития общества человечество вряд ли сможет преодолеть необходимость специализации того или иного индивида в рамках определенной формы деятельности, при всей возможной и необходимой гармоничности его собственного разви-

тия. Ибо деятельность в выбранной области конституирует личность человека через твердое определение цели и смысла жизни.

Нельзя также не учитывать исторического движения самого общественного разделения труда, как в смысле распространения его на новые сферы (пример, «бурное» разделение труда внутри современной науки), так и в смысле смягчения ряда негативных последствий для личности ввиду формирующегося изменения положения человека в системе производства, основанного на технико-технологических достижениях цивилизации.

На первый взгляд, такого рода утверждения выражают полное противоречие с марксовым подходом к рассматриваемому вопросу. Однако здесь встает скорее проблема интерпретации, чем любая иная проблема. Дело здесь, по нашему мнению, в том, что теория марксизма базируется на конкретно-историческом подходе, исходя из которого, любое явление понимается не в качестве неизменной первосущности, а как развивающееся и, соответственно, обладающее разными формами проявления, проходящее последовательные ступени изменений. И Маркс и В.И. Ленин, утверждая возможность и необходимость снятия разделения труда, на деле утверждали необходимость снятия старой капиталистической формы разделения труда, препятствующей гармоническому развитию человека именно ввиду характера труда в условиях капитализма.

Сохранение общественного разделения труда предопределяет сохранение отчуждения. Но и анализ отчуждения необходимо вести на базе того же конкретно-исторического подхода. Отчуждение также может обладать разными формами проявления и проходить последовательные ступени собственного изменения. Это означает, что в рамках той или иной формации присутствуют соответствующие формы и проявления отчуждения. Докапиталистические формации «концентрируют» отчуждение в отношениях личной зависимости. Капитализм сосредотачивает отчужденные состояния в социально-экономической сфере, социализм, ввиду

возрастания роли субъективного фактора, – в социально-политической сфере.

Это означает, что ни в границах переходного периода, ни в сформировавшемся социалистическом обществе отчуждение как таковое не исчезнет, но изменит формы своего проявления. И это само по себе не содержит в себе драматического аспекта. Ведь историческое движение общества означает историческое движение форм отчуждения. В целом, по мере прогрессивного формационного развития формы отчуждения трансформируются в сторону известного смягчения. Если же общество, неважно по каким причинам, «срывается» в регресс, то процесс, что естественно, идет в обратную сторону. Единственный выход видится в соответствующей направленности человеческой деятельности, как в практико-политическом, так и теоретическом смысле.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.
3. Цит. по: Рыбин В.А. Маркс и Ильенков. Творчество Э.В. Ильенкова в контексте марксова мегапроекта // Альтернативы. 2011. № 3.
4. Зеленов Л.А. Правда о коммунизме (научно-популярные этюды). Нижний Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2004.
5. Пугачев Б.А. К вопросу о преодолении старого разделения труда // Марксизм и современность. 2005. № 1–2 (31–32).
6. Маневич Е. К вопросу о разделении труда при коммунизме // Вопросы экономики. 1964. № 1.
7. Воронович Б.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. М.: Знание, 1975.

Раздел II. Основные интерпретации Марксовой концепции переходного периода

Сталинское видение переходного периода

Грехов А.В. – д.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

Формирование мировоззрения молодого революционера проходило под влиянием классических трактовок Марксовых подходов к пролетарской революции. Маркс, в понимании Сталина, выделял две ступени следующего за капиталистическим социалистического общества – первую ступень уничтожения капиталистических пережитков и вторую ступень утверждения принципа «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям» [1, 336–337].

Поскольку Маркс видел пролетарскую революцию только как всемирную, постольку он не исследовал проблему переходного периода. Идея переходного периода, как данность исторической практики эпохи империализма, впервые возникла в 1915 г. у Ленина, выдвинувшего в нарушение Марксовых постулатов о высоком уровне развития капитализма и о численном преобладании пролетариата в структуре населения тезис о «возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». Главными целями переходного периода являлись, соответственно, доделывание капитализма, обобществление всех средств производства и рост численности пролетариата.

После Октябрьской революции, находясь в плену концепта мировой революции [5, 57; 6, 50–51, 396; 17, 179], Сталин представлял социалистическое общество «близким», а переход к социализму в России очень быстрым по времени, неслучайно называя его «переходным моментом» [4; 74, 75, 79, 89]. За этот срок,

по его мнению, надо было утвердить народную Советскую власть, которая осуществит «полное подавление буржуазии».

В 1920-е годы в реальной исторической практике концепция мировой революции в смысле единовременного перехода ведущих капиталистических стран к социализму исчерпала себя [7, 26]. СССР оказался перед безальтернативной дилеммой: или признать преждевременность Октябрьской социалистической революции, или трансформировать ленинскую концепцию «победы социализма в одной стране», изначально понимаемую как победу социалистической революции в одной стране-катализаторе [6, 106], в теорию и практику устройства реального социалистического общества в одной стране [6, 107].

В примечании 1924 г. к написанной накануне Октябрьской революции статье «Против федерализма» впервые Сталин вводит термин «переходный период» [3, 30]. В работе «Об основах ленинизма» (1924) он впервые развертывает концепцию переходного периода применительно к Советской России [6]. Следует заметить, что пока Сталин мотивирует необходимость переходного периода исключительно догматом ожидания «мировой революции».

В это время в СССР начинается яростное столкновение двух социально-общественных парадигм – ленинизма и троцкизма [6, 348]. Троцкий, по мнению Сталина, предлагал «выбор»: «...либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство» [6, 377].

В декабре 1924 г. Сталин предложил свою позицию: «Ввиду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, – вполне возможна и вероятна» [6, 370]. Предназначение Советского Союза он видел как очага, притягивающего к себе отпадающие от капиталистической системы

страны и вливающиеся в русло социалистического хозяйства [7, 299].

С этого момента начинается тот сознательный переходный период в СССР, который Сталин именуется социалистическим строительством или построением социалистического общества. В январе 1925 г. он окончательно определяет линию на строительство основ социализма в одной стране [7, 16], т.е. на главное предназначение переходного периода: утверждение государства диктатуры пролетариата, экспроприацию капиталистов, создание экономической базы социализма, организацию социалистического производства на базе индустриализации. Авторитетом XIV съезда ВКП(б) Сталин констатирует переходное состояние страны: «И все же наш строй в целом нельзя еще назвать ни капиталистическим, ни социалистическим. Наш строй в целом есть переходный от капитализма к социализму, – где все еще преобладает, в смысле объема продукции, частновладельческое крестьянское производство, но где доля социалистической промышленности растет непрерывно» [7, 310]. В итоге Марксово представление о двух ступенях коммунистической формации трансформировалось в трехступенчатое.

Под переходным периодом Сталин стал понимать период избавления от капиталистических пережитков в процессе социалистического строительства, окончание которого он именовал «полной победой социализма» в одной стране, а закрепление во всемирном масштабе – «окончательной победой социализма».

Сущность переходного периода, по Сталину, означает «...двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими» [8, 84]. Переходной от капитализма к социализму формой является государство диктатуры пролетариата, способное подавить буржуазию и строить социализм [12, 71–73]. С 1928 г. гене-

ральным способом перехода к социализму становится «классовая борьба», а не «мирное вращение капиталистических элементов в социализм» [11, 170–171; 12, 15, 37; 14, 153, 166; 18, 244].

Фактически утверждалась дуалистическая концепция переходного периода: переходный период применительно к СССР (в теории с 1917 г. до «полной победы социализма» [8, 216], в реальности с 1917 г. до 1936–1939 гг.) и переходный период применительно к мировой цивилизации (в теории с 1917 г. до победы всемирной революции).

В рамках первой концепции конструировались этапы:

I – собственно переходный период и построение основ социализма в СССР (1917–1936-1939 гг.),

II – формирование социалистического общества и полное построение социализма в СССР (с 1936–1939 гг.). (Даже этот этап Сталин считал переходным для превращения «...общества с диктатурой в общество коммунистическое» [7, 159]),

III – окончательная победа социализма в мировом масштабе: «Тогда победа социализма в нашей стране будет окончательной» [8, 96]. Сталин прекрасно понимал, что «окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации...» [7, 118].

В рамках второй концепции определились два этапа:

I – переходный период в ходе мировой революции, предполагающий полное построение социализма в СССР, создание лагеря социалистических стран. Сталин рассматривает переходный период как удержание власти, укрепление пролетарской страны «...как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах» [6, 108; 13, 40],

II – окончательный сход капиталистической формации и утверждение коммунистической формации (социализма) в мировом масштабе.

Переходный период в СССР амбивалентен: с одной стороны, он длится до полного построения социализма в СССР, с дру-

гой стороны, до утверждения мировой социалистической системы.

Сталин – реалист; он уточняет, что выполнить переходные задачи за несколько лет невозможно. «Переход от капитализма к коммунизму» Сталин именуется как «целую историческую эпоху», насыщенную не только организационной и хозяйственно-культурной работой, но полную гражданских войн и внешних столкновений [6, 111]. И позднее он отводил переходному периоду длительные сроки [9, 137; 11, 230; 12, 165; 14, 33], а в выступлении на XVI съезде ВКП(б) утверждал, что «...до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» [13, 6].

В этом смысле неожиданным видится заключение Сталина, в связи с принятием Конституции 1936 г., о построении в СССР социалистического общества. Взяв за субстратный критерий социализма общественную собственность, ликвидацию эксплуататорских классов и полную демократизацию политической жизни страны, Сталин заявляет об утверждении социалистического строя в СССР [14; 109, 172, 277, 302]. Выступая 25 ноября 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов с докладом «О проекте Конституции Союза ССР», Сталин безапелляционно заявил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, то есть осуществило то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей, фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм» [14; 127]. Конституция СССР 1936 г. законодательно закрепила победу социализма в одной стране. При этом Сталин резонно заявлял, что окончательной победы социализма в СССР нет, поскольку существует враждебное капиталистическое окружение [14; 245].

Можно ли считать такое заключение Сталина об утверждении в СССР первой фазы коммунизма утопическим, преждевременным?

Сталин неоднократно заявлял, что государственные предприятия – это не полный социализм [7, 305]; что полный социализм предполагает избавление от пережитков бюрократизма [9, 188], что без объединения промышленности и земледелия на началах обобществления средств и орудий производства социализм невозможен [7, 326]. Он постоянно утверждал, что социализм есть бесклассовое общество при отсутствии государства [11, 312], но в СССР сохранялись классы, государство диктатуры пролетариата, культурная неразвитость, национальная проблема.

Возможно, Сталин руководствовался нежеланием признать неверными свои прежние прогнозы и предсказания. В частности, в речи на VII расширенном Пленуме ИККИ в 1926 г. он предрекал победу социализма в 10–20 лет не только в СССР, но и «в всемирном масштабе» [9, 39]: «...если мы не получим победы за этот срок, то это будет признаком того, что нас разгромили» [9, 40]. Вероятно, сказывалось революционное нетерпение. Но это не главное. То был политико-пропагандистский ход: в условиях надвигающейся мировой антисоциалистической войны Сталин таким выводом предопределял превращение ее в войну антиимпериалистическую, оборонительно-интернационалистическую. Итоги Второй мировой войны абсолютно оправдали подобную тактику.

Литература

1. Сталин И.В. Сочинения. [В тексте в квадратных скобках указаны тома и страницы].

Вырождение товарной стоимости в современном мире

Гриценко В.С. – к.ф.н. (г. Пермь)

Современный период мировой истории, носящий название постиндустриального (информационного), который ряд авторов определяет как поздний капитализм, квази-капитализм [5; 8; 9], характеризуется поистине архитектурными сдвигами в самом его фундаменте. Происходит вырождение товарного стоимостного отношения, предсказанное еще К. Марксом и фактически подмеченное представителями теорий постиндустриального общества [1; 3; 5].

Маркс заметил этот ставший сегодня масштабным процесс по некоторым его проявлениям: разрушение значительной части капитала в период кризисов, отрицание капитала на его собственной основе в виде акционерных обществ и непосредственно – в форме кооперативных фабрик рабочих, вырождение непосредственной зависимости произведенного богатства от рабочего времени и количества затраченного труда как субстанции стоимости.

«...Полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства» [4, 212–213]. Труд в его непосредственной форме перестает быть источником богатства, рабочее время – мерой богатства, а, следовательно, меновая стоимость – мерой потребительной стоимости. В.В. Орлов доказывает, что поскольку субстанцией стоимости является труд, размывание стоимостного отношения порождено столь же масштабными сдвигами в характере труда – появлением *всеобщего (научного, в смысле онаученного, высоконасыщенного наукой)* труда, первой формой которого выступает *автоматизированный* труд [5].

«Этот процесс вырождения стоимостного отношения, стоимости как субстанции товарного производства, капитала

как субстанции капитализма и составляет третий и главный, глубинный сценарий перехода от капитализма к коммунистической формации...» [5, 212].

О вырождении товарной стоимости говорит сегодня стремительное сокращение времени производства и времени обращения («бизнес со скоростью мысли», по Б. Гейтсу). Наиболее ярко вырождение товарной стоимости проявилось сегодня в отрыве стоимости от потребительной стоимости, в опасной тенденции *обособления и даже отрыва финансовой сферы от производства*. Невиданный масштаб глобализации этой сферы в условиях «хрупкости и бесконтрольности мировых механизмов регулирования экономики» порождает возможность сокрушительного кризиса современного капитализма, который может стать его концом.

«Кембриджское уравнение» А. Пигу отражает отношение совокупности всех денежных единиц, находящихся в обращении, к общей стоимости всех товаров, находящихся в обращении, которое должно быть постоянной величиной, равной денежному эталону стоимости. При изменении общей товарной массы размеры денежной массы должны корректироваться таким образом, чтобы их соотношение не изменялось. Сегодня к сформулированному в начале XX в. уравнению нужно сделать лишь небольшую поправку на имеющийся объем инвестиций, т.е. от общей суммы денег, находящихся в обращении, необходимо вычесть общий размер инвестиций, направленных в реальный сектор экономики. А.В. Рыбаков показывает, что в XX в. экономические кризисы в значительной мере были связаны с наличием избыточной массы денег – торговля не успевала за производством [6]. Глава чикагской школы монетаризма М. Фридман пытался решить эту проблему с помощью отмены Бреттон-Вудской системы и введения плавающих курсов валют, однако вопреки его предсказаниям, уровень мировой торговли не вырос, а сократился в два раза. Рыбаков говорит о мировых войнах и гонке вооружений

как об эффективном способе «сжигания лишних денег», правда, больше напоминающим древний способ лечения больного кровопусканием.

В 2008, кризисном, году мировой ВВП составил 62,25 трлн. долл., в том числе ВВП США – 14,29 трлн. долл., а лишних денег оказалось порядка 350 трлн. долл. [6]. Значительный толчок кризису дал и дефицит торгового баланса США. Однако, по мнению А.В. Рыбакова, основная причина кризисов – в самой *природе капитала как самовозрастающей прибыли, которая накапливается в огромных объемах*. Попытка «Большой Двадцатки» – группы министров финансов и глав центральных банков, представляющих 20 крупнейших экономик мира, а особенно правительства США, выйти из кризиса путем выделения денег на поддержку банковской системы метко определена Рыбаковым как попытка тушить пожар бензином.

О вырождении стоимости свидетельствуют и такие явления, как goodwill, или ценные бумаги, не имеющие реального физического наполнения и не привязанные к материальному производству, искусственно раздутые котировки акций, валютные спекуляции и пр. Особо выделим *«фантомные деньги»* – кредитные деньги, выпускаемые частными банками, имеющими лицензию на эмиссию. Так, в 1990-х гг. Американская резервная система печатала лишь 8% находящихся в обороте долларов, остальная масса денег эмитировалась частными банками. «Однако при этом процент резервного обеспечения выпущенных в банках кредитных денег весьма низок – порядка 3–4%. Так возникает масса «фантомных денег», которые, в случае затребования их кредиторами (или вкладчиками), не могут быть выплачены. Может ли возникнуть такая ситуация массового затребования?» [7, 14]. Если данная ситуация случится и финансовый коллапс произойдет, он намного затмит времена Великой депрессии, считает В.Г. Хорос.

От «фантомных денег» следует отличать *виртуальные деньги*. Чаще всего понятие виртуальных денег используется как синоним *электронных денег* – денежных обязательств эмитента в электронном виде, которые находятся на электронном носителе в распоряжении пользователя. Такие денежные обязательства соответствуют следующим трем критериям: они фиксируются и хранятся на электронном носителе; выпускаются эмитентом при получении от иных лиц денежных средств в объёме не меньшем, чем эмитированная денежная стоимость; принимаются, как средство платежа, другими (помимо эмитента) организациями. Однако в литературе встречается и более широкое понимание. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов связывают виртуальные деньги с фиктивным капиталом и превратным сектором экономики. Так, до 80% транзакций, обслуживаемых деньгами, связано с движением не товаров и услуг, а фиктивного капитала, денежных агрегатов и суррогатов [2, 142]. Имеющий информационные технологии в качестве своей материальной базы и корпоративно-сетевой рынок в качестве пространства «обитания» виртуальный капитал сегодня не только оторвался от реального и вырвался на простор финансовых спекуляций, но и стал определять место и роль реальных денег. «Виртуальность денег в данном случае означает их *вероятностное, неустойчивое, случайное бытие*» [2, 143].

Деньги становятся виртуальными и по своей технологической природе, и по социальной форме. Из всеобщего эквивалента, сращенного с устойчивой натуральной формой, они превращаются в «аморфную совокупность продуктов жизнедеятельности виртуального капитала». Они играют роль меры стоимости, средства обмена и накопления лишь вероятно. В отличие от фиктивного капитала XIX в., современный *виртуальный капитал* является глобальной виртуальной сетью, единой во всех своих звеньях, функционирующей по определению стихийно и потому неподконтрольной национальным и наднациональным структурам. Он приватизирован ограниченным кругом частных лиц, но

при этом и им не подконтролен; играет роль неоденег – универсального регулятора и всеобщего эквивалента на корпоративно-сетевом рынке, роль «сети сетей», делая систему цен, трансакций, сбережений и пр. зависимой от себя. Как следствие, виртуальный капитал обладает качеством виртуального же самовозрастания. Именно в форме виртуального капитал достигает, наконец, своего «идеала» – уничтожения пространства с помощью наивысшей скорости обращения и, как было показано Марксом, приближает этим свой неизбежный конец.

Как отметили теоретики разных направлений С. Ароновиц и В.Д. Фазио в книге «Безработное будущее», Ж. Ривкин в «Конец работы», Б. Шерман и Ф. Жадкинс в «Праве на работу», *«мы являемся сегодня наблюдателями предсказанного Марксом вытеснения живого труда машинами и фатального крушения стоимостного отношения»* [8]. Только в связи с фундаментальным процессом вырождения стоимостного отношения становится понятен полный смысл положения Маркса о том, что за пределами известного пункта развитие производительных сил становится для капитала преградой; следовательно, капиталистические отношения становятся преградой для развития производительных сил труда.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: «Academia», 1999. – 956 с.
2. Бузгалин А.В. Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 136 – 156.
3. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. – 618 с.
5. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. – Пермь: ПГУ, 2006. – 266 с.
6. Рыбаков А.В. Мировой экономический кризис: причины мнимые и реальные // www.mai.ru/events/sfiro/articles/sec2/rybakov.doc (дата обращения: 22.11.2010).
7. Хорос В.Г. Постиндустриальный мир – ожидания и реальность (к постановке проблемы) // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 10–24.

8. Dyer-Witheford N. Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism // <http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyerwitheford/index.htm> (дата обращения: 14.07.2009).
9. Mandel E. Late Capitalism. – L.: New Left Books, 1975.

«Переходная эпоха» к социализму в интерпретации

А.А. Богданова

Кисельникова Т.В. – д.и.н. (г. Томск)

Один из немногих российских социал-демократов-марксистов, уделявших серьезное внимание вопросам устройства социалистического общества, А.А. Богданов разработал модель, заслуживающую, на наш взгляд, внимания обществоведов.

В устройстве социалистического общества А.А. Богданов выделял две основные стадии: «переходную эпоху» или «переходное коллективистическое общество» и «развитой коллективистический строй» или «коллективизм». Термин «социализм» употреблялся, главным образом, применительно ко второй стадии. Данный текст посвящен характеристикам первой, «переходной» стадии.

Описание черт нового строя он предварял выяснением вопроса о самой правомерности делать социализм (нигде в реальности не существовавший) объектом научного исследования и приходил к положительному ответу. «Самый смысл науки, – писал он, – вообще заключается в **объективном** предвиденье. Будущее для нее заключается в тенденциях настоящего и прошлого, которые могут быть объективно установлены и сопоставлены. Предвидение получается тут, конечно, лишь относительное, условное, но таковы и все выводы науки...» [1, 295].

С этой точки зрения для социальной науки, полагал А.А. Богданов, капитализм – это «переходная фаза между двумя органическими общественными системами, длительная революция ме-

тодов производства и форм сотрудничества. Предел, к которому тяготеет эта революция, есть коллективистический строй» [1, 295]. Причем, он специально оговаривался, что социализм должен будет «...сменить нынешний строй, если только общество будет дальше развиваться и идти вперед, как до сих пор, а не остановится и не пойдет назад» [2, 3].

В концепции А.А. Богданова центральным является тезис о первичности изменений в технике по отношению к «идеологическим» (социокультурным в широком смысле слова)* и марксистское положение о базовой социальной роли материального производства. Отсюда вытекал его вывод об осуществимости социализма лишь на очень высокой ступени технико-технологического и культурного развития. Вместе с тем, уже обозначившиеся тенденции научно-технического прогресса (переход от паровой энергии к электрической, а в перспективе – к «внутриатомной», от механизмов, «автоматически действующих к автоматически регулирующимся») [3; 282, 285–286; 4, 308–309] позволяли, по мнению А.А. Богданова, с оптимизмом относиться к социалистической перспективе, хотя и неблизкой.

Логика его рассуждений такова. Вышеназванные тенденции приведут ко все более масштабному повышению производительности труда, что неизбежно вызовет избыточность трудовых ресурсов и остро поставит проблему «планомерного регулирования всего экономического механизма». Далее научно-технический прогресс вызовет изменения в содержании труда – будет требоваться (постоянно) все более высокая квалификация рабочих, что постепенно «сотрет **принципиальные** различия между трудом рабочего и инженера, оставив разные *степени* развития рабочей силы, но не различные типы» [3, 286–287; 4, 308–309]. А это, в

---

* Тем не менее, концепцию А.А. Богданова нельзя назвать односторонне техницистской, потому что источником развития техники (шире – производительных сил) он считал конкретного индивида с определенной «мерой исторического развития», и результаты развития производительных сил он определял по изменениям опять же не в технике, не по объемам материальных благ, а по изменениям в личности индивида, в общественных отношениях.

свою очередь, поведет к сближению «организаторского» и «исполнительского» «типов труда» («...разница между “исполнителем” и “руководителем”, – утверждал А.А. Богданов, – должна... свестись к **чисто количественной** разнице в научно-технической подготовке; рабочий просто следует указаниям более сведущего и опытного товарища, а не слепо подчиняется власти, опирающейся на недоступные ему знания») и формированию «синтетического типа труда и трудовых отношений» [4, 310].

Причем, особо подчеркивал он, прогрессивность «синтетического» типа трудовых отношений тем «выше», чем масштабнее коллективы, которые по этому типу организованы, потому что основой данного типа прогрессивности является «интенсивное взаимное общение человеческих личностей, приблизительно одинаковых по уровню культурного развития, но все же представляющих достаточно различий по содержанию своего опыта» [5, 178]. Поэтому, чем больше будет развиваться и шире распространяться «синтетическая» организация отношений, тем труднее будет удерживаться консерватизму в общественной жизни, а это, в свою очередь, облегчит выработку «более гибких форм общественного мышления» и складывание научного мировоззрения.

Отсюда в концепции А.А. Богданова следует важное положение о способности такого типа личностей поставить общественные отношения под свой сознательный контроль, то есть способности осуществить «человеческую эмансипацию» (К. Маркс), означающую выход общества на путь, ведущий к безгосударственному его состоянию. А.А. Богданов считал, что при «синтетическом типе производственных отношений и, по мере устранения «специализации труда в прежнем смысле», будет возрастать «психическая однородность людей». Она создаст возможности для лучшего понимания людьми социального поведения друг друга («для предвидения» действий друг друга, по словам А.А. Богданова). А если это состоится, то будет означать, что «идея строгой **закономерности** распространится на психическую жизнь

людей и вытеснит окончательно идею свободной воли (в идеалистическом смысле – *Т.К.*)», выражающую именно невозможность предвидеть поступки других людей [5, 179–180].

Следует иметь в виду, что под «однородностью психического склада людей» автор рассматриваемой концепции понимал не стандартизацию личностей, а овладение каждым индивидом одним и тем же культурным, в широком смысле слова, общественным богатством, что и должно будет позволить им лучше понимать друг друга, оставаясь неповторимыми индивидуальностями. Иначе говоря, равный доступ к знаниям, культуре различных по своим склонностям, вкусам и способностям людей в свободном развитии приведет к выявлению оригинальности их, а это, по Богданову, должно усилить потребность во взаимном общении, то есть, при разнообразии индивидуальностей будет укрепляться и такая черта личности, как социальность.

Отмеченные А.А. Богдановым прогрессивность исторического процесса и пластичность психической организации человека стали основой его вывода о том, что «...ни в природе человека, ни в природе общества нет таких условий, которые исключали бы возможность развития вплоть до полного устранения внешних норм и принудительных отношений, вплоть до полного господства норм целесообразности и товарищеских отношений между людьми» [1, 74], то есть вывода о возможности функционирования социалистического общества (в смысле «коммунизма»). Определений социализма у него имеется несколько, наиболее характерным является следующее: «Социализм есть основанная на переходе всех средств производства в общественную собственность организация всеобщего сознательного сотрудничества для полного и свободного развития всех людей» [2, 6].

Но, как мы выше уже сказали, по мнению А.А. Богданова, «путь к социализму» лежит через переходный этап – «переходную эпоху». Ее он представлял таким образом.

В «переходную эпоху» уровень развития производительных сил будет достаточным, чтобы «гарантировать всем достаток», но не настолько высоким, чтобы полностью отменить элементы принудительности в труде и организовать распределение произведенных продуктов и предметов «по потребностям».

Относительно принуждения к труду он пояснял, что речь идет о ситуации, когда «свободный труд» «заполнит не все сферы производства равномерно». Тогда придется законодательно «устанавливать обязательную продолжительность рабочего дня» [1, 73]. В сфере распределения принудительность проявится в виде непропорциональности между трудом и потреблением по двум причинам. Первая («психологическая») – это неизжитость эгоистических черт в личности части индивидов, поэтому «распределение служит и средством дисциплины: каждый получает для потребления долю продуктов, соответствующую количеству труда, которое он дал коллективу» [4, 312]. Вторая причина – необходимость решать одновременно две трудные задачи: «...гарантировать всем достаток (и) быстро расширить и укрепить свою техническую основу, от которой зависят прочность и устойчивость нового строя» [3, 293].

Если еще учесть, что и с «остатками классовых противоречий» придется бороться, тогда логически оправданным представляется вывод автора концепции о том, что в «переходную эпоху» общество будет еще существовать в «государственной форме». «Это будет, – отмечал он, – еще организация классового господства, только господства пролетариата, класса, уничтожающего разделение общества на классы, а с этим разделением устраняющего затем и государственную форму общества» [1; 315, 73].

Особенностью переходного периода А.А. Богданов считал и то обстоятельство, что поскольку труд здесь еще «вознаграждается» обществом, то, следовательно, остается «индивидуальная собственность на предметы потребления, хотя частное присвоение средств производства уже уничтожено» [3, 293]. На наш

взгляд, на эту фразу следует обратить особое внимание, так как в ней затронуты характеристики и социализма (в смысле «коммунизма»). Из нее видно, что в социализме труд перестанет быть необходимостью (потому и вознаграждаемой) и перерастет в потребность, в способ самореализации личности. С этой частью суждения А.А. Богданова мы согласны, но вторая его часть вызывает вопросы. Из нее можно сделать вывод, что в социализме не сохранится индивидуальная собственность на предметы потребления. Думается, что это – ошибочное утверждение: далеко не все предметы потребления можно отнести к категории личного однократного пользования и в отношении такого рода вещей вполне применимо понятие «индивидуальная собственность».

Итак, в «переходную эпоху», то есть на первой посткапиталистической стадии, общество, по мнению А.А. Богданова, сохранит еще «государственную форму», элементы принудительности в труде и ограничения в потреблении. Вместе с тем, уже будут ликвидированы условия для эксплуатации человека человеком, обеспечен «достаток» каждому индивиду, расширена «сфера свободного труда».

Все это задаст направление дальнейшему движению к социализму или «развитому коллективистическому строю».

Литература

1. Богданов А. Вопросы социализма: работы разных лет. – М., 1990.
2. Богданов А. Путь к социализму. – М., 1917.
3. Богданов А. Курс политической экономии: в 2 т. Т. 2 / А. Богданов, И. Степанов. Изд. 3-е. Вып. 4. – М., 1923.
4. Богданов А. Краткий курс экономической науки. Изд. 10-е. – М., 1920.
5. Богданов А. Авторитарное мышление // Из психологии общества. Изд. 2-е. – СПб., 1906.

«Прошлое как вызов»: возвращение политического

Кобылин И.И. – к.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

Одним из общих мест «пост-современных» социально-философских спекуляций стал тезис об «исчезновении» (или, во всяком случае, «отступлении») политического. Можно указать на две основные стратегии деполитизации. С одной стороны, нейтрализация политических схваток технологичным менеджментом экспертных групп понимается в ряде «реалистических» концепций как единственно возможный ответ на растущую сложность организации общества в условиях глобализованного мира. С другой стороны, любые политические попытки изменить статус-кво подозрительны этически, поскольку именно «избыток политического» ответственен за чудовищные катастрофы XX века – мировые войны, беспрецедентное насилие тоталитарных режимов и т.д.

Таким образом, постполитический идеал господствующего дискурса – это эффективное социальное администрирование немногочисленных элит, идущее рука об руку с «гуманитарной помощью» виктимизированному большинству. Однако, как неоднократно отмечалось исследователями, жест деполитизации сам по себе является жестом политическим. По сути, речь идет об устранении конкурентов. Отрицая значимость политического действия, этот дискурс утверждает себя в качестве единственно возможной политики – политики деполитизации. Призывы к сопротивлению глобальному порядку, при котором «в 2000 году двести самых богатых людей в мире располагали ресурсами, превышающими ресурсы двух миллиардов самых бедных» [4, 13], дисквалифицируются как безответственный догматический популизм. Очевидно, что политика «исчезает» не вообще, а только для «миноритариев» (количественно составляющих подавляющее большинство человечества), чья политическая субъективность уступает место статусу объектов благотворительных и гумани-

тарных программ. (Демонтаж Welfare State, стремившегося гарантировать социальные права и предпринимавшего меры по социальному обеспечению, позволяет надеяться лишь на спорадические гуманитарные интервенции).

В этом контексте неудивителен рост популярности в современном академическом сообществе так называемых «исследований травмы» (trauma studies) и «исследований памяти» (memory studies). Ален Бадью заметил, что «память», столь настойчиво валоризируемая сегодня, становится «суррогатом политики», а представление о человеке как травмированной жертве – неотъемлемой чертой нынешней консервативной идеологии, пришедшей на смену освободительным проектам [1, 39; 2, 25–33]. При этом мейнстримовые интеллектуальные тренды апроприируют наследие левых интеллектуалов прошлого, лишая его радикального политического ядра. Так, в работах немецкого «эзотерического марксиста» Вальтера Беньямина интерпретаторов все больше интересуют личные травмы философа, «работа скорби» и «элегическое измерение сигнификации» и все меньше революционный политико-мессианский проект, сформулированный в «Тезисах о понятии истории».

Своего рода ответом на подобные интерпретации стало недавнее эссе американского германиста Эрика Сантнера «Чудеса случаются», настаивающего на актуальности мессианского активизма Беньямина. Комментируя странный союз теологии и марксизма, заявленный в «Тезисах», Сантнер пишет: «Если материализм обязан обрести свою ориентацию от теологии, как указывает Беньямин, то должна существовать такая теология, которая уже сама развернулась в сторону материализма как своего необходимого дополнения в пост-просвещенческий век» [5, 7]. Эта теология способна удержать место «материалистического измерения» – измерения «творения» или «тварности» – той «не столько биологической, сколько онтологической ранимости, что про-

низывает человеческое существо, формы жизни которого случайны, хрупки и подвержены распаду» [6, 6].

«Тварная жизнь», в свою очередь, должна быть понята только на фоне сущностно семиотической структуры чуда. Чудо в «материалистической» теологии – это не нарушение естественных законов, но исполнение предсказанного, событие-знак, неотделимое от пророчества. Сантнер полагает, что именно исторический материализм Беньямина оказывается способен воссоздать знаковую природу подлинно чудесного. Здесь мы сталкиваемся с новым осмыслением того, что, регистрируя себя в историческом опыте, его материальной «плотности», буквально взывает к будущему и даже конституирует само это будущее в качестве способа ответа на определенный вид *возбуждения* (ex-citation), передаваемый прошлым. Более того, парадокс заключается в том, что речь идет о прошлом, которого в некотором смысле *еще не было*: никогда не достигая онтологической устойчивости, оно – отмеченное пустотой и нехваткой – остается погруженным в призрачное «протокосмическое» измерение. Согласно Сантнеру, «Тезисы» Беньямина являются вариантом разработки логики таких возбуждений/вызовов: «Мышление превращается в способ настройки на определенный вид обращения – *значащее напряжение* (signifying stress) – имманентное нашей тварной жизни» [5, 11]. Полемизируя с Хайдеггером, Сантнер отмечает, что наша «заброшенность» в мир – это не просто обнаружение себя внутри определенной социальной формации, которую мы не выбрали (язык, этнос, гендер, семья, класс). Подлинная проблема в том, что сама эта социальная формация не идентична себе самой; она пронизана изменчивостью, непостоянством и неполнотой, специфическим образом «вы-звана», «обращена» к нам в ожидании нашего ответа. Инертность оборачивается формированием виртуального архива симптомов, где фиксируются не столько забытые *действия*, сколько забытая *неспособность* действия. Анализируя роман Кристи Вольф «Модель детства», повествующий о време-

нах нацизма, Сантнер отмечает: «Книга говорит нам, что адаптация к социальной реальности повседневной жизни при нацистах включала целую формацию зон замороженных моральных и социальных энергий, проявляющихся в качестве психических расстройств, как симптоматическая скрученность человеческого бытия в мире, как именно то, что я назвал *значащими напряжениями*. Чудеса случаются тогда, когда после регистрации их «исторической истины» мы способны действовать, вмешиваться в эти симптомы и войти в пространство возможностей, таким образом открываемых» [5, 14].

На этом фоне становятся понятными рассуждения Беньямина о присущей нам «слабой мессианской силе» и «тайном уговоре» между «нашим поколением и поколениями прошлого» [3, 238]. Зов этого проникнутого нехваткой прошлого Беньямин и осмысляет в понятии «диалектического образа».

Безусловно, эссе Сантнера резко контрастирует с большинством работ представителей *trauma/memory studies*, замороженных «смертью, потерей и оскудением». Исследователи, увлеченные памятью и формами траура, упускают тот важный момент, что для Беньямина верность «тайному уговору» с предшествующими поколениями предполагает политико-революционное вмешательство, необходимое «в борьбе за угнетенное прошлое». Реполитизирующая интерпретация Сантнера может рассматриваться как напоминание, что в задачу современности входят не только оплакивание потерь и поддержка «выживших», но выработка новых форм политической субъективности, открывающих перспективы качественно иных форм коллективной жизни.

Литература

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. – М.-СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, 1999.
2. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. – СПб.: Machina, 2006.
3. Беньямин В. О понятии истории / Беньямин В. Учение о подобии. – М.: РГГУ, 2012.
4. Дзоло Д. Демократия и сложность. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

5. Santner E. L. *Miracles Happen: Benjamin, Rosenzweig, Freud, and the Matter of the Neighbor* / Santner E. L., Zizek S, Reinhard K. *The Neighbor: Three Inquiries in Political Theology*. Chicago and London, 2005.
6. Santner E. L. *The Royal Remains: the People's Two Bodies and the Endgame of Sovereignty*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Социокультурный процесс: философско-социальный анализ

Кондратова Г.А. – д.ф.н. (*г. Архангельск*)

Социокультурные процессы в современной России вызывают множество вопросов и дискуссий. Среди них остаётся один вечный: «кто мы, откуда и куда идём», на который нам в очередной раз предстоит дать ответ, но для этого следует раскрыть механизм исторического процесса. К настоящему времени существуют два наиболее устоявшихся подхода: марксистский формационный и цивилизационный. Однако они не дают общепринятого объяснения. Недостаточность формационного подхода связана с нерешённостью проблемы природы человека, с абсолютизацией объективной стороны исторического процесса и борьбы противоположностей как двигателя истории. Цивилизационный подход, с одной стороны, расширяет присутствие человека в истории как носителя ментального фактора, но, с другой стороны, замыкает исторический процесс в цикл органического развития локальных обществ, лишая человечество единства и исторической перспективы. Необходимо найти достаточное основание для их синтеза, и таковым, на наш взгляд, является категория «целостность», которая, однако, требует уточнения.

В настоящее время она понимается как интегральное свойство саморазвивающейся системы, хотя ещё в 70-х гг. минувшего столетия было признано, что «целостность не исчерпывается

системным описанием в силу неформализуемости этого понятия» [1, 27]. В 1980–1990-х гг. в структуру системного подхода применительно к гуманитарному знанию были внесены новые категории, в частности, представление об идеальных системах [2]. В начале XXI века В.Н. Сагатовским был предложен целостно-системный подход, включавший трансцендентную реальность как «ничто в отношении отсутствия предикатов», относительно которой можно «утверждать только сам факт существования» и присутствия в человеческом бытии [3, 105]. Возьмём данное определение за основу и соотнесём *Целостность* в значении трансцендентности с *системой* как феноменом объективной реальности на принципе зеркальной полюсности. Её первое свойство – отсутствие свойств объективного бытия есть уже свойство противоположное по своему содержанию объективной реальности, которое автор дополняет неизменяемостью и «присутствием, как в ставшем, так и в становящемся» [4, 114]. Если два её свойства утверждены через противоположную системную реальность, то мы таким путём можем установить другие её свойства: дискретность/Целостность (тотальность), время/вечность, движение/покой. Такие характеристики дал в своё время П.А. Флоренский области полумнимого, отделяющую действительность и мнимость как две зеркально противоположные поверхности одной плоскости, в которой «тело утрачивает свою протяжённость, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость» [4]. Эту область он отождествил с аристотелевскими чистыми формами и идеями Платона, а мы бы добавили к ним все символы/образы, в которые её осмысливал человек.

Имея два исходных состояния, выстроим картину структурного перехода от Целостности к системе, расположив типы структур, выделенные в науке, по степени их организованности между ними. В результате получаем картину структурной эволюции системной действительности: Целостность (Трансцендентность)/хаос/(смесь) – *системная целостность (идеальный образ*

трансцендентности) – конгломерат – суммативная система – *целостная система*. В этом ряду состояния, выделенные курсивом, являются зеркальным отражением друг друга. Иначе говоря, системность в системной целостности является свойством, указывающим на её потенциальную способность к эмпирическому саморазвитию, то есть превращению свойства в систему (прилагательного в подлежащее). Достижение эмпирической зрелости, то есть целостной системы, завершает первую стадию – интеграционную, становясь одновременно началом второй – дезинтеграционной стадии. Причиной тому является то, что приобретение качества целостности автоматически требует восстановления своего полюса – качества системности, которым обладает только целостность идеального. Достижение её составляет содержание второй, дезинтеграционной стадии, которая, согласно принципу зеркальной полюсности, должна быть противоположной по направленности и содержанию. Однако человек отождествляет с развитием только интеграционную стадию, не видя за внешним умиранием системы вызревания социокультурного кода, обеспечивающего её родовое бытие. Таким образом, весь период эволюции системной действительности имеет две стадии и две стороны, на которых движение идёт в двух прямо противоположных направлениях: повышение эмпирической организованности идёт за счёт снижения онтологического единства, а её упрощение – за счёт повышения онтологической организованности. Сохранение социокультурного символа, через который человек связан с трансцендентностью, обеспечивает процесс превращения духовной энергии в творческую активность, в идеальные и материальные ценности культуры, являющиеся неисчерпаемыми формами хранения негэнтропии.

На основе полученной теоретической схемы структурной эволюции системной действительности выстроим содержание одного периода развития социально-экономической, политической, культурной и идеологической сфер жизни общества. Каж-

дая из них имеет институциональную структуру с её базовым институтом (собственность, семья, государство, система образования, традиционные ценности), а также объективно-субъективную антропологическую структуру (семья, род, сословия, народ). Социокультурный хаос/смесь преодолевается коллапсом/тиранией, в результате чего рождается несколько идеологических направлений и их носителей, то есть складывается поливариантная (конгломератная) идеологическая структура. Борьба разных группировок завершается победой одной из них в условиях политического кризиса (конгломерат преобразуется в суммативную структуру), после чего победитель постепенно выстраивает свой вариант политической, социально-экономической и культурной сфер, которые достигают полноты целостной системы. Если в обществе сохранились творцы или интерпретаторы идеи, то они зарождают её новый вариант и, тем самым, направляют развитие общества к дезинтеграции объективных форм, заканчивающейся тиранией – либо национальной, либо иностранной. Л.Н. Гумилёв на историческом материале установил время цивилизационного периода примерно в 1200 лет, но он не учитывал наличие малых, политических периодов, время которых связано с активной деятельностью пяти поколений каждого семейного рода. Остаётся вопрос, насколько предложенная схема социокультурного процесса позволит синтезировать методологический опыт формационного и цивилизационного подходов.

История Российской цивилизации, начавшейся в IX веке с перехода древневосточного славянства от военной демократии/полиса к монархической государственности, включает в себя шесть политических периодов: раннефеодальный, централизованный, национально-самодержавный, дворянско-имперский, охранительный и советский. Несмотря на внешние отличия, которые дали основания Л.Н. Гумилёву говорить об истории двух самостоятельных цивилизаций – киевской и московской, трудно с этим согласиться, так как глубокая социокультурная трансфор-

мация общества не разрушила традиционное ведическое миропонимание русского народа. Прежде всего, остался русский язык, ведическая сущность христианской формы, религии, отразившаяся в сказках, поговорках, обрядах, социокультурных символах, пронизывающих повседневный образ жизни народа, община как базовая структура хозяйствования, семья/коллектив, монархия, организующая роль которой постоянно возрастала, а также традиционная система ценностей, основанная на любви к Матери-Земле. В настоящее время Россия находится в состоянии цивилизационного коллапса, необходимого для того, чтобы всё потенциально нежизнеспособное проявило себя во всей полноте, и выкристаллизовались идея и её носители, способные вывести народ на новый период исторического развития. Возникает вопрос, какая же идея зародилась в эпоху цивилизационного расцвета, чтобы родиться сегодня? Среди множества известных идей, которыми были богаты XIX и XX вв., одна осталась в стороне как «гадкий утёнок» в силу приписываемого ей утопизма – это Русская идея, с её соборностью, всеединством, софийностью и общим делом. По существу, вся история России есть реализация Русской идеи, так как в её основе лежит любовь – духовность, которую приходилось постоянно восстанавливать как единственное средство самосохранения народа, вынужденного давать ответы на усиливающиеся геополитические вызовы Запада, Востока и Юга. Западный вариант идеи справедливого мироустройства – социализма, так же как когда-то идея христианства, была переработана в экстремальных условиях XX века в соответствии с национальными традициями и задачами. Способность к творческой трансформации социокультурного архетипа, то есть сохранения базовой духовной основы народа, есть главный показатель исторического развития, в отличие от органического, возобновляющего бытие народа на одной и той же социокультурной матрице.

Литература

1. Блауберг И.В. Целостность и системность / Ежегодник: Системные исследования. М., 1977.
2. См.: Каган С.М. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991.
3. Сагатовский В.Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб., 2006.
4. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991.

Идея «русского социализма» у А.И. Герцена (к двухсотлетию со дня рождения)

Мареев С.Н. – д.ф.н., **Мареева Е.В.** – д.ф.н. (г. Москва)

Для истинного смерти нет...

А.И.Герцен

К столетию со дня рождения великого русского демократа и революционера Александра Ивановича Герцена, а родиться его угораздило в дни нашествия Наполеона на Москву, В.И. Лениным была написана статья «Памяти Герцена». Прошло еще сто лет, и такую статью написать уже некому. На вопрос к студентам, знают ли они, кто такой Герцен, они обычно смущенно покачивают головами: никто из них о нем даже не слышал. Стыдно за них и за страну, которая забывает своих героев и еретиков. А между прочим, даже не разделявший его революционных взглядов С.Н. Булгаков писал в статье «Душевная драма Герцена»: «А.И. Герцен принадлежит к числу тех наших национальных героев, от одного имени которых расширяется грудь и учащенно бьется сердце» [1, 95].

«Герцен, – писал Л. Троцкий, – был в свое время огромным и великолепным явлением в развитии русской общественной мысли. Но дайте Герцену застояться на полстолетия, да выдержите из него радужные перья таланта, превратите его в своего собственного эпигона, поставьте его на фоне 1905–1917 гг. – и вот вам элемент черновщины» [8, 210–211]. Черновщина – вырождение демократии, которая от Временного правительства ждала

решения вопросов демократической революции в России. Но это было уже тогда, когда такие вопросы могла решить только *социалистическая* революция. А когда эта революция случилась, то «демократия» прокляла свое собственное прошлое, а вместе с ним и Герцена. В наши дни вместо черновщины мы имеем мироновщину, которая пытается спекулировать на социалистической идее. Что касается Герцена, то он был сознательным социалистом, и, даже дожив до наших дней, едва ли бы скатился до черновщины или мироновщины.

Не исключено, что Троцкий писал о возможной «черновщине» у Герцена под влиянием распространенной либеральной трактовки его «разочарования» в революции, хотя у Герцена это касалось именно Февральской революции 1848 г. во Франции. На поводе у либералов пошел даже марксист Франц Меринг. Вот что он писал в этой связи: «Говорили, что перед лицом революции он совершенно утратил свою революционную веру, на самом же деле стало лишь очевидно, что он был неспособен к какому бы то ни было революционному мышлению и пониманию. Его мечта рассеялась, столкнувшись с жестокой действительностью, и на его грубой почве он остался беспомощным в своих блужданиях. «Ужасная печаль», «невыразимая усталость» становится главным аккордом всей его жизни; силы до конца оставили его» [6, 60].

Все это несправедливо и неточно. Если бы силы действительно покинули Герцена, и он опустил руки, то как объяснить то, что после поражения революции, Герцен вынужден был оставить Францию: для новых французских властей он стал *persona non grata*. Впоследствии Герцен участвует в газете социалиста Прудона «Голос народа». В 1850 г. он поселяется в Ницце, где сближается с деятелями итальянского освободительного движения. В 1852 г. Герцен переезжает в Лондон – место всей революционной эмиграции, где создает Вольную русскую типографию для борьбы с царизмом и крепостничеством. В 1855 г. вышел альманах «Полярная звезда», в 1857 г. – газета «Колокол», изда-

ваемая им совместно с Н.П. Огаревым. Эта газета издавалась вплоть до 1867 г. Программа «Колокола» до 1861 г. содержала только общедемократические требования: освобождение крестьян с землей, общинное землевладение, уничтожение цензуры и телесных наказаний. Но после реформы 1861 г. Герцен резко выступает против либерализма, публикует статьи, разоблачающие грабительский характер крестьянской реформы, издает революционные прокламации. В период Польского восстания 1863–64 гг. Герцен встает на защиту Польши, тратит свои деньги на поддержку революционеров разных стран.

Даже православный философ В.В. Зеньковский в оценке деятельности Герцена более объективен, чем марксист Ф. Меринг. «Вся заграничная эпоха жизни Герцена (1847–1850) была посвящена журнальной работе, – читаем мы у Зеньковского, – Герцен издавал один за другим журналы свободной русской мысли. Он был близок ко всем выдающимся политическим деятелям того времени, стоял в самом центре международной революционной деятельности» [5, 81].

Он стоял в самом центре международной революционной деятельности! Так в чем же состояло «разочарование» Герцена, о котором любят говорить либералы, не уточняя, о чем конкретно идет речь? Представьте себе такую картину: простой советский лейтенант, который «родом из народа», палит из танковой пушки по «народным депутатам», заседающим в «Белом доме». А основная масса «народа» с любопытством наблюдает всю эту картину, кто по телевизору, кто воочию, и ждет, чем дело кончится... Вас это радует?

Но то, что произошло в октябре 1993 г. в Москве, все-таки больше похоже на фарс, по сравнению с тем, что происходило в июне 1848 г. в Париже. Там тоже народная революция была подавлена руками ... *самого народа*. И пресловутые «мобили», которые расстреливали восставших парижских рабочих, тоже были

«родом из народа». Они ведь не во дворцах росли, эти парижские подонки. Именно от этого можно прийти в отчаяние.

О своих впечатлениях от увиденного в Париже Герцен писал: «Вечером 26 июня мы услышали, после победы «Националя» над Парижем, правильные залпы с небольшими расстановками... «Ведь это расстреливают», – сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. *Горе тем, кто прощают такие минуты!*» [3, 32].

Нет, это не похоже на слова человека, разочаровавшегося в революции. Это похоже на ту клятву, которую двенадцатилетний Герцен вместе со своим другом Огаревым давал на Воробьевых горах, – отомстить за повешенных декабристов. Как и в юности, Герцен в 1848 г. оказывается не на той стороне, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. И в чем разочаровался Герцен, так это в парижском мещанстве, в европейском мещанстве вообще: «В мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное – товар, дело, вещь, главное – *собственность*» [2, 540].

Вот это парижское мещанство и торжествовало свою победу над революцией. «После бойни, – пишет Герцен, – продолжавшейся четверо суток, наступила тишина и мир осадного положения; улицы были еще оцеплены, редко, редко где-нибудь встречался экипаж; надменная Национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили сходили по бульварам, распевая «*Mourir pour la patrie*» [помни о смерти], мальчишки 16, 17 лет хвастались кровью своих братьев, запекшейся на их руках; на них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтоб приветствовать победителей» [3, 32].

И Герцен дал такую критику мещанства, которая в чем-то даже превосходит ту, которую потом дадут Ницше и Горький. Последний показал, что мещанство – отнюдь не только западно-

европейское явление, и русский мещанин даст фору мещанину и французскому, и немецкому. Но Герцен еще верил, что русский народ не обмещанился. Отсюда идея «русского социализма».

Герцен не отказался от социализма. Но социализм должен быть другой, не такой скучный, как у Прудона. Прообраз такого социализма, считал Герцен, уже должен существовать в каких-то формах, потому что из ничего ничего не бывает. Новую общественную форму невозможно просто выдумать из головы. И здесь взор Герцена обращается к России, которая была отсталой, по сравнению с передовой Европой. Но именно поэтому, согласно Герцену, Россия еще не обмещанилась окончательно. В ней еще сохранились здоровые силы в народе.

Идея «русского социализма» у Герцена происходит из той же основы – из 1848 года. «Такова была причина, – пишет он Э. Кинэ, – которая побудила меня в 1851 г. обратиться к ... Ж. Мишле с длинным письмом «о русском народе и социализме» [3, 556–557]. Здесь имеется в виду статья «Русский народ и социализм». И при этом важно не только то, какова суть «русского социализма» Герцена, а и то, *что* Герцена-«западника» побудило перейти к этой идее. Внешне Герцен возвращается к идеям своих бывших противников – славянофилов. «По странной иронии, – пишет он, – мне пришлось на развалинах французской республики проповедовать на Западе часть того, что в сороковых годах проповедовали в Москве Хомяков, Киреевские... и на что я возражал» [3, 417].

В Москве Герцен был «западником», а в Европе стал как будто бы «славянофилом». «Когда я спорил в Москве с славянофилами (между 1842 и 1846 годами), – пишет Герцен, – мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал Запада, т.е. знал его книжно, теоретически, и еще больше я любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда

называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня, зато этот год был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил с славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим» [3, 416].

После революции 1848 года Герцен начинает спорить с самим Западом, но не совсем так, как славянофилы. «Мы представляем собой, – пишет Герцен Э. Кинэ, – почин *иного* отношения человека к почве, наша задача состоит в опыте развития личной свободы без потери *права на землю*, в опыте ограничения суверенного права недвижимой собственности суверенным правом каждого человека на поземельное владение, – словом, в опыте сохранения общинной собственности рядом с личным пользованием» [3, 556–557].

В это время Герцен видит преимущество русской действительности в том, что в ней сохранились старинные формы землепользования, еще не разъединенные ржавчиной индивидуализма. Но он не видит никакой органической связи между этими формами жизни и православием, на чем настаивали славянофилы. «Иное отношение» человека к почве, по его мнению, должно вырасти из *крестьянской общины* и *русской артели*. И тем не менее, русский социализм Герцена в корне отличен от *христианского* русского социализма того же Хомякова. Крестьянская община, считает Герцен, может стать ячейкой будущего социалистического общества. Но это общество *будущего*, а не прошлого. Для Герцена «человек будущего в России – м у ж и к, точно так же, как во Франции работник» [4, 326].

Герцен отчасти строил иллюзии о возможном некапиталистическом развитии России. Здесь он выступил как один из родоначальников *народнического движения* в России, делавшего ставку на крестьянство. «У русского крестьянина, – писал Герцен, – нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма» [4, 167]. Тем не менее, указанный строй, согласно Герцену, способен максимально развить человеческую личность.

В определенном смысле его суждения перекликаются с известным ответом Маркса Вере Засулич по поводу использования русской крестьянской общины в социалистических преобразованиях: «Разумное и свободное развитие русского народного быта, – уточняет Герцен, – совпадает со стремлениями западного социализма». Маркс полагал, что при определенных обстоятельствах, в том числе при условии поддержки революции в России со стороны европейского рабочего движения, русская община может стать ячейкой будущего социализма. Так думал и Герцен. «Будущее России, – отмечает он, – зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы. Кто может предсказать судьбу славянского мира в случае, если реакция и абсолютизм окончательно победят революцию в Европе?» [3, 177].

Тем не менее, события середины 60-х годов XIX века все больше убеждали Герцена в том, что и Россия заражается «буржуазной оспой». И он, в отличие от многих других народников, не стал дальше упорствовать и настаивать на «особом» пути революционного развития России. В последние годы Герцен все больше и больше поворачивается в сторону Международного товарищества рабочих – I Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом.

Своего рода завещанием Герцена стала его последняя работа «К старому товарищу». Это письма, адресованные Бакунину, в которых он критикует крайности его революционной теории. Герцен видит опасность призывов к немедленному уничтожению государства, опасность требования не «учить народ», а «бунтовать его». «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены в н у т р и» – пишет он [3, 544].

Эту формулу любят повторять либералы, толкуя ее в свою пользу: нравственное самосовершенствование – путь в царствие небесное. Но покорность власть предержащим – нравственно или безнравственно? Ведь «нравственное самосовершенствование» легко оборачивается раболепием и холуйством. И тут легко дого-

вориться до того, что заявляют некоторые наши либералы: слишком рано у нас освободили крестьян от крепостной зависимости. Герцен никогда не считал, что крепостничество – лучшая форма нравственного воспитания личности. Но революция должна быть силой не только разрушительной, но и *хранительной*. Вот в чем расходился социалист Герцен с анархистом Бакуниным.

Революция должна не просто до основания разрушить старый мир, считал Герцен, но и сохранить все действительные достижения человечества. «Новый водворяющийся порядок, – пишет он, – должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобразное. Горе бедному духом и тощому художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого делает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» [3, 536].

Герцен исходил из того, что буржуазный мир, который идет к концу так же, как пришел к концу мир феодальный, внутри себя *себя еще не изжил*. Поэтому насильственный переворот, считал он, не может привести к положительному результату. Проводя исторические параллели, Герцен пишет: «Петр I, Конвент научил нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге» [3, 532].

«Новый мир», построенный одним только насилием, также будет удивительно похожим на старый. Об этом Герцен писал в «Былом и думах», критикуя того же Прудона. Что увидел Герцен в социалистическом идеале, который выходил из-под пера Прудона? «Чувство изгнано, все замерло, цвета исчезли, остался утомительный, тупой, безвыходный труд современного пролетария, – труд, от которого, по крайней мере, была свободна аристократическая семья Древнего Рима, основанная на рабстве; нет боль-

ше ни поэзии церкви, ни бреда веры, ни упования рая, даже и стихов к тем порам «не будут больше писать», по уверению Прудона, зато работа будет «увеличиваться». За свободу личности, за самобытность действия, за независимость можно пожертвовать религиозным убаюкиванием, но пожертвовать всем для воплощения идеи справедливости, – что это за вздор!» [2, 588–589]. (Как это похоже на критику «казарменного коммунизма» у Маркса!)

Каждая историческая форма, считает Герцен, имеет свои сроки созревания, и переступить их невозможно, как невозможно человечеству вернуться в прошлое. «Из нашего мира, – писал он, – не сделаешь ни Спарту, ни бенедиктинский монастырь. Не душишь одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать – к общему благу...» [2, 588–589]. Герцен понимает, что все «коммунистические» эксцессы есть не что иное, как продолжение эксцессов мещанского общества. «Крайности Бабёфа, – писал он, – утопии почти всех социальных учений нисколько не опровергают сути дела. Напротив, сила бреда свидетельствует о силе болезни» [3, 556].

Герцен, в отличие от нынешних либеральных плакальчиков по поводу революционного насилия в прошлом, – как будто задним числом можно что-то исправить, – не осуждает насильственные революции прошлого, но ратует за то, чтобы будущий переворот был мирным. «Неужели цивилизация кнутом, – пишет он в письме к Бакунину, – освобождение гильотиной составляют вечную необходимость всякого шага вперед?..» [3, 540].

Герцен, хотя он, по словам Ленина, «остановился перед историческим материализмом», понимал, что историческая необходимость, в отличие от естественно-природной, создается самой историей. И если история в прошлом сложилась так, что без гильотины обойтись было нельзя, то история может и отменить такую необходимость. «...Дальше, – пишет Герцен, – я не пойду теперь. А скажу в заключение вот что. Стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстрели-

вали пленных, я всем сердцем и всем помышлением звал дикие силы на месть и разрушение старой, преступной Руси, – звал, даже не очень думая, чем она заменится» [3, 540].

Такие события, как июньские дни 1848 г. в Париже, которые пережил Герцен, должны давать повод не только для мечты о мести, но и для того, чтобы задуматься. Махать кулаками после драки смешно. Когда тебя избили до полусмерти, нечего хорохориться, а надо набираться сил и ... *думать*, искать новые пути к «светлому будущему». Вот основное настроение Герцена под конец жизни. И потому не прав был и Меринг, который писал, что Герцен «опустил руки».

Но не правы и либералы, которые обвиняли Герцена во всех эксцессах, которые происходили в России в начале XX в. И в этом отношении характерен эпизод из жизни Н.А. Бердяева, описанный Б.К. Зайцевым: «Из гениев русской культуры Бердяев и его окружение больше всего ценили Достоевского и Вл. Соловьева. Они презирали, можно сказать, нашего Толстого, даже его художественное творчество. Особенно парадоксально высказывался в эту сторону Вышеславцев и встретил сочувствие у всех. Раз меня поразило определенно отрицательное отношение к Герцену. Дело было так. Окно кабинета Николая Александровича во Власьевском переулке выходило в глубь двора. Там стоял дом. Во время европейской войны там помещался госпиталь. Затем туда вселился неизвестно кто. Домик подвергнулся разграблению, кажется, был частично пожар, а затем дом стал разрушаться, стоял без окон и дверей. Это был дом, в котором одно время жил Герцен, его только не следует смешивать с домом, в котором родился Герцен, на Тверском бульваре. Все стояли у окна кабинета. Бердяев сказал, смотря на остатки здания: «Вот плод взглядов Герцена – достойный пример того, к чему вели Россию Герцен и иже с ним». Букштейн и Грифцов сочувственно подхватили слова Бердяева» [7, 63–64].

Это уже апофеоз! Оказывается, в бедствиях мировой войны виноваты не царь и его клика, втянувшие Россию в эту войну, а ... Герцен! И если Герцена еще можно каким-то боком подвести под обвинение в бедствиях войны, то каким боком в этом может быть виноват непротивленец и пацифист Лев Николаевич Толстой? Но просто настало такое время, когда надо ругать народную демократию и хвалить графа Бенкендорфа, повесившего декабристов, и хвалить Синод, отлучивший Толстого от церкви. В личной жизни Герцен был человек несчастливый: измены жены, ранняя смерть детей. Единственный сын, отданный в обучение «вульгарному материалисту» Карлу Фогту, отца плохо понимал. На детях, как говорят, природа отдыхает. По сути «отдыхает» здесь не природа, а культура, – природа отдыха не знает, – вот она-то и «отдохнула» на сыне Герцена. Умер Герцен в 1870 году в Париже.

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. – М., 1993. Т. 2.
2. Герцен А.И. Былое и думы: в 3 т. – М., 1988. Т. 1.
3. Герцен А.И. Соч.: в 2 т. – М., 1985–1986. Т. 2.
4. Герцен А.И. Собр. соч. в 9 т. – М., 1956. Т. 7.
5. Зеньковский В.В. История русской философии в 2 кн. – Л., 1991. Кн. 1, Ч. 2.
6. Лифшиц М.А. Читая Герцена // Лифшиц М.А. Собр. соч. в 3 т. – М., 1988. Т.3.
7. Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. – СПб., 1994.
8. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990.

Концепции социализма и переходного периода большевиков и эсеров

Медведев А.В. – д.и.н. (*г. Нижний Новгород*)

Перефразируя В.И. Ленина, можно сказать, что социализм Россия выстрадала. В начале XX века возникли два его мощных течения – марксистский пролетарский и неонароднический крестьянский. Из первого образовалась РСДРП, потом партия боль-

шевиков, оказавшая огромное влияние на историю Отечества и мира. Из второго – партия социалистов-революционеров (ПСР) и отколовшиеся от нее организации.

Представление о социализме у марксистов и эсеров были схожими. Программа РСДРП предполагала в ходе социальной революции замену частной собственности общественной, планомерную организацию общественного производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества и тем самым уничтожение деления общества на классы и эксплуатации одной части общества другой [13, 61–62]. Программа ПСР представляла социализм как обобществление труда, собственности, хозяйства, уничтожение деления общества на классы, «планомерную организацию всеобщего труда на всеобщую пользу» [14, 17].

Но обобществление средств производства понималось по-разному. Марксисты на основе положений «Манифеста Коммунистической партии» считали, что государство диктатуры пролетариата национализирует землю, предприятия, банки, транспорт. Получится государственный социализм, но государство потом начнет отмирать, заменяясь общественным самоуправлением. Эсеры обобществлением считали социализацию земли (переход ее в общенародное достояние и в распоряжение местных органов власти и крестьянских общин) и социализацию предприятий (переход их в распоряжение трудовых коллективов). Большевики отстаивали революционный путь к социализму – через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Эсеры считали, что социализация земли осуществится буржуазно-демократической революцией, которую они называли социальной. А далее путем «революционной эволюции», реформизма произойдет социализация предприятий [15, 203]. В 1906 г. от ПСР откололся Союз эсеров-максималистов. Максималисты доказывали, что в социальной революции надо осуществлять сразу социализацию и земли, и предприятий.

К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что пролетарская революция может победить только одновременно в развитых странах. Маркс в «Критике Готской программы» указывал, что социализм станет переходным периодом между капитализмом и коммунизмом. В.И. Ленин в 1915 и 1916 гг. пришел к выводу, что социалистическая революция победит первоначально в одной или нескольких странах. После этого начнется эпоха перехода стран от капитализма к социализму, эпоха национально-освободительных и пролетарских войн и восстаний, сочетания тех и других [3, 130–134]. Этот вывод подтвердила история XX века.

В 1917 г. В.И. Ленин первым из марксистов указал на необходимость переходного периода к социализму после революции и определил первые шаги этого перехода: установление Советской власти, национализация банков, рабочий контроль за производством и распределением, конфискация помещичьих и других частновладельческих земель, национализация всей земли. В августе 1917 г. он предложил партии принять крестьянские указы, составленные в духе эсеровской социализации земли, для реализации их в социалистической революции [4, 56; 5, 115–116; 6, 108–116].

После победы Октября помещичьи земли были переданы крестьянам на основе Декрета о земле и закона о социализации земли, были национализированы банки и транспорт, по просьбам рабочих началась национализация предприятий, закрытых их владельцами, что В.И. Ленин назвал «красногвардейской атакой на капитал». В апреле 1918 г. Ленин предложил остановить эту атаку, наладить правильно взимаемый подоходный налог с предпринимателей, сохранив товарно-денежные отношения, развивать производительные силы на базе крупной индустрии [7; 173–183, 187–190]. В мае того же года он окончательно сформулировал программу многоукладной экономики, которую следует использовать в течение длительного переходного периода, при ко-

торой социалистический уклад, опираясь на государственный капитализм, будет преодолевать стихию рынка и миллионов мелких производителей [8, 293–303].

Эта программа была принята как государственная программа экономического строительства, но ее сорвала развернувшаяся гражданская война. Она потребовала введение мер чрезвычайной экономики: продразверстки, свертывания торговли и пайкового распределения продовольствия, трудовой повинности, национализации крупных, а затем мелких предприятий. Такая политика во многом повторяла экономические меры воюющих стран во время первой мировой войны, которые А.А. Богданов в малоизвестной работе 1918 г. назвал «паразитическим потребительским» «военным коммунизмом» [1, 335–343]. Ленин стал использовать этот термин в 1921 г.

«Военный коммунизм» отвечал ожиданиям левых коммунистов в РКП(б), которые еще весной 1918 г. призывали начать ускоренное обобществление средств производства. Их лидер Н.И. Бухарин в 1920 г. в работе «Экономика переходного периода» призывал с помощью революционного насилия формировать новые производственные отношения [2, 190–191]. Левые призывали ликвидировать товарно-денежные отношения, распределение товаров среди населения осуществлять на основе «тредов» (трудовых единиц) и т.д. Их деятельность способствовала необоснованному забеганию вперед и перегибам в политике.

Ультрарадикальные устремления проявили левые эсеры и эсеры-максималисты. Они призывали к ускоренной ликвидации капиталистических классов, социализации предприятий, развитию сельскохозяйственного коммунизма, замены торговли товарообменом и распределением продуктов через потребительские общества, отмены денег и т.д., т.е. тоже способствовали военно-коммунистическим тенденциям [10, 36–40].

Правые эсеры, как и меньшевики, считали, что России нужен длительный период развития капитализма, который разовьет

производительные силы, после этого можно будет переходить к социализму. Весной 1918 г. правые не приняли ленинскую программу многоукладной экономики, призывали «назад к капитализму». После поражения эсеровских правительств В.М. Чернов, теоретик эсеров, члены группы «Народ» стали использовать ленинскую идею многоукладности. Чернов, например, в марте 1919 г. предлагал наряду с государственными заготовками хлеба использовать частников, вернуть часть предприятий их владельцам, развивать кооперацию, давать концессии иностранному капиталу, наладить правильную систему налогов. Тогда-де обобществление труда и собственности пойдет естественным путем снизу, без «аракчеевщины». Такую политику он связывал не с Советской властью, а с демократическим режимом, что в условиях гражданской войны, да и мира было утопией [10, 13–16]. Отметим полезные разработки ряда эсеров о принципах и методах кооперирования крестьян [11; 12]. Но эсеры не решили аграрный вопрос в 1917 г. в силу своей политики соглашательства с буржуазией, развернули борьбу с Советской властью, сгорели в пламени гражданской войны, потеряв поддержку масс.

В 1921 г. большевики вернулись к идее многоукладной экономики и ввели по настоянию В.И. Ленина нэп, предполагая в его рамках строить социализм. Ленин предложил в 1923 г. наряду с государственным социализмом строить кооперативный социализм, втягивая в кооперацию крестьян и широкие массы населения [9, 369–377]. Здесь можно увидеть и влияние неонароднических разработок. Но нэп эсеры не приняли. Правые эсеры считали, что многоукладную экономику надо дополнить демократическим режимом. Левые эсеры считали нэп отступлением от принципов социалистической революции.

Нэп помог восстановить народное хозяйство, но не давал накоплений для развития производительных сил, индустриализации страны. В условиях надвигающейся военной угрозы он был свернут в начале 1930-х гг. ВКП(б) в ходе «скачка» в социализм

форсированными темпами провела индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Логика развития потребовала усиления роли государства.

Были заложены основы государственного раннего социализма, который оправдал себя в 1930–1950-е гг. Его следовало реформировать в последующие десятилетия. В новых условиях могла быть использована идея эсеров о «социализированных» предприятиях, кооперативном социализме, принятом и Лениным. (О роли самоуправляющихся предприятий речь шла недавно на страницах «Правды» [16]). Но вожди КПСС, далекие от творческого марксизма, не были на это способны. В результате обострились противоречия советского общества, которое было легко разрушено ренегатами КПСС и либералами в начале 1990-х гг.

Литература

1. Богданов А.А. Вопросы социализма. – М., 1990.
2. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1990.
3. Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 30.
4. Ленин В.И. Письма из далека // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31.
5. Ленин В.И. Задачи пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31.
6. Ленин В.И. Дневник публициста. Крестьяне и рабочие // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 34.
7. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 36.
8. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 36.
9. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45.
10. Медведев А.В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны. – Н. Новгород, 1993.
11. Маслов С.Л. Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. – М., 1921.
12. Маслов С.С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история и устав. – Ярославль, 1918.
13. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 1. – М., 1970.
14. Программа партии социалистов-революционеров // Сборник программ политических партий в России. Вып. 3. – СПб., 1906.
15. Спирина М.В. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. – М., 1989.

16. Будущее российской экономики за народными предприятиями. «Круглый стол» в Госдуме РФ // Правда. 2011. 10–14 ноября.

После гибели строительства основ социализма в Руси и взлета этого строительства в Китае опять приходится обратиться к Марксу

Мясникова И.Г. – к.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

Социализм Маркса, как научно обоснованная теория общечеловеческого социального освобождения человечества от эксплуатации одной части общества другой его частью, и как общество периода такого освобождения, не имеет ничего общего с «социализмом» И. Шафаревича с его «инстинктивным стремлением к смерти», «упразднением частной собственности, уничтожением религии, разрушением семьи», стиранием индивидуальности человека и установлением всемирного тоталитарного государства [5, 35], как и со всякими остальными извращенными представлениями о социализме.

К. Маркс показал, что отчуждение есть историческая неизбежность для развития общественных хозяйственных (и не только хозяйственных) сил, выходящих за пределы естественных потребностей и способностей первобытного человека, но отнюдь не является неизбежностью для общественного хозяйствования (для человеческой жизнедеятельности) вообще. Оно существует там и тогда, где и когда общественное хозяйствование предполагает существование и действие функционеров двух основных типов – производителей прибавочного общественного продукта, не имеющих «функционального» права его присваивать и, поэтому, отчуждающих его обществу, и потребителей этого прибавочного общественного продукта, не имеющих «функционального» права его производить и, поэтому, присваивающих его у общества, в

силу чего вместо общественной собственности возникает и господствует частная собственность, означающая присвоение одними указанного прибавочного общественного продукта и отчуждение другими этого же именно прибавочного общественного продукта (сущность частной собственности, согласно Марксу, заключается в том, что она представляет собой отчужденные «сущностные силы» человека). Данное положение существует при таких хозяйственных силах общества, которых уже достаточно для того, чтобы производство и потребление средств человеческого существования в данном обществе раздвоилось на прибавочное и прожиточное, но еще не достаточно для того, чтобы это раздвоение исчезло, но уже не из-за «абсолютной» бедности, как в первобытном обществе, а из-за «абсолютного» богатства, которого должно достичь полнобытное общество. Вот в таком обществе и существуют стоимость и стоимостные отношения.

Отменить стоимостные отношения, порождающие частную собственность и эксплуатацию, по желанию людей невозможно. Их можно и нужно только преодолеть. Здесь и заключается главное отличие марксистского понимания достижения социализма от предшествующих и последующих за ним утопистов, породивших мечту о равном дележе. Такое преодоление Маркс связывал с переходом от непосредственного труда ко всеобщему. При переходе ко всеобщему (полному, завершеному, творческому от начала до конца) труду ценности перестают выступать как стоимости, все ценности человека предстают просто как ценности, производимые и потребляемые по индивидуальным потребностям и способностям свободной индивидуальности, перестают представлять собой разные доли вложенного общественно необходимого и достаточного рабочего времени, потому что это теперь делают не люди, вооруженные машинами и, поэтому, все еще вынужденные осуществлять непосредственный труд, а люди, вооруженные роботами и, поэтому, оставившие себе только творческий всеобщий труд, каковым и выступает научный труд,

ставший базисом хозяйства. А во всеобщем труде, как пишет В.И. Табаков, невозможно различать и сопоставлять рабочее и свободное время. А это значит – исчезает сама основа стоимостных отношений (отношений эквивалентного обмена разных ценностей как тождественных стоимостей, выражающих определенные количества единиц общественно необходимого и достаточного общественного рабочего времени) [4, 25–26]. Соответственно невозможными становятся частнособственнические отношения: там, где нет раздвоения времени на рабочее и свободное, невозможно присвоение и отчуждение рабочего времени. Таким образом, характер собственности переменится не раньше, чем завершится процесс становления всеобщего труда основой общественного хозяйства, – «когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека» [2, 280–281]. Поэтому частная собственность погибнет не раньше, чем исчерпает все возможности своего развития.

Следуя логике Маркса, В.И. Табаков отмечает, что именно разница между рабочим и свободным временем является основой и причиной существования стоимостных отношений вообще (не рынок порождает стоимостные отношения, а наоборот, стоимостные отношения неизбежно образуют рынок). А исчезает она лишь тогда, когда за человеком начинает оставаться только творческая, не передаваемая технике, часть труда. Только при таком положении частное производство и потребление все еще остающегося – до полного исчезновения стоимостных отношений – дивиденда становится экономически невыгодным. И единственно возможным становится только общественное, социалистическое хозяйствование, при котором эксплуатация человека человеком невозможна, хотя отмирающие стоимостные отношения еще и остаются. Эксплуатация основывается на присвоении прибавочного труда рабочего капиталистом. Но прибавочный труд по Марксу существует лишь в отношении к необходимому труду,

т.е. лишь постольку, поскольку существует последний. Однако предпосылкой и того, и другого всегда является непосредственный труд вообще (труд как работа в противоположность творчеству и свободному времени). Выходит, что вся проблема сводится к уровню развития производительных и потребительных (т.е. хозяйственных, в целом) сил общества, которые подстегиваются к развитию самим капиталом (в этом Маркс видел великую преобразующую силу капитала) [2, 280].

Таким образом, мы видим, что возможность закономерного социализма, имеющего естественноисторический характер, для Маркса связана не с революцией и диктатурой пролетариата самими по себе (что ему постоянно приписывают), а с возможностями науки, приводящей к тотальной роботизации хозяйства и приводящей к превращению труда во всеобщий труд («труд выступает уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически» [2, 281], снимающей разницу между свободным и рабочим временем, а, значит, не оставляющей место стоимостным отношениям, на которых базируется капитал. И только на этой основе революция может доделать то, что не может завершить сам капитализм. Таким образом, капитал сам, «одержимый постоянной страстью к обогащению», ставит себе предел. И никакие марксисты здесь ни при чем. Это ответ критикам (К. Попперу, Р. Арону, например), обвиняющим Маркса в отсутствии у него указания на технологию будущего общества. Маркс, утверждает Арон, нарисовал прекрасный идеал общества, но не указал пути его реализации [1, 183]. Обвиняя Маркса в отсутствии у него технологии, которая могла бы быть положена в основу будущего общества, они не учитывают всего того, что было написано Марксом по поводу «всеобщего труда» и свободного времени, а если и учитывают, то их трактовка расходится с марксистским смыслом. Так, напри-

мер, Р. Арон отмечает, что по этому вопросу «у Маркса, в сущности, наблюдается колебание между двумя отчасти противоречивыми тезисами. Согласно одному из них, человек реализует свою человечность в труде, и именно освобождение труда ознаменует гуманизацию общества. Но у Маркса есть и другая концепция, по которой человек подлинно свободен лишь вне труда» [1, 183]. Все верно, но у Маркса речь идет о преодолении непосредственного труда трудом всеобщим. Это и будет освобождением труда от нечеловеческих функций, и человек, действительно, подлинно будет свободен лишь вне непосредственного труда! И, наконец, Маркс, как бы предвидя возможные ошибки своих последователей, предостерег их от легкомысленного отношения как к теории, так и к условиям ее реализуемости: «...что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать *непосредственно*, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать... Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения» [3, 131–132]. Оно, думается, имеет прямое отношение к опыту строительства основ социализма как в нашей стране, до начала ее «десталинизации», так и в Китае, после принятия в нем дэнсяопиновской стратегии строительства социализма.

Литература

1. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли: пер. с фр. / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс: Универс, 1993.
2. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Издание второе. Т. 46. Ч. 1–2.
3. Маркс, К. Фердинанду Домела Ньювенгейсу, 22 февраля 1881 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Издание второе. Т. 35.
4. Табаков, В.И. Русь спасет социзм (сталинское строительство социализма) / В.И. Табаков. – Н.Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2004.
5. Шафаревич, И.Р. Социализм как явление мировой истории / И.Р. Шафаревич. – М.: Советский писатель, 1991.

Концепция современной «общественной технической машины» как общества порабощенной индивидуальности в шизоаналитическом дискурсе «Анти-Эдипа» Ж. Делеза и Ф. Гваттари
Нагорнов Е.А. – канд. культурологии (г. Нижний Новгород)

Ж. Делез и Ф. Гваттари в работе «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения» в качестве ключевой особенности развития современного субъекта индустриального общества выделяют его связь с работой «технической общественной машины», с работой органов тоталитарной *власти*, олицетворяющих господство установленных дискурсивных практик, аксиом, социальных кодов. В результате субъект становится не более чем набором переменных, функцией, производной от дискурса власти на теле *социуса*. Возникает ситуация, когда власть не столько подавляет, сколько *производит* индивидов. «Индивид – продукт власти» (М. Фуко). Этим обусловлена динамика современного общественного производства, его культурная основа: «Производят машины, непрерывное функционирование социальных машин, представленных множеством аппаратов различной сборки, производит мир вместе с субъектами и объектами, его составляющими» [1, 40]. Отталкиваясь от наследия марксизма и психоанализа, творчески перерабатывая его, Ж. Делез и Ф. Гваттари полагают, что современному индивиду (*желающей машине*) остается лишь вращение в биологическом насущном жизненном круге «голой жизни», в круге забвения бытия, в технологическом круге потребительства, остается, согласно «Анти-Эдипу», подключать желание к заранее заданным объектам общественного производства. При этом, по мнению авторов «Анти-Эдипа», для капитализма характерно «перекодирование» *желающего производства индивидов*, стремление «территоризировать» индивида на своем капиталистическом общественном поле, в том числе, и путем насильственной

эдипизации (вменения вины) через *систему срезов* различных желающих потоков. Возникает ситуация «неизлечимой недостаточности бытия», когда «желание больше не осмеливается желать» [2, 326]. Субъект вынужден «заселять технические общественные машины», инвестировать в них свои желания, становиться их придатком. Основанием этих машин является капитализм с его тотальным культом экономики и технологического/прагматического рационализма, с его культом *знака* абстрактной прибыли: «производящая сущность капитализма функционирует и «говорит» только на языке знаков, которые ему навязывает рыночный капитал или аксиоматика рынка» [2, 382].

«Не машины создали капитализм, а, наоборот, капитализм создает машины, он постоянно вводит новые срезы, посредством которых он революционизирует свои технические способы производства» [2, 367]. Машины создаются во имя получения абстрактной прибыли посреди мира, ставшего тотальным капиталистическим рынком. При этом сохраняется «абсолютное бессилие наемного работника как производного элемента промышленного капитала» [2, 376]. Уже у Маркса экономика стала трансценденцией, эта линия продолжается в работе анализируемых нами постструктуралистов, утверждающих господство абстрактного капитала *знака*: «Больше нет даже господина, остались только рабы, командующие рабами, больше не нужно нагружать выючное животное, оно само взвалит на себя ношу» [2, 400]. В отличие от Маркса, машина воспроизводства капитала, рассматриваемая в «Анти-Эдипе», нивелирует прежние классовые различия, превращая «первого слугу ненасытной машины» в «большого раба, чем последний из рабов», в «интериоризацию бесконечного долга». Но это, на наш взгляд, лишь подтверждает меткое замечание Маркса: «Капиталист уважаем лишь настолько, насколько он является ставшим человеком капиталом». Т.е. насколько уничтожит свою субъектность в пользу капитала. По мнению создателей «Анти-Эдипа»: «Никогда государство не теряло столько своей

власти, чтобы настолько полно отдаться службе знаку экономической силы» [2, 398]. Ж. Делез и Ф. Гваттари утверждают: «Технические общественные машины являются лишь конгломератами желающих машин в исторически определенных молярных условиях; желающие машины – это общественные и технические машины, возвращенные к их определяющим молекулярным условиям» [2, 623]. При этом «большие машины предполагают отношения капиталистического или деспотического типа производства, влекущие зависимость, эксплуатацию, бессилие людей, сведенных к состоянию потребителей или рабов» [2, 625]. Такова особенность современной государственной машины, рассматривающей индивида, со всем его производством желания, лишь в качестве своего *рабочего элемента*. Как отмечал Г. Дебор, рассуждая о современном обществе, как «обществе спектакля»: «Спектакль подчиняет себе живых людей в той мере, в какой их уже всецело подчинила экономика. Он есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради самой себя» [3, 25]. *Спектакль* является силой, утверждающей господство *знака* вместо бытия.

В заключение отметим, что в качестве альтернативы современной общественной машины Ж. Делез и Ф. Гваттари в своем *шизоанализе* видят «дружеское» общество, желающее и неэдиповое, в котором у каждого есть право *использовать средства производства*. Где существует «наиболее экстенсивное использование больших машин как можно большим числом людей» [2, 625], общество освобожденного *раскодированного* желающего производства, в котором Эдипу противостоит *шиз*.

Литература

1. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.

О некоторых синергетических аспектах понимания переходного периода

Осипов Н.Е. – д.ф.н. (*г. Чебоксары*)

Начиная с 1980-х гг. в СССР усилился процесс всестороннего социального распада. В 1990-е с распадом единого государства он достиг наивысшей стадии, что крайне негативно сказалось на экономических связях между бывшими республиками СССР. Это послужило основанием для разрыва политических, культурных и в целом цивилизационных связей (былой общности) между народами Советского Союза. Наступил хаос, который явился предпосылкой для социальной бифуркации в развитии. Выход из него на новый путь развития был возможен через актуализацию нескольких способов самоорганизации общества. Но был выбран и реализован не самый лучший путь с точки зрения безболезненности для большей части населения, а именно – тотальная приватизация в экономике посредством раздачи государственной собственности в руки небольшой кучки приближенных к власти лиц. Регулятивная роль государства свелась к политическому обеспечению процесса криминальной приватизации и образования слоя крупных собственников из числа госчиновников.

За редким исключением таким образом «созданная» частная собственность и дикий капитализм с его нецивилизованным рынком не вывели страну из экономического коллапса. Причина такого плачевного результата в том, что у новых собственников отсутствовала «протестантская этика» – этика трудолюбия, воздержания и экономии, о которой в своё время писали М. Вебер, В. Зомбарт. Дело в том, что такая этика в Западной Европе воспитывалась на протяжении длительного времени формирования капитализма в процессе его естественной борьбы с феодальными ограничениями. Это была своего рода социально-историческая эволюция, в ходе которой создавались объективные и субъективные

элементы самоорганизации общества на иных формационно-цивилизированных основаниях.

К. Маркс в своих работах делал акцент на анализе объективных условий генезиса капиталистической формации и буржуазного общества. [В 90-е годы XIX века, уже после смерти К. Маркса, Ф. Энгельс, отвечая на критику идейных противников, в ряде писем касается роли сознания в историческом процессе]. М. Вебер и В. Зомбарт дополнили осмысление данного процесса анализом духовных факторов. Когда мы пытаемся понять специфику современного переходного периода в нашей стране, многое объясняется ролью субъективной стороны происходящего, в частности, ролью различных политиков и деятелей «перестройки» и «реформ». В условиях социальной неравновесности, когда нарушаются привычные связи и отношения между людьми и обществом утрачивает стабильность, неизмеримо возрастает значение субъективных членов социума – их нравственность, политические и прочие взгляды. Их конкретные поступки (это «кванты» обществу преобразующей энергии) имеют огромный резонанс в обществе, нередко вызывая в нём масштабные последствия. Происходит это потому, что новые идеи овладевают умами и чувствами всевозрастающего числа последователей отдельных лидеров. В результате их творчества постепенно создается система новых социальных технологий организации и воспроизводства общественной жизни [1]. Таков общий механизм возникновения «порядка из хаоса» и достижения обществом на некоторое историческое время «равновесного состояния», если говорить языком синергетики. Это состояние является одной из важнейших характеристик формационно-цивилизационной определенности социума. Однако она не абсолютна, так как в рамках формационно-цивилизационной целостности общества могут происходить изменения, не выходящие, впрочем, за «порог устойчивости», то есть не изменяющие основные формационно-цивилизационные качества общества.

Сравнивая последние, надо отметить, что наибольшей устойчивостью обладают цивилизационные характеристики общества, ибо они складываются под влиянием многих факторов бытия на протяжении достаточно длительного времени. Среди них, например, природно-климатические, этнодемографические, геополитические, экономические и др. условия жизни. При этом формационные факторы, хотя и не исчерпывают всего ансамбля детерминант и корреляций, тем не менее, являются ведущими в формировании цивилизации.

В свою очередь, более динамичные формационные преобразования не «безразличны» по отношению к цивилизационным условиям бытия общества. Они являются **средой** для первых, ускоряющей или замедляющей их проведение. В исторические периоды, когда нарушается формационно-цивилизационная равновесность общества, как сложноорганизованной системы, оно встречается с вызовом извне или изнутри. Ответом служит выдвижение инновационной идеи, которая выступает в роли «аттрактора», направляющего процесс создания новой системы социальных технологий и придающего общий смысл вектору развития общества.

Синергетика изначально выступала преимущественно парадигмальной концепцией естествознания. Позже её положение пытались «приложить» к объяснению социокультурных явлений в постмодернизме, который стремился артикулировать свою познавательную значимость посредством неоправданно многочисленной и цветистой терминологии. Такое дефинитивное «творчество» малопродуктивно. Понятийный смысл категории синергетики и диалектики не утратил своего значения и сегодня при объяснении социальных процессов вполне без «заигрывания» с постмодернистской терминологией.

Так, важным положением синергетики является представление о необратимости развития. Оно находит подтверждение не только в природе, но и в мире социальном, в человеческой исто-

рии. Примером могут служить идеи социализма. Они, несмотря на трудности с их практической реализацией, все же прокладывают себе путь, при этом обогащаясь противоречивым опытом многих стран и народов. СССР стал по существу первой страной, где социалистический проект был практически реализован. И как всякий масштабный и пилотный, он не избежал при своем осуществлении многих ошибок и трудностей. Сейчас власти отказались от него, внушая населению мысль об его антигуманности. Каждый раз, при очередной предвыборной кампании ультралибералы запугивают народ репрессиями, карточками, гражданской войной и прочим, если он выберет социалистический путь развития.

Необратимость развития формулируется не только синергетикой. Уже Гераклит выразился весьма метафорически на этот счет, сказав, что «нельзя войти дважды в одну и ту же реку». Разумеется, онтология общества и социальной истории иная, чем природных процессов. Поэтому даже ультралибералы, если они хоть как-то стремятся сохранить целостность страны, чтобы чем-то управлять, вынуждены восстанавливать некоторые социальные технологии, наработанные в советский период. Содержательно это свидетельствует о том, что наша страна все ещё находится в переходной стадии своей истории, и ее будущее весьма неопределенно с точки зрения формационных и цивилизационных качеств бытия.

Литература

1. См. Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 16–22.

Метаморфозы марксизма в России: религио-марксизм богостроительства и его истоки

Пименов В.Ю. – к.ф.н. (*г. Смоленск*)

Марксистская идеология оказала определяющее развитие на ход русской истории в XX в., на многие десятилетия став парадигмой ее социокультурной и политической динамики. Реализация «коммунистического проекта» именно в России, стране изначально для этого не готовой и не предназначенной, – факт парадоксальный и требующий глубокого изучения.

Многие исследователи неоднократно обращали внимание на особое прочтение и понимание марксизма его русскими последователями, которое может рассматриваться двояко: и как его искажение и извращение, и как актуализация его подлинного смысла. Так или иначе, в России марксизм получил ярко выраженную религиозную трактовку, которая, вероятно, и стала одним из факторов возможности его практической реализации. Ведь не каждая социально-философская доктрина или идея может похвастаться практическим применением.

В связи с этим, возможно, декларируемый классиками-основателями и наиболее последовательными его ортодоксами атеистический характер марксизма был, на самом деле, мнимым и в принципе невозможным, так как, если понимать под религией всякое стремление человека к реализации несуществующего идеала, любое социальное движение протестного, реформационного типа является религиозным. Подлинная религиозность марксизма была вскрыта и со всей очевидностью показана богостроительством, которое вполне можно рассматривать как своеобразный религиозный инвариант марксизма.

Религиозная адаптация марксизма, произошедшая в России, не случайна. Еще В.В. Зеньковский указывал, что даже те течения, которые решительно разрывают с религией, оказываются неизбежно связанными (хотя и негативно) с ней.

С другой стороны, религиозный смысл и направленность любой идеологической системы в любой стране и в любой культуре несомненны и очевидны. Это связано с коренным устремлением любого общества во все времена рассматривать свое бытие критично и перспективно, противопоставляя его некоему вечному идеалу, открывающему возможности активного коррективного действия в его направлении, что, в частности, прослеживается в христианском понимании истории как линейного процесса восхождения мира к совершенному бытию – Небесному Иерусалиму, воплощавшему представления человека, и не только средневекового, о совершенном обществе и человеке. Именно эта установка питала умы создателей утопических и эсхатологических проектов и революционных деятелей любого типа. Влияние идей Августина Блаженного и Иоахима Флорского на ход мировой истории и развитие европейской культуры и цивилизации невозможно переоценить. Ведь именно они отчетливо сформулировали принципы «общественного устройства» Небесного Иерусалима как коммунистические, тем самым вслед за Платоном сформулировав эталон совершенного общества и представив его как наглядный идеал. Однако их социальные взгляды носили, главным образом, эсхатологический характер, предполагая наступление «счастливых времен» в перспективе трансцендентного и требуя от человека лишь пассивного ожидания этого, казалось, скорого события. Но уже Реформация, породившая реалистический прагматизм протестантизма, и Крестьянская война в Германии трансформировали направленность утопических ожиданий массового сознания с потустороннего мира на программу построения «Царства Божьего» в земном мире, здесь и сейчас.

На стыке Средневековья и Нового времени эсхатология постепенно уступает место утопии, что в значительной степени и определило наступление новой эпохи. Разницу между эсхатологией и утопией точно охарактеризовал М. Бубер: первая означает уничтожение творения, вторая – раскрытие его потенциальных возможностей.

В России мы наблюдаем неуклонное усиление утопической тенденции с началом так называемого процесса секуляризации, означавшего не столько освобождение общественного сознания от религиозно-церковных установок, сколько их профанирование, проникновение сакрального во все сферы повседневной жизни, образующее своеобразный «обратный символизм», противоположный символизму религиозному. Традиционное для средневекового мировоззрения рассмотрение земной реальности как отражения и отдаленного подобия небесного претерпевает перверсию, и трансцендентное теперь выглядит не только как идеальный проект и цель развития мира «дольного», но и как ему имманентное. Именно в этом основа той глобальной реформации религиозной идеи, которая постепенно теряет мистическое содержание и превращается в социально-политическую доктрину.

В начале XX в. в России подобная тенденция реализует себя в своеобразной религиозной версии марксизма – богостроительстве. Всколыхнув общественное мнение в начале XX в. и позволив по-новому взглянуть на сущность и направленность происходивших в России революционных процессов, богостроительство было результатом приспособления марксизма к особым условиям российской действительности конца XIX в., требующим учета не только специфики социально-экономического, полуфеодального развития страны, но и архаичного религиозно-мистического восприятия мира.

Философия богостроительства не была модным увлечением или интеллектуальной забавой определенной части революционно настроенной интеллигенции; она являлась результатом своеобразной диффузии рационально выверенного и имеющего строго научный вид учения К. Маркса, с одной стороны, и имеющей многовековую и особенно укорененную в российской ментальности традицию религиозно-мистических представлений о совершенном мире, или Царстве Божием, с другой.

Богостроительство, неслучайно открыто заявившее о себе именно в 1908 г. после краха, как политического, так и идеологического, Первой русской революции, заняло промежуточную, компромиссную позицию, развернув не просто альтернативную политическую программу, а новую религиозно-философскую парадигму, представляющую синтез науки, идеологии, философии, религии и мистики. И А.А. Богданов, и А.В. Луначарский относились к марксистскому учению максимально неортодоксально и творчески и видели в нем не сухую социально-экономическую и политическую концепцию, а живое и гуманистическое учение, обращенное не только к разуму человека, но и к его эмоциям и чувствам.

Говоря о коллективном единстве как главном принципе нового общества и человека, Богданов понимает его, прежде всего, как единство психическое. Именно поэтому, наравне с богостроителем Горьким, он является создателем такого масштабного социокультурного феномена, как социалистический реализм, призванного не столько отражать, как этого требует ортодоксальный марксизм, общественное бытие, сколько творить его **практически из ничего**, из общих субъективных представлений об идеале. Неслучайно поэтому организаторское участие Богданова в деятельности небезызвестного Пролеткульта, оказавшего не только огромное влияние на становление и развитие советской литературы, в частности, и культуры вообще, но и на массовое сознание и практику социалистического строительства.

Центральная тема рассуждений другого классика богостроительства – А.В. Луначарского – это природа и человек. Анализируя ход мировой истории, он обнаруживает в нем сквозной мотив, логический стержень, определяющий социально-историческое поведение людей в любые времена – борьба за выживание, с необходимостью предполагающая борьбу с хаосом природы, ее преобразование в соответствии с неким идеалом, который динамически меняется по мере развития самого человека и

его успехов в борьбе с природой. Эти идеологические убеждения, по сути своей, являются религиозными: ведь любое утверждение идеала, противостоящего существующей реальности, несет в себе религиозный пафос, предполагая не столько рационально-понятийное, сколько эмоционально-ценностное отношение. Именно поэтому, несмотря на внешнюю наукообразность марксизма, Луначарский видел в нем, прежде всего, религию в самом широком смысле этого слова.

Кроме того, марксизм для Луначарского – тот единственный вариант здорового компромисса между крайностями мистического и материалистического христианства, который и есть истина. Он несколько не сомневается в перспективах такого «адаптированного» марксизма в России, которой предстоит революция именно в «религиозной одежде».

Богостроительство, таким образом, – не только одно из многочисленных направлений общественно-политической и философской мысли начала XX в. Во многих своих положениях оно идейно предопределило новый этап развития революционной идеи, берущей начало на заре Нового времени и противопоставившей традиционной эсхатологической парадигме исторического сознания утопическую, которая в России принимает форму «религиозного реализма» или «богостроительства», положенного в основу беспрецедентного по масштабам эксперимента строительства «нового общества» и «нового человека», осуществленного большевиками под эгидой марксизма.

Центризм переходного периода

Потапов В.А. – к.и.н. (*г. Нижний Новгород*)

Центризм – это сама жизнь и деятельность человека, его общественных и государственных организаций. Центризм – это интересы, настроения и стремления, их движение. Центризм – это

ожидания и надежды людей и целых народов. Центризм – это духовная, общественно-политическая жизнь, рождающая идеи и идеалы. На его основе возникают власть и управление, общественные и политические организации, принимаются решения; утверждаются принципы и нормы общественной жизни; разрабатываются основополагающие документы – программы, конституции, законы; делаются заявления, обращения, призывы и т.д. Все это сопровождается демократизмом общественной и государственной жизни и деятельности.

Организационной основой центризма выступают коллективность и централизм, центр и периферия, система власти и управления, общественных организаций. Коллективность – это форма объединения людей и целых народов, способ их жизни и деятельности. Централизм – это сеть, структура органов власти и управления, общественных и политических организаций и их центров. Их основой выступает территориально-производственный признак, т.е. территория и отрасль, различные их формы.

Поэтому центризм всегда устремлен на совершенствование территориально-административного устройства страны. Так это случилось у рюриковичей, когда возникла мысль (идея) объединения восточных славян, создания единого русского государства. Так, это стало, когда Петр I решился на реформу власти и управления в стране. Необходимость улучшения государственного управления подвигла коммунистов к новому, решительному экономическому районированию и территориально-административному строительству в начале 20-х годов прошлого столетия.

Словом, центризм всегда выступал в качестве основного двигателя этого строительства. Настроения и стремления всегда приводили князей, царей и коммунистов к необходимым решениям. Вот и XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) признал существовавшее административно-хозяйственное деление в стране не со-

ответствующим ее новым политическим и экономическим потребностям, поручал ЦК подготовить реформу административно-хозяйственного деления СССР, основная цель которой состояла в упрощении, удешевлении и приближении к массам органов Советской власти и управления, в реализации закономерности.

Все эти три периода с проявлениями центризма свидетельствуют о том, что без него в территориально-административных преобразованиях не обходилось. Впереди всегда оказывались стремления, желания и т.д., то есть центризм как закономерность. Решения XII съезда РКП(б) лучшим образом подтверждают это.

На территории СССР возникло 18 экономических районов. Развитие их привело к специализации территории, появлению новых отраслей и т.д. В СССР образовалось многоотраслевое народное хозяйство. Возникло более 50 отраслей народного хозяйства и культуры, их центров – министерств и ведомств. В них осуществляли производственную деятельность свыше 100 тысяч трудовых коллективов, а это центристские пространства, что приводило к проявлениям в них соответствующих центристских настроений [1; 144–145, 269, 369, 478, 557, 567, 584, 589, 599, 604].

По мере развития производительных сил в результате территориально-административного строительства основными территориями с их центрами в СССР стали область и район. К 80-м годам прошлого столетия в СССР насчитывалось свыше 50 тысяч территорий и их центров. В них учреждались и размещались органы власти и управления, общественные организации. В СССР всеобщим голосованием на выборах избиралось 41374 сельских, 3719 поселковых, 2059 городских, 3045 районных, 10 окружных, 135 областных Советов, 20 Верховных Советов автономных и 15 Верховных Советов союзных республик. Венчал всю эту систему Советов Верховный Совет СССР. Это было советское центристское пространство.

Но наряду с ним действовали центристские пространства 29 профессиональных союзов во главе с ВЦСПС, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи – ВЛКСМ, трех кооперативных объединений, шести общественно-политических организаций, пяти научных, научно-технических и научно-просветительских, шести оборонных обществ и шести творческих союзов. Это 34 общесоюзных организаций со своими центрами во главе [2; 201, 214, 219]. Эти организации функционировали во всех отраслях народного хозяйства и культуры, на всех территориях страны.

Всю эту общественно-политическую систему возглавляла КПСС. Это было в полном смысле этого слова центристское пространство, в котором господствовали социалистические настроения, демократические отношения центра и периферии. Это был советский социалистический центризм, основанный на принципах коллективизма и демократии.

В связи с этим возникает два вопроса: что делает централизм демократическим или бюрократическим? И был ли советский централизм во второй половине XX века демократическим?

Демократический или бюрократический характер централизма делает центризм. Именно центризм, политическая и трудовая активность рабочих, крестьян и интеллигенции, стремления коммунистов и беспартийных граждан к своим идеалам делали его демократическим. Либеральный центризм в КПСС и советском обществе сделал демократический централизм бюрократическим. В связи с этим комитеты КПСС и Советы народных депутатов обособлялись, отдалялись от масс, противопоставляли себя им. Формализм, трескотня становились основными чертами стиля и методов работы ЦК и местных парткомов. Отношения центра и периферии в советском пространстве ослабевали.

ЦК КПСС оказался неспособным проводить экономическую реформу, одобренную всей партией и ее XXIII съездом. Он не дал своей оценки хрущевщине. Он оставил в силе все решения хру-

щевского ЦК. А это работало на ревизионизм, антикоммунизм и антисоветизм. Словом, соотношение настроений в КПСС и советском обществе менялось в пользу буржуазного центризма. Вот такая диалектика складывалась между центризмом, демократией, с одной стороны, и централизмом - с другой.

Отвечая на второй вопрос, можно с большими оговорками говорить, что централизм был демократическим. В КПСС и советском обществе, в их центрах, в центре и на местах широко распространены были либеральные, мещанские настроения. Часто партийные комитеты и Советы народных депутатов возглавляли люди именно этих взглядов. Поэтому партийный, общественный и государственный централизм все больше и больше становился бюрократическим

Об этом говорит такой факт. Когда налицо объявились все признаки разрушения КПСС и советской государственности, в РСФСР только 46 обкомов из 72 высказались в соответствии с Уставом за созыв чрезвычайного съезда партии, а остальные даже не ставили так вопрос. Партийные комитеты союзных республик заняли выжидательную позицию. Такое поведение партийной верхушки на местах привело к тому, что местные партийные центры утратили доверие партийных и беспартийных масс. Трехкратное обновление руководства местных партийных организаций привело к потере их связи с партийными массами, т.е. к разрушению механизма движения центристских настроений, нарушению связи периферии местных организаций с их центрами, КПСС с советским обществом. Поэтому в тех условиях не могло быть и речи о том, что централизм в КПСС был демократическим.

Таким образом, общественная, духовная и производственная жизнь, деятельность общественных и государственных организаций выстраивается и протекает в соответствии с настроениями и стремлениями граждан, на основе принципов и норм общественной и государственной жизни и деятельности, заложенных мно-

гими поколениями народов России. Поэтому центризм как закономерность надо признать. Этого требуют общественная жизнь и государственная практика. Закономерность должна быть прописана в Конституции страны, в программах и уставах политических и общественных организаций. Это сделать нетрудно, трудно осмыслить это.

Литература

1. Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный статистический сборник. М.: Статистика, 1977.
2. Коммунистическая партия Советского Союза: Наглядное пособие по партийному строительству. М.: Плакат, 1980.

Человек перед выбором

Прокашев А.М. – д.с.-х.н. (*г. Киров*)

Познание природы человека, его места на Земле и смысла жизни – проблема, относящаяся к категории вечных в гносеологии. Суть ее сводится к оценке человеком своего места и роли в мире и общественных отношениях по линиям: человек – человек, человек – общество, человек – государство. По-видимому, актуальность этой проблемы впервые была осознана на заре становления классового общества и обострилась в связи с поляризацией социальной структуры древних рабовладельческих государств. Оценка формы общественного жизнеустройства была различной у представителей разных социальных слоев. Эволюция этой социальной коллизии в течение более чем двухтысячелетнего периода развития цивилизации оформилась в стройное марксистское учение об общественно-экономических формациях и классах как движущих силах исторического процесса. Последующие революционные события в России начала XX века, казалось

бы, дали позитивный ответ на злободневные вопросы общественной жизни в соответствии с ленинской концепцией построения социализма.

Однако в конце прошлого века, после 70-летнего опыта социалистического строительства, этот в основе своей успешный эксперимент был подвергнут ревизии. Её итогом стали демонтаж советской социально-экономической системы и возврат на капиталистический путь развития. Как декларировалось апологетами частной собственности, он должен был в скором времени вывести нашу страну на общую столбовую дорожку цивилизации, а народы России привести к всеобщему благоденствию.

Однако за последующие два десятилетия построения этого «прогрессивного» строя «реформаторам» не удалось на деле подтвердить его эффективность. Для сравнения: большевики за те же два десятилетия – с 1921 по 1941 гг. – совершили экономический рывок, удививший остальной мир, хотя они, в отличие от наших «прогрессистов», шли по неведомому доселе пути. Как следствие, доставшаяся в наследство от СССР экономическая инфраструктура оказалась почти до основания разрушена, а новая, «капиталистическая», не подает признаков полноценной жизни. Даже достижение показателей последних, так называемых застойных лет советского этапа (1990 г.) все еще остается трудно осуществимой мечтой, несмотря на тотальный демонтаж всех систем социального обеспечения, сокращение бремени военных расходов, а также внешнеполитических затрат на поддержание стратегической геополитической стабильности страны. При этом крайне обострились классовые отношения в каждой из бывших республик Союза.

Очевидный факт свершившейся социальной контрреволюции и поляризации общества недостаточно осознан на уровне массового сознания. Причин тому несколько. На наш взгляд, главные из них сводятся к следующему.

Во-первых, низкий уровень политической культуры, социальная апатия большинства населения, вялый политический темперамент, доставшийся в наследство от многих десятилетий бесконфликтного социально-политического развития в условиях советского строя.

Во-вторых, активное насаждение в сознание обывателя через «независимые» СМИ новой системы ценностей, суть которой сводится к культуре обогащения любой ценой. При этом сознательно умалчивается, насколько это реально для каждого, отдельно взятого члена общества.

Еще более глубокая причина эрозии массового сознания коренится в самой сути человека – одного из наиболее молодых видов живых существ планеты. Причем, единственного среди них особого – биосоциального – организма, подчиняющегося в своем развитии двум группам законов одновременно – биологическим и общественным. Биологическое начало подталкивает его к поведению по законам, свойственным дикой природе, где широко распространены, хотя и далеко не всегда, конкурентные отношения и борьба за выживание организма любой ценой. В то же время социальные начала предписывают ему принципиально иную модель поведения, базирующуюся на этике социального партнерства, принципе «человек человеку друг».

Добавим к сказанному еще одно важное обстоятельство, касающееся филогении человека, а именно: несформированность его как вида, возможно, ввиду особого, биосоциального статуса. По существу, социализация человека ещё только началась. В мире дикой природы становление новых видов животных занимает, как правило, многие миллионы и даже десятки миллионов лет, тогда как представитель вида *Homo sapiens* существует в своем современном облике лишь 35–40 тыс. лет. Отсюда становится понятным, насколько тесны узы, связывающие его со своими пра-предками и, соответственно, насколько привычны для него «хватательные рефлексy». В человеческом обществе со

времен рабовладельческого Древнего Рима они юридически оформлены и освящены в форме института частной собственности.

Неудивительно, что еще совсем недавно, по меркам антропологического, каких-нибудь 2 тыс. лет назад (примерно 70–80 поколений до наших дней) для многих представителей рода человеческого казались нормальными такие зрелища, как гладиаторские бои. В некоторых странах до сих пор считается допустимым устраивать корриды; в большинстве обществ её вытеснила спортивная охота, а многие люди уже давно сменили огнестрельное оружие на фоторужье. Всё большее число людей предпочитает потрафлять свои биологические инстинкты в более рафинированной форме – на спортивной арене. Но и сегодня еще можно слышать сообщения о случаях каннибализма. Эти факты показывают, насколько тонкой является нить, связывающая биологическое и социальное начала в человеке, и как легко её разорвать.

Поэтому до подлинной гуманизации человечества в планетарном масштабе пока еще достаточно далеко. И процесс этот в условиях капиталистического общества сознательно сдерживается правящим классом и масс-медиа. С помощью кровавых боевиков целенаправленно культивируются и внедряются в подсознание человека животные инстинкты, отчуждение между людьми. Их цель – задержать социализацию индивидов, ведь общественный человек представляет угрозу для господствующего меньшинства. На службу буржуазным властям России вновь привлечена церковь, призванная к выполнению роли социального терапевта для обывателей.

На помощь дельцам от псевдокультуры спешат наёмные психологи и лингвисты, обученные в спецшколах. Их основной метод – формирование речевой культуры, а в конечном итоге духовного мира, соответствующего интеллектуальному уровню Эллочки-людоедки. Не менее изощренными методами проводится

идея, якобы, превосходства капиталистического способа производства. При этом замалчивается такой факт как нищета, присущая большинству населения стран, идущих по капиталистическому пути развития, причем гораздо более длительный период, чем страны социалистической ориентации, включая и СССР. Нашим рыночным идеологам не мешает задуматься над словами французского историка, исследователя капитализма Ф. Броделя (2007), который пишет: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

Все сказанное выше, на наш взгляд, является причиной некоей «замутнённости» человеческого сознания многих россиян. Отсюда для большинства членов общества по-прежнему представляется трудным ответ на вопрос, что лучше – социализм или капитализм и, соответственно, каков наиболее правильный вектор социальной перспективы, в рамках какой общественной формации ждёт нас светлое будущее.

С позиции социальной психологии в каждом обществе можно выделить несколько групп людей по их отношению к текущим социально-экономическим и социально-политическим процессам. Одна из групп, оглядываясь на практику стран Запада, связывает будущее России с капитализмом и имманентно присущими ему общественными отношениями с культом эгоизма, индивидуализма, конкуренции. Другая группа видит перспективу человечества в его дальнейшей гуманизации и, соответственно, в тесной связи с социалистической и коммунистической формациями, где во главу поставлены принципы коллективизма, сотрудничества. Значительная часть общества просто не определилась со своим выбором. Чья точка зрения наиболее правильная, то есть базирующаяся на логике исторического процесса?

Ответ на поставленный вопрос зависит от того, под каким углом зрения рассматривается человек и его сущность. Если смотреть с позиции прошлого человеческой цивилизации, значительная часть которого (досоциалистические формации) по существу представляла собой историю войн – родовое пятно института частной собственности, то, скорее всего, будет сделан вывод о неизбежности социальных антагонизмов и войны всех против всех. Если же руководствоваться данными философской антропологии, согласно которой человек как особый, биосоциальный феномен, подчинён в своем развитии более высокой – социальной форме движения материи, – то отсюда вытекает прямо противоположная позиция. Согласно ее будущее человечества неизбежно связано с дальнейшей социализацией, преодолением культа частной собственности, а, значит, и непримиримых классовых антагонизмов, устранением межличностных, и иных, вплоть до межцивилизационных, конфликтов, порожденных различием экономических интересов индивидов, социумов, государств.

По мнению автора, дальнейший прогресс возможен только в соответствии со второй точкой зрения, хотя этот процесс представляется длительным и болезненным. Подтверждением сказанному является тот факт, что и сегодня параллельно сосуществуют этносы, разделенные по уровню своего социально-экономического развития дистанцией в несколько тысячелетий – от первобытного до постиндустриального общества. Даже в рамках одного государства различия в мировоззрении отдельных его представителей и социальных групп измеряются веками исторического процесса. В этом видится главная трудность нахождения единства взглядов в вопросе о будущем человека и цивилизации.

Тем не менее, согласно закону ускорения общественного развития, следует ожидать сокращения сроков, необходимых для сближения социально-экономических показателей и осознания необратимости социалистической и коммунистической перспективы в условиях нарастающей интеграции экономической, поли-

тической, духовной и других форм государственной и международной жизни. В противном случае реальна угроза самоуничтожения человечества, раздираемого ныне непримиримыми антагонизмами в условиях капиталистической системы производства с присущими ей конкуренцией и войной всех против всех. Возрастающее со временем доминирование социальных начал вселяет надежду на ускоренный переход человечества к ноосферному мышлению на принципах социальной гармонии между людьми, этносами, цивилизациями и, соответственно, на сохранение вида гомо сапиенс.

Все более приоритетными становятся две очередные цели, стоящие перед современной цивилизацией: переход от культа прибыли к культу знаний и переход от безудержного роста производства к рациональному природопользованию на основе знания законов устойчивости экосферы. Достижение этого наиболее вероятно при условии общенародной собственности на основные средства производства в условиях постиндустриального общества, с высокой долей интеллектуального труда в стоимости производимых товаров и услуг.

Уже в скором времени вполне реален 100-процентный уровень роботизации производства (и даже сферы услуг). Тогда в безлюдных цехах будет производиться огромное количество товаров, которые в условиях частного способа производства не найдут спроса, но почему? Потому, что люди, исключенные из процесса производства, не будут иметь зарплаты, разумеется, за исключением хозяев предприятий и разработчиков роботов. Но творцы роботов не смогут потребить все производимые в избытке товары. Стало быть, неизбежен экономический коллапс. В условиях частной собственности, да! Но он исключается в условиях общенародной собственности, когда мерилom общественного богатства, по Марксу, является не рабочее, а свободное время. Тогда последнее будет целенаправленно использоваться обществом для всестороннего гармоничного развития личности, раскрытия

его духовного и интеллектуального потенциала. В том числе и для создания своих помощников – роботов. В условиях коммунистической системы распределения проблемы сбыта товаров не будет, но объёмы их производства будут регулироваться с учётом реальных потребностей общества и возможностей географической оболочки и биосферы.

Сказанное выглядит утопией с позиции человека, не верящего в безграничные творческие возможности человечества в целом, но оно кажется само собой разумеющимся при взгляде на человека с точки зрения истории его становления и стремительного развития за считанные тысячелетия, столетия, поколения и даже годы, о чём говорилось выше. История даёт достаточное количество примеров людей, опровергающих своим бескорыстным творческим подвижничеством устоявшийся и сознательно поддерживаемый современными буржуазными властями и либеральными идеологами миф о том, что добросовестный труд возможен только на базе частной собственности и жесткой конкуренции.

Временное отступление от социалистической модели развития не должно нас удручать. Путь прогресса противоречив, на что обращал внимание вышеупомянутый нами Ф. Бродель, подвергая анализу историю становления капитализма. Не менее сложен и путь к социалистической альтернативе цивилизации. По нашему мнению, род гомо сапиенс – далеко не конечный этап в развитии человечества. И подлинный прорыв человечества из царства необходимости в царство свободы будет осуществляться в процессе перехода современного человека разумного к новой, более прогрессивной стадии – человека духовного.

Состояние и перспективы реализации марксистской концепции переходного периода в современной России

Степанов Е.И. – д.ф.н. (*г. Москва*)

Чтобы именно с марксистских позиций рассмотреть и оценить состояние и перспективы того переходного периода, который современная Россия начала переживать с конца 80-х – начала 90-х годов прошедшего XX века и продолжает не только переживать, но и все яснее осмысливать и оценивать с начала наступившего XXI века, открывшего, как хочется надеяться, очередной, а не последний период ее истории, – напомним прежде всего собственную оценку К. Марксом взаимоотношений бизнеса с государством и гражданским обществом в условиях капитализма и «свободных рыночных отношений», на развитие которых нынешнее наше руководство ориентируется и само, отказавшись от сохранения и развития социализма, и старается ориентировать всех других российских граждан.

Как известно, в своем всемирно признанном основном труде «Капитал», посвященном раскрытию сути и перспектив развития капиталистического общества, К. Маркс отметил, что буржуазия как основной класс данного общества, ориентированный на приобретение и наращивание собственного капитала, в отношении используемого для этого другого класса – рабочего – «применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т.е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и самого рабочего держать в нормальной зависимости от капитала»... При этом «организация развитого капиталистического процесса производства сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а, следовательно, и заработную плату в границах, соответствующих потребности капитала в возрастании; слепая сила экономических

отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими» [1, 747–748].

Знакомство с нынешними обществоведческими исследованиями тех социальных процессов и взаимоотношений, которые складываются и развиваются теперь в России в ходе ее «перестройки» нынешним пришедшим к власти руководством в направлении создания «развитого капитализма» и «свободного рынка», – отчетливо показывает их сильную схожесть или даже тождественность с приведенными выше марксистскими характеристиками. Так, согласно им, с переходом на рыночные отношения в стране сформировался и расширяется слой людей, чьи доходы становятся высокими и сверхвысокими. А государство поддерживает и укрепляет позиции вновь развивающейся буржуазии как за счет передачи представителям этого класса собственников-капиталистов государственного имущества, так и за счет предоставления им значительной части средств, полученных от государственных налогов, облегчения уплаты государственных долгов и обеспечения им протекционизма. Тем самым проводившиеся до сих пор в России ее нынешним руководством экономические процессы и одновременно наблюдаемое при этом его стремление оправдать неизбежность неравенства в условиях «свободного рынка», побольше освободить государство от выполнения социальных функций, правовой и моральной ответственности перед гражданами за их реальный жизненный уровень, – нарушают принципы социальной справедливости, гражданского равенства и автономии [см. 2, 3, 4, 5].

Нельзя, правда, не отметить и существенное отличие от тогдашнего исторического периода самого К. Маркса теперешнего понимания и выражения роли государства в процессе развития рыночно-капиталистических процессов и отношений, представленное в современной России не только идейно в научных исследованиях и средствах массовой информации, но и законодательно. Ведь, как известно, новое руководство России уже в самом

начале этих процессов, провозглашенных как самые необходимые для ее «перестройки», даже на конституционном уровне одновременно провозгласило также *приверженность принципам социального государства*. Так, Статья 7 Конституции Российской Федерации, принятой на референдуме 12 декабря 1993 г. прямо гласит: **«Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»** [6].

Отсюда отчетливо видно, что нынешнее государственное руководство стремится все-таки представить себя и всех своих государственных служащих как выразителей потребностей и интересов не только бизнес-класса, капиталистов-собственников России, но и всех ее граждан. Ведь само применение этого нового термина «социальное государство» (впервые появившегося, как известно, в последней трети XX века в Конституции современной Швеции) фактически знаменует признание необходимости изменения прежней природы капиталистической государственности путем перехода к государству, берущему на себя и осуществляющему такие социальные функции, как ответственность за благосостояние граждан, обеспечение доступности социальной поддержки всем членам общества, создание государственных систем социального обеспечения и социальной защиты, введение бюджетного финансирования социальных программ и новых механизмов социальной политики в виде государственного социального страхования и т.п. Тем самым, *государство, по существу, объявляется доминирующим субъектом, выполняющим в данном обществе общесоциальную функцию, ориентированную на благосостояние всех своих граждан, а не только бизнесменов, овладевших основными отечественными капиталами и стремящихся использовать их, в основном, только в своих собственных интересах.*

Но признание нашего государства социальным на сегодняшний день надлежит рассматривать скорее не как реальность или состоявшееся явление, а как одну из первостепенных задач, которую еще предстоит решить в ходе реформирования России. Справедливо отмечая это в своих научных исследованиях, многие современные отечественные авторы отмечают также, что для правильного и эффективного решения этой задачи нынешние руководители правительства и государственные служащие должны опираться на правильное понимание и применение таких основных принципов социальной политики, как обеспечение взаимодействия государства с гражданским обществом на основе солидаризма, справедливости, демократии, социального мира и социальной заботы. А чтобы обеспечить это взаимодействие на данной основе, современному российскому государству необходимо: взять на себя функцию социальной защиты прав человека; проводить политику распределения и перераспределения доходов между различными социальными слоями общества; «сглаживать» социальное неравенство; помогать обществу все больше и шире базироваться на принципах социальной справедливости и нравственности [см. 4, 7, 8, 9].

На этой основе социальное государство России сегодня должно стать основным институтом не только ослабления, но и преодоления так называемой «капиталократии», многосторонняя негативная роль которой все более отчетливо понимается и оценивается теперь не только у нас, но и практически во всем мировом сообществе, и притом, значительно раньше (практически – именно с начала 90-х годов закончившегося XX века): разрешения социальных конфликтов в современных странах. На это указывает, например, такая резолюция, которая была предложена на состоявшейся в июне 1992 г. Первой международной конференции ООН в Рио-де-Жанейро и была принята – кроме США – всеми ее основными участниками: «Частная собственность в современных условиях стала тормозом на пути развития мировой ци-

визации. Иначе говоря, проблемы интеграции во имя спасения человечества сталкиваются с интересами капиталократии» [10].

Как представляется, из всего изложенного выше следует, что для не только снижения, но и преодоления негативного влияния «капиталократии» экономика социального государства должна все больше становиться не просто эффективной, но и четко социально ориентированной, обеспечивая тем самым не только экономическую и оборонную мощь страны, но и гарантируя высокий уровень социальной отдачи в интересах всех своих граждан. За счёт этого и на основе последовательного выравнивания положения различных социальных групп только и может быть достигнуто снижение и устранение сложившейся ныне в российском обществе социальной напряжённости и конфликтности.

Представляется также, что подключиться к реальному осуществлению этих важных и нужных инновационных процессов обеспечения безопасности и эффективной модернизации всех общественных процессов и отношений современной России весьма просто, поскольку еще недавно, двадцать лет назад, при советской власти, оторгнутой нынешней государственной системой, именно государство обеспечивало такие важные интересы всех своих граждан, как: бесплатное здравоохранение и школьное обучение, широкая доступность высшего образования, а также поддержка развития и укрепления во всех сферах экономики соответствующих профсоюзных организаций как необходимых условий и средств творческого развития и трудовых успехов всех своих граждан.

Наконец, наряду с перечисленными нами выше важными и нужными для обеспечения безопасности и модернизации современной России инновационными средствами и факторами – *производственно-экономическими, политическими, культурологическими, научно-образовательными* – нельзя упустить еще один инновационный ресурс социального государства, призванный помочь углублять и расширять демократизацию всего российско-

го общества, реальное практическое формирование и совершенствование в нем и самого социального государства, и всех обеспечивающих его функционирование структурных образований, – ***развитие местного самоуправления.***

По своей сути, ***местное самоуправление представляет собой широкое, заинтересованное, активное и инициативное участие самих граждан в решении проблем, их непосредственно касающихся.*** Отсюда ясно, что оно представляет собой институт гражданского общества как такой совокупности социальных отношений и структур, которые функционируют хотя и под контролем государственной власти, однако, вместе с тем, относительно независимо, автономно от нее, выстраивая свои с ней отношения «снизу вверх», «от периферии к центру», на основе развития прямой, непосредственной демократии, расширения гласности, повышения действенности общественного мнения и т.д. Это предполагает активность всех рядовых членов организационной системы местного самоуправления при решении общих для них вопросов, развитие различных форм их собственной инициативы, в том числе, в выработке и принятии управленческих решений [см. 11, 12, 13, 14].

Осуществляться местное самоуправление может как через сложившиеся управленческие структуры, так и через вновь возникшие, созданные по инициативе самих граждан; как с использованием местных государственных органов власти, так и с участием самодеятельных общественных организаций. При этом, ***чтобы самоуправление было как действительным, так и эффективным, эти структуры, органы и организации, как показывает историческая практика и самой России, и демократически развитых стран в современном мировом сообществе, должны действовать не вместо одна другой, а вместе одна с другой, координируя, согласуя свои решения и действия и обеспечивая тем самым свое социальное партнерство.***

В последнее время наблюдается заметное усиление понимания этой тесной связи и необходимости ее учета в процессе разработки и реализации социальной политики самими практическими организаторами этого процесса не только «наверху», «в центре», но и во многих российских регионах. Это особенно заметно в тех из них, где уже начата реальная перестройка организации социальной политики в местных структурах государственной власти, позволяющая уже на этом этапе получать заметные позитивные результаты, в том числе, и в плане реального снижения социальной напряженности и конструктивного урегулирования возникших на ее почве конфликтных ситуаций. В ходе этой перестройки представителями региональной власти постепенно все отчетливее начинает осознаваться необходимость поддержки инициации, объединения, согласования действий и усилий самих граждан по улучшению своего положения, то есть по развертыванию и расширению возможностей местного самоуправления [см. 15, 16].

Думается, что такой подход и, разумеется, его начавшуюся реализацию следует оценить как *один из очень важных конструктивных и перспективных шагов в направлении обеспечения консолидации гражданского общества и государства, практически становящегося тем самым именно социальным, для формирования их действительно партнерских отношений, а, следовательно, для подлинной демократизации жизни и деятельности россиян как необходимого фактора в обеспечении безопасности и эффективной модернизации не только самой России, но даже и всего окружающего ее мирового сообщества.*

Литература

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. М.: Гос. изд-во полит. Литер., 1960.
2. Кучуради И. Экономическое неравенство, права человека, демократия и свободный рынок // Вопросы философии. 1993. № 6.

3. Экономика труда и социально-трудовые отношения / Под ред. Г.Г. Мелекьяна, Р.П. Колосовой. М.: Изд-во МГУ, 1996.
4. Социальное расслоение и мобильность. М., 1999.
5. Сивкова В. Богатые тоже платят // Аргументы и факты. 2000. № 50.
6. Конституция Российской Федерации. СПб.: Ленинздат, 1994.
7. Милецкий В.П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб., 1997.
8. Концепция социального государства Российской Федерации. М., 2002.
9. Владимиров А.А., Зеленев Л.А., Степанов Е.И. Модернизация в условиях современной глобализации с позиций конфликтологии // Конфликтология. 2012. № 1.
10. Субетто А.И. Манифест борьбы против глобального империализма. СПб.: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004.
11. Колюшин Е.И. Проблемы концепции местного самоуправления // Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, перспективы. М., 1994.
12. Гражданское общество. М., 1997.
13. Гильманов А.З. Перспективы становления местного самоуправления // Социологические исследования. 1998. № 11.
14. Ершов А.Н. Возможна ли собственная модель самоуправления? // Социологические исследования. 1998. № 11.
15. Куконков П.И. Социальное партнерство в России: современные проблемы и перспективы // Конфликтология. 2011. № 3.
16. Алдаганов М. Общество и власть: дихотомия сосуществования и возможности компромисса // Конфликтология. 2011. № 4.

Пореволюционная Россия в зарисовках Вальтера Беньямина

Фатенков А.Н. – д.ф.н. (*г. Нижний Новгород*)

О социальной революции следует судить исторично, в течении времени. Социальное событие, в отличие от события экзистенциального, касается многих, и не только непосредственных участников. Его смысл актуализируется и обнаруживается не сразу. Он может заметно, существенно меняться, не отменяя событийной данности произошедшего и не становясь событием, оставаясь подчинённым ему в качестве его атрибута или даже в качестве модуса. Адекватная социально-историческая интерпретация принципиально неидеалистична: событие онтологически полнее и собственного смысла, и всякой мысли о себе.

Смысл есть содержательная форма идеального пласта реальности. Отрыв идеального от субстанциальной ткани сущего умаляет смысл до уровня формального содержания или бессодержательной формы. В параллель с этим обесмысливается неидеальное. Неумалённый, подлинный смысл есть атрибут бытийствующего субъекта: природного, социального, экзистенциального. Постулирование трансцендентного, божественного субъекта, с всеполнотой смысла и всеполнотой бытия, обесмысливает акт и процесс со-бытия (как выхода бытия навстречу иному и/или возвращения к себе), дезавуирует какую бы то ни было событийность и процессуальность, затушёвывает и десубъективирует актуальность всего иного, тварного.

Смысл экзистенциального события, внеисторичного по большому счёту, плотнее, органичнее – в сравнении с социальным аналогом – привязан к случившемуся. Он незначительно меняется, когда человек возвращается к нему в своих воспоминаниях-переживаниях. Кардинально переосмысливая произошедшее, мы погружаемся в новую экзистенциальную событийность. При этом старая не исчезает, не поглощается небытием. Правда, она может быть естественным образом, ненамеренно забыта, инобытийно запрятана. Новая экзистенциальная событийность, сколь бы ни была она обязана человеческому воображению и ни подчиняла телесное душевному, не вырывает наше психосоматическое существо из реального природно-культурного мира, не уводит в плен спиритуализма и панлогизма. Экзистенциальное свидетельство ответственно неидеалистично. Социально-исторический дискурс без соответствующих экзистенциальных подпорок, личных и личностных свидетельств, чреват умалением событийного смысла и самого события, вплоть до его намеренного забвения, вымарывания из коллективной памяти. Иначе говоря, чреват подменой живой картины истории мёртвой схемой, маскирующей или, напротив, оттеняющей «белые пятна» про-

шлого, т.е. грозит сползанием в законосообразный идеализм или в абсурд.

Небесстрастной мыслью возвращаясь в пореволюционные для нашей страны 20–30-е годы прошлого века, обратимся к свидетельствам европейского эстета и литератора, «левого индивидуалиста», критически настроенного по отношению к буржуазному общественному строю. В зимние месяцы 1926–27 гг. в Москве гостит *Вальтер Беньямин* (1892–1940). Он приехал объясниться с женщиной и попутно – в атмосфере строительства социализма – «избежать смертельной меланхолии рождественских дней», отстраниться от буржуазного времяпрепровождения. Как выясняется, без особого успеха – на обоих фронтах.

Столица Советской России произвела на европейского «левого» интеллектуала безрадостное впечатление. Да, ни над одним из мегаполисов мира «нет такого широкого неба», но в плане градостроительства Москва – «архитектурная прерия»: как в пригородах, так и в центре. Её деревенская, патриархально-купеческая сущность тут и там проступает наружу. Парадоксальна кремлёвская панорама. «Рядом со сверкающими окнами правительственных зданий в потемневшее небо поднимаются башни и купола: побеждённые памятники стоят на посту у врат победителей» [1, 94]. Антипатичны приезжему убранство и аура православного храма. «Со слащаво расписанного потолка свисает хрустальная люстра. <...> Там полумрак, это подходит для заговоров. В таких помещениях можно совещаться о чрезвычайно сомнительных делах, при случае даже о погромах» [1; 76, 75].

«Левый индивидуалист» повсюду на московских улицах, в учреждениях, на сценических площадках усматривает следы контрреволюции, реставрации, сползания настоящего к прошлому. Мхатовская постановка «Белой гвардии» М.А. Булгакова – «совершеннейшая подрывная провокация. В особенности последний акт, в котором происходит “обращение” белогвардейцев в большевиков...» [1, 36]. Друзья и знакомые пытаются разъяс-

нить иностранному наблюдателю, что революция продолжается: сменилась лишь её форма, военизированная на хозяйственно-техническую. Принимаются ли разъяснения – непонятно. Визитёру бросается в глаза иное. Буржуазные культурные ценности экспропрированы советским строем механически, формально, но не содержательно и не творчески. Диссонанс между жизненными реалиями и идеологической риторикой воспитывает в молодых людях – внешне активных, но зачастую недостаточно образованных – коммунистическое высокомерие. В массе же своей москвичи не радушны, обидчивы и осторожны. Осторожность – вернейшая иллюстрация тотально политизированной жизни и, вследствие идеологической аберрации сознания, первейший способ убедить собеседника в своей серьёзности. Люди ещё насквозь пропитаны холопством. Нищенство – «единственно надёжная структура московской жизни, всегда сохраняющая своё место» [1, 52]. Европейца поражает также невероятное количество часовщиков: притом, что время здесь у нас, действительно, не слишком ценится. Не наблюдают часов счастливые (но только ли они?). До часовщиков баловням судьбы вообще нет никакого дела. Несчастливым часовщики то и дело попадаются на глаза. Такой напрашивается ответный защитный ход.

Обратим внимание на методолого-гносеологическую парадигму В. Бенямина, посредством которой формируется его картина московской жизни. На страницах «Дневника» обнаруживаем своеобразную версию априоризма (с материалистическими коннотациями): не ты погружаешься в пространство созерцаемого – «пространство атакует тебя», открываясь в тех уголках сознания, где «находятся очень важные воспоминания» [см.: 1, 61–62]. *Узнавание оказывается растревоженным воспоминанием.* Экзистенциальная прививка к платонизму и всякому последующему гносеологическому априоризму вполне уместна, жизненно-реалистична. В дальнейшем, по мере творческого движения к тезисам «О понимании истории» (1940), в методологической мат-

рице немецкого культурфилософа будет усиливаться конструктивистская составляющая. (Априоризм, в зависимости от природы постулируемых доопытных знаний, может и подыгрывать, и препятствовать конструктивизму.) Квинтэссенция итогового текста: размышление, историческое размышление по крайней мере, есть не репрезентация, а конструкция. И это уже чересчур: и для материалистической, и для экзистенциально фундированной историографии. Последняя стремится узреть в размышлении *не только* репрезентацию-оттиск, *но и* конструкцию.

Однако даже в своей чрезмерности, а возможно именно благодаря ей, идеи В. Беньямина продолжают вызывать интерес. История, по его утверждению, протекает, воспринимается и описывается не в монотонно текущем – из прошлого в будущее или встречным курсом – времени, а в событийно и концептуально ёмком настоящем, устремлённом в вечное. Настоящее выступает «переходом, в котором время остановилось и замерло» [2, 235]. Это не меж-, а метаисторический переход. Только соотнесённость с вечностью даёт настоящему полноту смысла. Подступиться к ней и запечатлеть, пусть и с неизбежными для не вечного существа искажениями, можно лишь в пограничной ситуации, когда мышление наносит той «шоковый удар». Так и прошлое можно удержать лишь в образе-воспоминании, вспыхивающем в сознании на миг в минуты опасности. Впрочем, «чрезвычайное положение» есть, вероятно, ненормированная норма человеческого существования. Получается, по В. Беньямину, что познающий субъект не столько репрезентирует историческое событие, сколько каждый раз заново проводит его презентацию, воочию представляя, ставя прямо перед собой. Без настоящего нет ни будущего, ни прошлого. Конструктивистская линия исторических тезисов вдруг резко обрывается (в согласии с авторской логикой, надо отметить) постскриптумом. «Как известно, евреям запрещено пытаться узнать о будущем (т.е. конструировать его – А.Ф.). При этом Тора и молитва учат их вспоминать» [2, 236]. Перетол-

куем фразу: *прошлое приоткрывается человеку в вос-поминании, будущее – в пред-поминании, настоящее поминается человеком здесь и сейчас.*

Без разрывов, гладко причёсанная на «левый фасон» история оборачивается тупой верой в прогресс, неоправданным доверием к «базису масс», унижительным подчинением бесконтрольному бюрократическому аппарату [см.: 2, 232]. Последнее, применительно к началу 1927 г. в СССР, ещё в перспективе. Хотя революция постепенно сходит на-нет. В настоящем её слишком мало. Увы... Таковы, по сути, заключения В. Беньямина. Но ведь подлинное непреходяще. Тогда подлинна ли революция? Исчерпывающий ответ способно дать, сообразно беньяминовской методологии, лишь постисторическое человечество. Вот только какое: окончательно спасённое, предельно эмансипированное, абсолютно конформное? Любой нынешний, собственно исторический вердикт заведомо неполон. Потому, в частности, что обременён биполярностью языка, несовпадением плана выражения и плана сообщения в нём. Усиление одной функции ведёт к ослаблению другой. В историческом контексте доминирует сообщаемость, выразительность страдает.

Литература

1. Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 1997.
2. Беньямин В. О понимании истории / Пер. Н.М. Берновской // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000.

Онтология человека в переходную эпоху: социально-философский аспект Хусаинова А.Х. – к.ф.н. (г. Уфа)

Во все времена философия выполняет двойную функцию: первая – это критическая, другая – возврат к истокам. На рубеже

XX–XXI вв., возможно, впервые истинная философия объективно оказалась на стороне «маргинализованного» большинства, т.к. философия элиты оказалась «самоуничтожающимся артефактом», как выразился Р. Рорти, считающий, что философия вообще является делом обеспеченной элиты, обладающей средствами, досугом, комфортом и т.п. Однако еще Диоген Синопский считал с точностью до наоборот и говорил, что бедность сама пролагает путь к философии, и то, в чем философия пытается убедить на словах, бедность вынуждает осуществлять на деле, так что, вполне возможно, будущее философии за необеспеченной частью населения земного шара, которое марксизм пытался защитить и объединить, ибо лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» еще никто не отменял.

В XX веке наша страна выдерживает два западных проекта: марксизм и рыночный фундаментализм. А конец столетия характеризуется как эпоха западного либерализма, который, как считают сами либералы, окончательно победил и похоронил идею социализма, и в борьбе идеологий поставлена точка; отсюда либерально-демократическое учение о мире, о социуме, о человеке и т.п. приобретает универсальный характер и в планетарном масштабе. В 1992 г. американский футуролог Ф. Фукуяма выдвигает понятие «конец истории», которое утверждает, что вся история отныне есть, возможно, и будет история становления и развития либерализма. Но произошло нечто иное: оставшись без глобального противника, соперника, оппонента, западный мир стал медленно захлебываться в своей собственной неопределенности.

Как известно, в последние десятилетия «холодной войны» стройность буржуазной системе придала только геополитическая необходимость идеологического противостояния с марксистским СССР и его союзниками. Философски Запад не был готов к быстрому успеху в противостоянии идеологий, он ожидал затяжной идеологической борьбы, и стремительное исчезновение оппо-

нента застало его как бы врасплох. И таким образом очевидным стало то, что крушение коммунизма стало началом конца капитализма, элементом его системного кризиса, не решившего свои проблемы и противоречия и в связи с этим умирающего, как считается, от социальной старости. Коммунизм как антикапитализм был, возможно, интегральным элементом капиталистической системы, вне и без него он невозможен. Следовательно, оставшись в одиночестве, западный человек смутился, растерялся, захлебнулся валом мыслительных галлюцинаций, где прошлое и настоящее, случайное и первостепенное, фундаментальное и поверхностное и т.д., и т.п. были перемешаны. Считается, что, в отличие от него, человек, воспитанный в традиционном обществе в духе коллективизма, был чем-то вполне конкретным, описанным и учрежденным, равно как и мир истмата и диамата был досконально изучен и сертифицирован – свобода выбора размещалась в четко очерченных рамках. Очевидно одно, что на сегодняшний день и тот и другой оказались на перепутье: человек, как носитель этих перемен, находящийся в противоречиях, в поисках не может объективно оценить современную ситуацию, свое место в таком мире. И так Запад навязывает сегодня миру не свою систему, но свою бессистемность, не свою очевидность, но свое сомнение, не свое утверждение, но свой глубокий кризис и т.д.

В этой очередной кризисной ситуации, когда подвергается сомнению почти вся социально-экономическая система капитализма, Россия предстала как некая экспериментальная площадка, полигон «строительства посткапитализма», который возводят все противоборствующие стороны – как сами по себе, так и своей борьбой друг с другом; «Крот Истории» роет медленно. Данному «строительству» сопутствуют симптомы уже всеобъемлющего кризиса: ощущения возрастающего в обществе отчуждения, утраты смысла происходящего и цели жизни, распространение нигилизма и т.д. Возможно, всякая переходная эпоха, или т.н. революция сверху, несет эту угрозу нигилизма и потрясений, ибо,

как известно, странам, пережившим революцию, это стало тяжелейшим бременем, ибо сценарий везде один и тот же: сначала революция, потом, как правило, наступает диктатура, потом – реставрация. В России же вместо этой триады получается иное: революция, диктатура, обскурация, т.е. национальная усталость, или депрессивный синдром – диагноз, который характеризует состояние человека на одной шестой части суши земли. Очевидным стало и то, что многие восприняли происшедшее как экзистенциальную катастрофу, как крушение первоосновы бытия и как утрату своей идентичности: конец сверхдержавы был принят за конец России, ибо под ногами оказалась не привычная почва, а нечто неустойчивое, зыбкое, скользкое и т.п. Итак, Россия вступила в новое столетие с неразрешенными социально-экономическими проблемами, накопленными предыдущими десятилетиями. Российское общество, пройдя через многочисленные мытарства «пассионарного надлома», оказалось запертым в «кольце концов»: в симптомах всеохватывающего кризиса, когда старые ценности исчезают, а новые, если они есть, еще только утверждаются, еще непривычны и не освоены, и велик риск принять крушение прежней картины мира в качестве признака конца всякого целостного видения мира. Вместе с картиной мироздания оказывается зыбким, непрочным и место человека во Вселенной, его морально-этическая позиция лишается прочной основы, почвы. Это отсутствие жизненной, духовной опоры порождает в нем ощущение потерянности, пустоты, никчемности и т.п. Постмодернизм как эстетическая теория и практика, как мировоззрение открывает возможность жить без духовного начала: классической литературы, музыки, искусства и т.п., ибо, как считает философ М. Конш, «мир более не мир, но экстравагантный ансамбль». Возможно, этот шумный «ансамбль» приводит человека к депрессивному синдрому: это всевозрастающий спрос на печальные, порой с трагическим оттенком, новости, на тревожные прогнозы в экономике, на непредсказуемые в политике и т.п.;

средства массовой информации неустанно и с большим усердием выполняют эту миссию и предрекают «конец света», периодически отодвигая его сроки и т.д. Эта мода на катастрофическое сознание заслоняет от человека объективную картину происходящего, и его реальное бытие при оценке действительности играет, как ни странно, роль подчиненную. Либеральная идея о всеобъемлющей свободе и больших возможностях каждого при капитализме почти никого не согревает, как писал об этом в середине 1990-х гг. перуанский писатель Варгос Льюса: «У социализма есть один этический принцип, который по-прежнему остается в силе: это идея о том, что общество несет ответственность за своих слабейших членов» [1]. Вероятно, отсюда массовая тоска по прошлому, главным образом, по имперскому: раньше человек с неустроенной судьбой привык согревать свою душу сознанием принадлежности к великой державе, т.е. лишенный самоуважения личного, он утешался самоуважением общественным, а поскольку большинство людей на одной шестой части суши по своему сознанию коллективисты, то потеря невероятно велика.

Со-бытию начала XXI века присуще то, что жизнь человека обретает все более и более коллективистский характер, образно говоря, человек все более и более оказывается в ситуации т.н. муравейника или пчелиного улья, в которых одна особь не может существовать без остальных. Цивилизация все более теснее связывает людей друг к другу, но в то же время именно благодаря ей человек все сильнее стремится дифференцироваться, «отстраниться» (А. Камю), отчуждаться и т.д. И это отчуждение обусловлено экономическим отстранением человека от средств производства, что в 1990-е годы привело к обнищанию трети населения России: 30% населения не имеет средств, чтобы обеспечить себе питание на уровне минимальной физиологической потребности.

Смена политической системы, крушение идеалов сопровождается внушением катастрофического лозунга, доводящим чело-

века бывшей социалистической системы до душевной дисгармонии, боли, ибо его постепенно втягивают в новый глобальный мир, как бы в глобальную сеть, при этом он не может идентифицировать себя с этим новым миром. Он просто вынужден безвозвратно «сдать» в камеру хранения с забытым шифром остатки того, что делало его тем, кем он был раньше в той реальности, в которой он раньше пребывал, а в данный виртуальный мир он не может вжиться. Действия сбрасывания старых определенностей вполне конкретны: это паспорт в «новые времена», кредитная карточка соучастия в глобализме; это общеобязательное требование, и все, отвергающие эту «инициативу в глобализм», автоматически попадают в черные списки – отныне они агенты «оси зла», ведь они не вняли «новой вести».

Когда человек на одной шестой части суши распознает в себе нарастающее слепое несогласие с таким положением вещей, автоматически бросается в прошлое – в эпоху социализма, к тому времени, когда мир и человек были фиксированными и вполне определенными реальностями. И тут его вдохновляет все: и церковность, и советизм, и даже демократия с ее скромно-реалистическим, в начальном индустриальном варианте – где еще есть решение и выбор, труд и заработок, риск и законы формирования цены, стоимости и т.д. Очевидно одно: миру «нужно вернуться на круги своя», где все это было.

Литература

1. Льоса В. Я воплощенное противоречие // Литературная газета. 1996. 30. 10.

Социализм: революция и эволюция, религия и конвергенция

Чумаков И.В. (г. Нижний Новгород)

Революционный путь становления социализма ведёт к последовательным действиям: установлению диктатуры трудового

большинства, насильственной экспроприации средств производства, подавлению буржуазного инакомыслия, выстраиванию социалистической экономики, обеспечению обороноспособности, проведению культурно-нравственной революции и воспитанию социалистической психологии населения. Насильственная перестройка социально-экономических отношений возможна только в крайне сложных, кризисных условиях, когда «верхи не могут, а низы не хотят». Пока такой политической ситуации в российском обществе нет.

Эволюционный путь социалистического развития в условиях российского спекулятивного капитализма и коррупционной власти также не эффективен. С помощью информационных манипуляций в стране насаждается преклонение перед вождём «народного фронта». Социалистическая идеология задавлена и до народа практически не доходит. Компартия находится в информационном подполье и выходит из него только в предвыборные периоды, что явно недостаточно для переубеждения избирателей в пользу компартии. Часто действия коммунистических лидеров носят формальный характер, например, в организации народного ополчения. Ничего весомого ополчение не совершило, хотя могло, хотя бы символически, пройти несколько километров в сторону Москвы. Но, если даже случится невероятное, и компартия победит на каких-то выборах, например, в Госдуму, *можно определённо утверждать, что буржуазная власть не признает этой победы*, отменит результаты выборов, введёт чрезвычайное положение. Ситуацию может исправить только общенациональная политическая стачка, к которой компартия должна призвать народ. Хватит ли у неё авторитета, поддержит ли народ этот призыв? Если поддержит, чего сейчас ожидать не приходится, то можно говорить о возможной победе. Однако капиталисты не сдадутся и выведут внутренние войска на подавление народных беспорядков с приказом стрелять на поражение. На этом мирная социалистическая эволюция закончится. Эти рассуждения пока-

зывают, что в пределах нескольких десятилетий рассчитывать на эволюционное или революционное установление социализма не придётся, если только коммунисты не перейдут к активной информационной борьбе.

Марксисты, придерживаясь материалистического учения, отрицательно относились к любой религии, считая её излишним напоминанием о невежественной поре детства человечества. К тому же религии постоянно вносили в жизнь человечества разъединяющий посыл. История распорядилась таким образом, что у разных народов образовалось несколько видов религиозных представлений о божестве, и, конечно, каждое божество, каждая религия считала себя истинной, считала себя верной. Религиозная рознь приводила к открытой вражде между народами, доходившая до кровопролитных войн. Антирелигиозность марксизма объективно выступала за превращение разных наций в единое целое, при сохранении своих особых национальных обычаев, не связанных с религиозной рознью.

Подобное отношение вылилось после революции 1917 г. в воинствующий материализм – непримиримую государственную политику по отношению к религиозным деятелям, их антисоветской работе. Вместе с уничтожением церковью подвергались репрессиям и те священники, которые открыто проповедовали антисоветские настроения в народе. Антицерковная борьба происходила и в отношении других конфессий на территории России и её окраинах. Резким снижением клерикальной составляющей большевики объективно уравнивали все народности, давая простор интернациональному характеру межнациональных отношений. Большое дело в дружбе народов сыграла и культурная революция, методически проводимая в советской стране. Человек любой национальности чувствовал себя уверенно в любой точке великой державы.

Установление буржуазного государства привело к искусственному всплеску религиозных верований. Происходит увеличе-

ние межнациональной розни. В конце апреля 2012 г. исламский юрист потребовал введения шариатских судов, в противном случае было обещано «залить город кровью». В связи с этим вызывает удивление потакание лидеров КПРФ различным религиозным конфессиям, видимо, в надежде привлечь на свою сторону религиозно настроенных избирателей. Но как это может увязываться с отделением церкви от государства, о котором говорит марксизм? *Не ошибается ли руководство компартии, заигрывая с верующими, что может приготовить разлад в будущем социалистическом обществе?*

Известно, что социализм, как переходной период от капитализма к коммунизму, создаётся, строится сознательно, под воздействием коммунистической идеологии, и его устойчивость зависит как от сохранения цели руководящей коммунистической партии – построения равноправного справедливого общества, так и от отношения самого народа к действию компартии. Как показали события конца 1980-х–начала 1990-х годов, действия компартии и отношение к ним трудящихся масс привело к окончанию движения России по социалистическому пути и возврату её к традиционному капиталистическому укладу. Советский социализм находился на переходном неустойчивом этапе своего развития. Необходимые и достаточные условия устойчивого социализма – диктатура пролетариата или трудящегося большинства, научное руководство компартией; достижение высокого материального благосостояния трудящихся, превышающее материальные условия жизни в развитых капстранах – не были достигнуты или были разрушены.

Не последнюю роль в разрушении социализма в Советском Союзе сыграла *концепция конвергенции*, разработанная в середине прошлого века буржуазными социологами. Учение заключалось в соединении, совмещении в экономике лучших принципов обеих противоположных общественных систем: частной собственности, конкуренции, рынка, государственного планирования и

социального обеспечения. Она носила двойственный характер. С одной стороны, она могла спасти как капитализм, так и социализм от перерождения в противоположную социальную систему, помочь справиться с кризисной ситуацией в экономике, а, с другой стороны, могла способствовать этому изменению. Результат динамического противостояния зависел, в данном случае, не от закона накопления – перехода количества в качество, а *от решения власти, вызвавшей элементы конвергенции, от её твёрдости и решительности по сохранению или изменению социально-экономических отношений в стране.* Горбачёв, вводя элементы конвергенции, оказался слишком мягким, не сумев защитить социализм.

В настоящее время проблема конвергенции оказалась совершенно не востребованной. *Однако в дальнейшем изучении конвергенции для развития экономики должны быть заинтересованы левые силы в России.* Возможное полевение страны, связанное с будущим избранием прокоммунистической Думы или президента, приведёт к национализации крупной собственности, основанной на добыче, переработке и продаже полезных ископаемых, которые должны принадлежать всему народу. Но большинство мелких и средних собственников могут остаться на какое-то время хозяевами своих производств. Решение вопроса совместимости частных предприятий с государственной плановой экономикой потребует особо тщательного исследования и изучения проблемы конвергенции. Налоговая политика может постепенно заставить собственников передать свою собственность государству, вовлекаясь в плановую экономику. Но каков предел их ликвидации? Нужно ли совсем ликвидировать всю, даже мелкую частную собственность? Можно ли бывших хозяев оставлять управляющими при национализированной собственности? Вопросов много, и не на все из них получены убедительные ответы.

Грядущий социализм явится переходным конвергентным периодом в развитии страны из капитализма в коммунизм. Одно

из решений включения частных капиталов в плановую государственную экономику заключается *в организации на их основе акционерных обществ с равным предоставлением акций всем работникам, вплоть до бывших хозяев, но с обязательным владением 51% акций государством.* Подобное преобразование мелкого и среднего бизнеса, соединение их с плановой социалистической экономикой *снимет проблему отчуждения работников от результатов своей деятельности,* на которое долгое время не могли решиться власти Советского Союза, и вместе с тем позволит государству проводить активную плановую и кадровую политику, обеспечивая страну необходимыми товарами и изделиями. *Справедливое акционирование явится долгосрочным решением как проблемы материальной заинтересованности работников, так и проблемы эффективности социалистической экономики.*

Конкуренция, так активно развивающая качественную и количественную сторону капитализма, также может быть разрешена в государстве смешанной экономики при сильном коммунистическом правительстве. Государство левой ориентации должно поощрять разработку новой техники, включая научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИР и ОКР), производимые научно-исследовательскими подразделениями, *однако к массовому выпуску следует разрешать только лучшие образцы и через определённый срок – времени эксплуатации предыдущей модели, необходимой для её окупаемости.* *Возможности соединения крупной государственной промышленности с элементами справедливого акционирования и внедрения социалистических принципов отложенной конкуренции, конкуренции НИР и ОКР способны создать эффективную экономику и послужить основой социалистического хозяйствования и дальнейшего развития общества по социалистическому пути.*

Раздел III. Переходный период: историческая практика

От социализма к капитализму: технология ограбления

Арапов А.С. – д.и.н. (*г. Нижний Новгород*)

Сейчас, в особенности в либеральной среде, широкое хождение имеет мысль о том, что современная Россия никак не сможет обойтись без помощи Запада, что она крайне нуждается в этом при проведении разрекламированной властью модернизации. Скорее всего, так оно и есть. Получается, что нам все равно придется играть по чужим правилам, хотим мы этого или нет. И тут самое время вспомнить, во что обошлась советскому народу такая игра. Тогда станет ясно, почему наши либералы так американизированы, почему они намертво привязаны к западной «системе ценностей».

Теперь как-то стало забываться, что еще в 1970-е годы либералы с воодушевлением приняли так называемый «Вашингтонский консенсус», объединивший тогда буржуазные элиты самых разных стран. Всем им очень понравилась идея ухода государства из экономики и социальной политики. Пусть все регулирует открытый, свободный рынок. Он сам все расставит по своим местам. Рынок заставит каждого, кто хочет занять свое место под солнцем, вертеться в сфере свободного предпринимательства, правдами и неправдами обеспечивая личное материальное благополучие, богатая и процветая. Либералы захотели бросить всю эту социальную сферу: надоело ублажать этих вечно недовольных рабочих и крестьян. Пусть, если хотят, как-нибудь пробиваются в миллионеры – на то им и даны свобода с демократией. Самим же, лучше всего, заняться политикой, выборами, партийной беготней, увлечься борьбой за свободу слова, права человека,

болтовней в парламенте, использовать политическую власть, чтобы прибрать к рукам собственность и попасть в число сильных мира сего. В конечном счете весь мудрый замысел свелся к накопительству и культуре денег, к обогащению во что бы то ни стало.

Однако возникал вопрос, как добиться всех благ в реальности, как найти путь быстрого и легкого обогащения? Умные люди подсказали: надо безжалостно, быстро, нагло и бессовестно ограбить свое собственное государство, свой народ, свою страну. А для отвода глаз назвать это безобразие «переходным периодом». Конечно же, на деле это – неслыханное предательство, кощунство по отношению к своей родине. Но какой либерал по-настоящему задумывается над этим, если впереди светит власть и богатство? Тут не до высоких помыслов, философских размышлений и тонкой материи, вроде нравственности, совести и прочих подобных чувствительных штук. Возникшая в недрах капитализма доктрина «шоковой терапии» ничего подобного вовсе не предполагает. Сразу же скажем, что в самом названии этой идеи заложен издевательский смысл. Шока там выше головы, вплоть до летального исхода, а вот терапии что-то не видно. Шок чаще всего оказывается для страны, где применена эта технология, несовместимая с жизнью.

Сам термин «шоковая терапия» и всю методику осуществления этого жуткого замысла придумал, как его называли, «неутомимый низенький профессор» Чикагского университета Милтон Фридман. Натворив немало бед в разных странах мира, он благополучно скончался в 2006 г. в возрасте 94 лет. Международная буржуазия причислила его к самым влиятельным экономистам мира второй половины XX века. В течение 30 лет Фридман и его последователи внедряли свою технологию в разных странах. Среди его учеников несколько президентов США, премьер-министры Великобритании, российские олигархи, министры финансов, директора Международного валютного фонда

(МВФ), диктаторы стран третьего мира и пр. Чем же так привлекла идея Фридмана ведущих политиков и крупных собственников буржуазных стран? Они решили, что с ее помощью удастся, наконец, в конце XX века решить мучительную для буржуазии извечную проблему: как обеспечить благополучное существование капитализма на возможно более длительный срок? Тем более, что кризисные периоды даже в самых богатых странах стали повторяться все чаще и буквально сотрясали их финансово-экономическую систему. Многие из этих стран оказались на грани таких социальных конфликтов, которые были чреватые революционным взрывом. Доктрина Фридмана, казалось, раз и навсегда позволяла справиться и с этой задачей, загнав «быдло» в стойло. И еще один момент: «шоковая терапия» позволяет унижить, а потом подчинить любую страну ведущим странам капитализма, сделать ее источником их обогащения. Кроме того, это – удобный способ избавиться от опасных конкурентов на международной арене.

Вот как описывается доктрина шока в современной литературе: все начинается с какого-то страшного, потрясающего события, которое вводит все население страны в состояние коллективного шока, вызывает жуткое, паническое ощущение непоправимой беды. В этот момент основная масса людей не в состоянии понять причины происходящего, руководство страны тоже теряется и упускает из рук бразды правления. Подобный шок и ощущение массового испуга могут быть вызваны государственным переворотом, терактами с большими человеческими жертвами, войны с бомбардировками, обстрелом и массовой гибелью людей, природными катаклизмами – торнадо и ураганами, землетрясениями, цунами, потопами, наводнениями, пожарами, голодом и эпидемиями. Люди в страхе мечутся в поисках спасения, выхода из губительной ситуации.

Вот тут-то и появляется Фридман с компанией, и что же он предлагает? Пока растерянное, охваченное паникой общество не

опомнилось и граждане не пришли в себя от шока, надо очень быстро, в течение каких-нибудь шести-девяти месяцев, внести в общественную жизнь страны необратимые изменения. Молниеносно распродать обломки государства «частным игрокам» и провести радикальные реформы, сделав их «необратимыми». Основная цель – с помощью шоковых программ быстро перейти к «свободному рынку». Для этого используется, прежде всего, ускоренная приватизация, отмена госконтроля, резкое снижение затрат на социальную сферу.

В последнее время, чтобы не сидеть сложа руки в ожидании природных катаклизмов, американцы со своими союзниками по НАТО стали практиковать прямые военные вторжения в суверенные страны. Сейчас это уже не кажется маловероятным. Особенно после Ирака, Ливии. Теперь Америка и ее союзники даже не считают нужным поинтересоваться, хочет ли какая-то страна принять американскую модель «свободной торговли и демократии». Зачем кого-то спрашивать, если можно с помощью военной силы в любой момент провести операцию «Шок и трепет» [1; 15, 19, 20, 23–24, 33]? «Шоковая терапия» стала основой политики современного мирового капитализма. Созрел лозунг: страх и беспорядок позволяют совершить очередной скачок вперед. А чтобы вызвать страх, надо нанести вред внезапно и весь сразу, совершенно не думая о судьбе миллионов людей.

Вообще-то «шоковая доктрина» применяется уже довольно давно, начиная с 1970-х годов. И первая из стран, попавших под этот удар, – Чили, где Фридман работал советником Пиночета. Образец шока, связанный с военным вторжением, – это, конечно, Ирак. Но ни одна страна не была унижена, оскорблена и доведена до крайней степени национальной катастрофы, как Советский Союз, нынешняя Россия. Шок испытали не только народы нашей страны, но и не думающие представители интеллигенции Западного мира, которые были потрясены тем, с каким садистским наслаждением растаскивали богатства России. Оказалось, что пра-

вительство США напрямую оплачивало работу толпы «экспертов по переходному периоду», которые писали указы, создавали в России фондовую биржу, рынок инвестиционных фондов, организовывали Институт международного развития, во главе которого посадили некоего Джеффри Сакса, известного на Западе сторонника доктрины Фридмана. В Россию спешно посылались группы молодых юристов и экономистов для поддержки команды Гайдара. Ельцина постоянно торопили, подталкивали, уговаривали действовать как можно быстрее, и, когда состоялся расстрел «Белого дома» в Москве, вся эта компания пришла в восторг. С разгоном Верховного совета было устранено последнее препятствие на пути к рыночной вакханалии.

«Гарвардские мальчики» спешно провели значительное сокращение бюджета, либерализацию цен, дикую приватизацию. Страну грабили, как хотели. Тащили все подряд. За какой-то год экономика Советского Союза была разрушена, больше трети населения сразу оказалось за чертой бедности. Просто страшно сознавать, что это была запланированная нищета, и кто-то спокойно-равнодушно наблюдал за этим. Размах этой вакханалии потрясает.

Президент США Клинтон, прямо-таки захлебываясь от восторга, рассказывал, какие сокровища плыли в руки американцев при разграблении Советского Союза: «За четыре года мы и наши союзники получили стратегического сырья на 15 млрд. долларов, сотни тонн золота, серебра, драгоценных камней и т.д. Под несуществующие проекты (!) нам передано за ничтожно малые суммы (!) свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция...» [2]. Это не считая тех сумм, которые «реформаторы» отправляли за границу (по 2 млрд. долларов в месяц), пока шло наглое, бесконтрольное растаскивание великой державы. Надо думать, с каким удовлетворением мир капитала наблюдал за уничтожением своего главного конкурента. По сути, это было второе издание старого капитализма. Первый

колониальный грабеж позволил колонизаторам овладеть богатствами чужих земель, а сейчас, во времена второго грабежа, – захватить богатства суверенных государств, попирая все и всяческие законы, нормы международного права и принципы морали. «И в правила этой игры входят извинения и обещания в следующий раз вести себя лучше» [1, 320]. Эта фарисейская поза вызывает особенное возмущение.

А что же либерал? Как он в России после этого себя чувствует? Вполне комфортно. Посмотрите на эту благостно-невозмутимую физиономию. Что ему волноваться? Ведь у либералов российских «все образование и европейничанье состоит в том, чтоб «ужасно любить человечество», но лишь вообще. Если же человечество воплотится в человека, в лицо, то они даже не могут стерпеть это лицо, стоять подле него не могут из отвращения к нему. Отчасти также у них и с нациями: человечество любят, но если оно заявляет себя в потребностях, в нуждах и мольбах нации, то считают это предрассудком, отсталостью, шовинизмом. Это все люди отвлеченные, им не больно, и проживают они в сущности в невозмутимом спокойствии, как бы ни горячились они в своих писаниях» [3, 8]. Лучше не скажешь! Федор Михайлович Достоевский заглянул в темное «нутро» либеральной души, высветил цинизм и преступное равнодушие «отвлеченных людей».

Литература

1. Кляйн Наоми. Доктрина шока. М., 2009.
2. Фроянов И. Молитва о России // Советская Россия. 2000. 8 апреля.
3. Достоевский Ф.М. Письма 1878–1881. Т. XXX, кн. 1. Л., 1988.

Марксизм и сталинизм – что общего?

Бакулин В.И. – д.и.н. (г. Киров)

Осуждая большевиков за взятие власти в Октябре 1917 г. в одной, отдельно взятой стране, российские меньшевики опирались на коренные положения марксистской теории:

– переход к иной системе общественных отношений должен быть подготовлен и задан соответствующим уровнем развития производительных сил;

– ни один общественный строй не сойдет с исторической сцены, пока не исчерпает заложенные в нем потенции;

– истинным носителем социалистических начал выступает рабочий класс, соответствующим образом «воспитанный» крупным машинным производством;

– «критическая масса» промышленного пролетариата создается путем разложения на рабочих и буржуазию (крупную и среднюю) составляющей подавляющее большинство населения докапиталистических и раннекапиталистических стран мелкой буржуазии, в первую очередь, связанной с аграрным производством.

Хотя В.И. Ленин по-своему резонно заметил, что никто не может точно указать тот уровень экономического и культурного развития общества, который необходим для начала движения к социализму, всем мало-мальски сведущим в марксизме людям было ясно, что Россия образца 1913 г. никоим образом не соответствовала указанным выше критериям.

В лучшем случае, ссылаясь на обозначенное ленинское высказывание, советское обществоведение десятилетиями уходило не только от ответа, но и от прямо сформулированного вопроса: так на чьей же стороне оказались К. Маркс и Ф. Энгельс в историческом споре большевиков и меньшевиков по поводу «закономерности» и «законности» Октябрьской революции? Между тем,

вопрос по-настоящему интересен, а ответ на него в решающей степени зависит от угла зрения на заявленную проблему.

Марксизм, объявленный советской пропагандой не только «вечно живым», но и «развивающимся учением» [по справедливому замечанию профессора З.И. Файнбурга, термин «учение» явно отдает религиозностью], по крайней мере с 1930-х гг., никакому развитию не подлежал. «Забронзовев» в виде определенного набора догматических положений (в том числе, и перечисленных в начале данного текста), он объективно лил воду на меньшевистскую мельницу, позволяя, то меньшевикам и плехановцам объявлять «бредом» «Апрельские тезисы» В.И. Ленина, то Л.Д. Троцкому обвинять И.В. Сталина в «национальной ограниченности», а всем антикоммунистам единым хором – советский социализм утопией.

Между тем, рожденный в крестьянской на 4/5 по составу населения, с перуанско-египетским уровнем грамотности (около 30%) [1; 326, 327], социализм обеспечил прорыв России в XX век и превратил ее во вторую супердержаву мира. Поэтому нет никаких серьезных оснований заявлять об утопии **с точки зрения исторической практики**. В таком случае напрашивается очередной вопрос: если практика опровергает теорию, то, следовательно, ошибочна теория? Тем более, что большевистские лидеры первых десятилетий советской власти были большими прагматиками. Вытаскивая страну из невероятных ситуаций войн, голода, разрухи, они нередко буквально ощупью находили верные практические решения, порой заимствуя их у своих предшественников и навешивая на них (как справедливо выразился по поводу политики «военного коммунизма» философ Л.П. Карсавин) теоретические «ярлыки».

Однако и саму теорию марксизма в контексте рассматриваемой проблемы можно отнести к разряду ошибочных или утопических лишь в той же самой парадигме догматического мышления. Дело даже не в том, что марксизм создавался, в первую

очередь и главным образом, для развитых буржуазных стран Западного полушария. В нашем конкретном случае важнее другое. Сам Маркс вполне допускал альтернативные варианты развития народов и стран, не в пример его определенного типа российским ученикам, начиная с Г.В. Плеханова. Для отечественной истории особое значение имеет высказанная им в набросках письма к Вере Засулич мысль о возможности реального прогресса России при опоре на сельскую соседскую общину, объединявшую еще и в начале XX века большинство российских земледельцев. России, указывал Маркс, нет необходимости проходить мучительный путь раскрестьянивания, этап разделения сельского населения на буржуазию и пролетариат [2; 179–192].

Именно эта марксистская мысль была положена в основу социалистического строительства в нашей стране, будучи вначале неявно сформулированной под этикеткой «ленинского кооперативного плана», а затем и зримо – в виде созданной в 1930-е годы колхозной системы Советского Союза. С.Г. Кара-Мурза в ряде своих трудов убедительно раскрыл эту заслугу Сталина, который, с одной стороны, «скрестил» процесс индустриализации страны с важнейшим атрибутом традиционного общества – общинным строем и общинным, коллективистским менталитетом, а с другой – реально соединил марксистскую теорию с практикой социалистического строительства на 1/6 суши Земного шара [3; 46, 48 и др.].

Столкновение позиций идеологов меньшевизма и большевизма по вопросу взятия власти и строительства социализма в России объективно задавалось и в решающей степени обуславливалось сложностью и противоречивостью фигуры русского крестьянина, чья сущность не исчерпывалась одномерными эпитетами и однозначными характеристиками типа: «склонный к рыночному индивидуализму мелкобуржуазный хозяйчик» или, напротив, – «коллективист-общинник». Но именно абсолютизация

тех или иных качеств российского хлебороба и оборачивалась бескомпромиссными идеологическими баталиями.

В свое время В.И. Ленин, не вдаваясь в детали, мимоходом затронул эту неоднозначность, отметив, что крестьянин – труженик, и это сближает его с промышленным рабочим. Но, вместе с тем, он – мелкий собственник и мелкий товаропроизводитель, чем обусловлены его колебания в сторону буржуазии (среднее крестьянство – *«такой класс, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик»*) [4, 196]. Мысль эта, сформулированная в период Гражданской войны в военно-политическом контексте, дальнейшего развития и обоснования в ленинских трудах не получила. Более того, в статье «О кооперации» Ленин акцентировал лишь организационно-экономическую сторону проблемы: уступив в нэпе «крестьянину, как торговцу», государство должно теперь суметь с помощью кооперации обеспечить «проверку и контроль... частного торгового интереса», необходимую «степень подчинения его общим интересам». Хотя при этом декларировалось, что в государстве диктатуры пролетариата (и при условии совершения культурной революции) массовое кооперирование крестьянства совпадает с социализмом, но, по существу, автор статьи оставался на почве государственного капитализма (подчинить мелкого хозяйчика государственному контролю), при всех сделанных им тут же оговорках и даже отрицаниях оного [5; 369–372].

Между тем, знаток хозяйства и быта крестьянства, тонкий психолог А.Н. Энгельгардт, чьи симпатии явно были отданы общинному строю российской деревни и его полномочным представителям, вместе с тем, нашел нужным подчеркнуть, что определенные внешние условия (например, вдруг открывшаяся возможность получить выгоду от эксплуатации попавших в зависимость мужиков иной деревни) способны разбудить в крестьянской душе низменные, «кулацкие» склонности. Вот и Сталин, в отличие от народнической и неонароднической интеллигенции,

шарахавшейся от идеализации мужика в 19-м веке до ненависти по отношению к нему в период Гражданской войны, трезво смотрел на крестьянина, учитывая различные качества его натуры и влияние на них внешних обстоятельств.

Занимаясь хлебозаготовками в годы Гражданской войны, а затем и в период чрезвычайной кампании конца 1927 года, он имел хорошую возможность оценить собственнические склонности отечественного хлебороба. Притча о сибирском «крепком мужике», предлагавшем генеральному секретарю ВКП(б) сплести в обмен на поставки хлеба в город, имела серьезные основания в крестьянском характере. Поставить общегосударственные интересы (которые к тому же еще надо было правильно понять и оценить) выше личных был способен далеко не каждый житель российской деревни даже в тех случаях, когда советская власть была ему не чуждой. Поэтому необходимость «обуздать» разбухшую революциями крестьянскую анархию, продемонстрировать ей державную волю и непреклонность, твердой рукой ввести деревню в русло новой государственности к концу 1920-х гг. не вызывала сомнения у Сталина и его соратников.

О том, что в этом кругу принимались во внимание особенности русского, в первую очередь, крестьянского характера, учитывалась особая значимость для традиционного сознания сильной и действенной центральной власти, свидетельствовал в своих дневниках и близкий к И.В. Сталину Л.П. Берия. В числе прочего он писал по этому поводу: «Русский народ действительно удивительный народ, им только надо правильно руководить...» И далее: «При умной власти русский народ чудеса совершает и быстро умным и крепким становится и других за собой ведет» [6; 61, 63].

Важнейшим условием реализации мощных созидательных потенций русского народа в условиях начавшейся в 1920-е гг., но особенно с конца десятилетия, научно-технической модернизации страны являлось максимальное раскрепощение его коллекти-

вистского сознания, включение десятков миллионов советских людей в осуществление проекта Общего Дела. А это, в свою очередь, предполагало изгнание из общественной жизни рыночного, торгашеско-спекулятивного, нэповского духа. Нэп не только не позволял сконцентрировать на приоритетных направлениях индустриального прорыва необходимые материальные ресурсы общества, он также представлял собой социально-психологический барьер на пути к этой цели. Ослабление рыночно-индивидуалистического компонента общественной жизни объективно означало усиление общинно-коллективистских ее начал, что наиболее зримо воплотилось в советской колхозной системе. Хотя сам Сталин в своих публичных выступлениях выделял, как правило, только экономический и социально-политический эффект коллективизации [см., например: 7, 198–200], но опираясь на марксистскую идеологию и, вместе с тем, будучи достаточно тонким психологом, он не мог не учитывать роль социально-психологического фактора в деле успешного становления социалистических общественных отношений.

Литература

1. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник / Под ред. А.П. Корелина. СПб., 1995.
2. Бакулин В.И. Русская сельская община и российская социал-демократия: проблемы теории и практики // Социал-демократия в российской и мировой истории: обобщение опыта и новые подходы: материалы научной международной конференции. Москва. М., 2009.
3. Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010.
4. Ленин В.И. Доклад о работе в деревне на VIII съезде РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 38.
5. Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45.
6. Берия Л.П. «Пожить бы еще лет 20!»: Последние записи Берии. М., 2012.
7. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13.

Модель Китая по осуществлению экономических преобразований в условиях глобализации современного мира

Болдонов А.Л. – к.и.н., **Романов Ю.А.** – к.соц.н. (г. Улан-Удэ)

Последние десятилетия (конец XX – начало XXI вв.) ознаменовались и характеризуются последовательным усилением позиций Китая в мировом хозяйстве, что, в свою очередь, происходит не только за счет расширения внешнеэкономических связей, но и за счет меняющейся в сторону более качественного наполнения роли Китая в международном разделении труда.

Так, осуществляя экономические реформы, направленные на повышение конкурентоспособности национального хозяйства, страна сумела добиться серьезных успехов и с выгодой для себя адаптироваться к процессам экономической глобализации по американско-европейской модели, используя преимущества углубляющейся интернационализации мировой экономики.

Китай при этом оказался достаточно подготовленным и к негативным последствиям данной глобализации, предоставляющей не только определенные возможности для развития, но и таящей серьезные угрозы и вызовы национальному хозяйству. Более того, сохраняя высокую динамику экономического роста в период мирового финансово-экономического кризиса, Китай становится во все большей степени своего рода «локомотивом» мирового экономического развития, внося свой вклад в само содержание процесса глобализации.

Для современной России, находящейся в процессе вступления в клуб стран-участниц ВТО, как ближайшего соседа и экономического партнера Китая, чрезвычайно важным является правильное понимание новейших особенностей его взаимодействия с мировым хозяйством, что представляет собой не только научный, но и большой практический интерес.

В настоящее время перед нашей страной стоят сложные задачи в области диверсификации промышленного производства, изменения характера внешнеэкономических связей, перехода на новую, инновационную модель развития. В этой связи представляется чрезвычайно полезным и важным опыт Китая как с точки зрения возможностей использования этого накопленного опыта при выработке внешнеэкономической политики и стратегии, имеющей целью встраивание национального производственного комплекса в мировое хозяйство на максимально выгодных и приемлемых для России условиях, так и в плане практического извлечения экономической выгоды из высококомобильного и поступательного развития Китая.

Последние годы вопросы участия Китая в мирохозяйственных связях и его взаимодействия с международными экономическими организациями находятся в поле зрения российских и зарубежных ученых.

Предметом множества публикаций и научных исследований стали изучение двусторонних отношений Китая с ведущими экономическими партнерами, рост его инвестиционной привлекательности, феномен его бурного экономического развития в период последних тридцати лет.

Среди российских исследователей данных проблем следует, прежде всего, выделить работы Авдокушина Е.Ф., Бергера Я.М., Борох О.Н., Галеновича Ю.М., Гельбраса В.Г., Карлусова В.В., Котлярова Н.Н., Мельянцева В.А., Михеева В.В., Новоселовой Л.В. и других, а также работы европейских и американских авторов, среди которых следует назвать Е. Вогель, М. Вольфа, Н. Ларди, М. Оксенберга, Б. Нотона, О. Шенкара, К. Уолтера, Е. Эйчингина.

Вместе с тем, не все проблемы взаимодействия Китая с мировым хозяйством получили к настоящему времени всестороннее и углубленное рассмотрение. После присоединения Китая к ВТО в 2002 г. и, особенно, в период преодоления последствий мирово-

го финансово-экономического кризиса идет поиск новых научных и практических методов исследования проблем глобализации мировой экономики, его места и роли в современном международном разделении труда. В основе современной позиции Китая лежит необходимость проведения внешнеэкономической политики, направленной на активизацию роли внешних факторов в модернизации экономики страны при одновременном смягчении разрушительных последствий кризисных явлений мировой экономики («рецессия мировой экономики» с 2008 г.), а также негативных сторон экономической глобализации в целом.

Осуществляя в последние десятилетия курс на активизацию взаимодействия с мировым хозяйством, Китай за довольно короткий, по историческим меркам (34 года), срок сумел войти в состав мировых лидеров по размерам ВВП, размерам привлечения капитала, объемам внешней торговли и т.д., что позволяет ему сохранять высокие темпы развития во время нынешнего глобального экономического кризиса.

За счет каких условий и факторов Китаю удалось добиться достигнутых результатов? Одни специалисты считают, что в основе успешного развития страны лежал постепенный, градуальный характер проводимых реформ. Другие экономисты придерживаются принципиально иной точки зрения, отмечая, что резкое сокращение роли государства в экономике, масштабная либерализация внешнеэкономической деятельности явились определяющими предпосылками социально-экономических успехов страны и ее новой ролью в мировой экономике.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что проблема соотношения внешних и внутренних факторов роста является одной из фундаментальных проблем экономического развития для любой крупной страны. Суть проблемы состоит в точном выявлении основных внутренних и внешних источников экономического роста, исходя из которых и реализуется экономическая политика. Ориентация в экономической политике только на один из данных

источников роста может привести к блокированию механизма хозяйственного развития страны. Таким образом, развитие экономики должно осуществляться на основе оптимального сочетания внутренних и внешних факторов развития, внутреннего и внешнего секторов экономики, национального и иностранного капиталов.

Необходимо также отметить, что устойчивость экономики Китая к внешним угрозам в условиях глобализации в значительной степени определяется именно тем, что внешнеэкономическая политика этой страны является составной частью общей долгосрочной стратегии развития страны, основанной на сочетании баланса внешних и внутренних факторов роста. Среднегодовые темпы роста экономики за период 1979–2010 годов составили 9,7%, что в три раза превышает темпы роста мировой экономики в целом. Даже в период мировой экономической рецессии последних лет Китаю удалось сохранить высокие темпы развития. В 2009 г., когда мировой ВВП сократился на 1,2% , а производство в США, странах ЕС и Японии упало на 2,7%, 4,2% и 5,4% соответственно, Китай продолжал оставаться лидером роста.

Согласно статистическим данным, в 2010 г. ВВП КНР увеличился на 10,3%, что позволило ему выйти по этому показателю на второе место после США, опередив Японию. За годы реформ также существенно укрепились позиции Китая в мировой торговой системе. Китай превратился в крупнейшую торговую державу и удерживает 2-е место в мире по объему внешнеторгового оборота. По размеру золотовалютных резервов, достигших в 2009 г. 2,3 трлн долларов, Китай занимает первое место в мире.

В настоящее время усиление его позиций происходит и за счет использования других международных механизмов экономического сотрудничества. Усилия по координации макроэкономической политики, расширению взаимной торговли и инвестиций, регулированию мировой валютной системы осуществляются в рамках G20, БРИКС в целях использования преимуществ мно-

гостороннего сотрудничества. Механизм БРИКС становится важным фактором формирования более справедливого мирового экономического порядка.

При анализе причин и условий актуальности экономической модели развития Китая можно отметить, что за последние 50 лет произошла смена нескольких этапов проведения внешнеэкономической политики. Принципиальной особенностью современной внешнеэкономической политики Китая периода реформ является нацеленность этой политики не столько на интеграцию в мировое рыночное хозяйство (что характерно для современной России), сколько на максимальное использование внешних факторов развития (современные технологии и зарубежные инвестиции) в деле социально-экономического развития КНР.

Новая экономическая политика: сущность и перспективы

Грехова Н.Н. – к.и.н. (*г. Нижний Новгород*)

Проблемы новой экономической политики являются одной из наиболее дискуссионных тем отечественной истории XX века. В современной исторической литературе взгляды на нэп самые разнообразные: от его идеализации и преувеличения успехов и результатов, оценки как «золотого века», который был насильственно прерван в конце 1920-х гг. до понимания нэпа как самого противоречивого и недолгого периода советской истории. Кроме того, литература, особенно учебная, зачастую суживает значение нэпа, сводя его только к анализу исключительно экономических вопросов.

В годы перестройки, когда требовалось противопоставить «хороший нэп» (историю 1920-х гг.) «плохому» сталинизму (истории 1930-х гг.), отечественная историография этого периода в

целом прошла под знаком поиска альтернативы сталинскому «великому перелому» 1929 г. Нэповская экономика с характерными для нее многообразием форм собственности, хозрасчетной госпромышленностью, сосуществованием планового регулирования и рынка представлялась многим историкам идеальной моделью «социалистической рыночной экономики»; а нэп в целом – прообразом искомого «рыночного социализма», якобы волонтаристски отброшенным Сталиным, стремившимся к установлению личной власти, а потому не нуждавшимся в «плюралистическом нэпе».

Историографическому экстремизму во многом способствовала общественно-политическая ситуация конца 1980-х–начала 1990-х гг. Поэтому на вооружение зачастую бралась тоталитарная концепция советского общества, признающая изначальную запрограммированность антидемократического перерождения советского режима существом марксистской доктрины, характером правящей партии. Вместо серьезного изучения реальных механизмов функционирования советского общества в 1920–1930-е гг., его противоречий, достижений и недостатков вся советская история объявлялась трагической ошибкой. Такой подход не является объективным и поэтому снова вызывает необходимость обращения к истории нэпа, его сущности и перспектив.

Первостепенное значение имеет выяснение причин перехода к нэпу. Провозглашение нового экономического курса весной 1921 г. было обусловлено острейшим социально-экономическим и политическим кризисом, вызванным последствиями гражданской войны и политикой «военного коммунизма» – политикой в тех экстремальных условиях вынужденной и необходимой. Однако после окончания войны, в связи с ростом протестного крестьянского движения, было опасно следовать прежним курсом. Становилось ясно, что первоочередной задачей советского правительства является крестьянский вопрос, т. е. вопрос о взаимоотношениях с крестьянством. В.И. Ленин делает вывод, что

«жизнь показала нашу ошибку», «красногвардейская атака» на капитал не оправдала себя на практике и что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России» (т. 43, с. 59).

Таким образом, системный кризис, сложившийся в стране к началу 1921 г., создал угрозу существования советской власти и поставил политическое руководство страны перед необходимостью изменения экономической политики и методов руководства обществом, поиска новых форм экономического и политического союза рабочего класса с крестьянством. Исходя из этого, в экономической области ведущими задачами новой экономической политики были восстановление производительных сил страны и их дальнейшее развитие. Основной политической задачей нэпа было обеспечение прочного союза рабочего класса и крестьянства: «Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства...» (т. 44, с. 322).

Введение продовольственного налога, положившее начало нэпу, безусловно, сняло остроту «крестьянского кризиса» и внесло некоторое успокоение в деревню. Однако после этого шага неминуемо вставал вопрос обеспечения хозяйственного интереса крестьянства, т.е. допущение свободы оборота и разрешения торговли. Именно в этом заключалось главное содержание новой экономической политики.

Советское руководство вынуждено было пойти на очередную уступку крестьянству и сделать второй шаг к нэпу – пойти на отмену государственного товарообмена, разрешить свободную торговлю, встать на путь широкого использования товарно-денежных отношений. Использование свободы торговли и рыночных отношений позволяло обеспечить связь города и села, вернуть в оборот деньги и реанимировать крупные торговые центры.

Новая экономическая политика была, прежде всего, решительным поворотом по отношению к крестьянству. Но нэп не яв-

лялся только экономической политикой. Он представлял собой целый комплекс мер экономического, политического, социального характера по выводу страны из кризиса. И ни одну из них нельзя рассматривать отдельно вне связи с другими. Нэп диктовался вначале скорее объективными условиями, нежели идеями, и рассматривался партийно-государственным руководством исключительно как тактический ход, как временное отступление, вызванное неблагоприятным соотношением сил. Однако постепенно нэп стал пониматься как один из возможных, опосредованных путей к социализму через относительно длительное сосуществование различных укладов. Таким образом, новая экономическая политика в целом включала административно-рыночную систему хозяйства при государственной собственности на крупную и значительную часть средней промышленности, транспорт, банки, с неэквивалентным обменом с деревней (отчуждение части продукции в форме продналога).

Положительные результаты нэпа выявились довольно скоро. С 1922 г. упадок производительных сил в сельском хозяйстве прекратился и стали возрождаться позитивные тенденции: рост производства и товарности крестьянских хозяйств. Основным социально-экономическим итогом нэпа явилось довольно быстрое и успешное восстановление экономики, завершившееся в основном в середине 1920-х гг.

Несмотря на существенные успехи, новая экономическая политика, тем не менее, осуществлялась трудно и противоречиво. Неэквивалентный товарообмен между городом и деревней, классовый подход в аграрной политике породили серьезные противоречия внутри нэповской экономики, следствием которых стали кризисы нэпа.

Прямым результатом такой политики стало снижение со второй половины 1920-х гг. товарности крестьянских хозяйств, стагнация сельхозпроизводства в целом. Все это оборачивалось настоящим бедствием для экономики страны, поскольку падение

хлебного экспорта подрывало возможности импорта промышленного оборудования, блокируя тем самым возможности осуществления масштабных индустриальных задач.

Начало свертывания нэпа большинство историков сегодня относят к рубежу 1925/26 гг. Дело в том, что эти годы принято считать завершением восстановительных процессов в экономике. Это был большой скачок, но в целом завершение восстановительных процессов означало лишь достижение довоенного уровня. В то же время, и в 1913 г. Россия не принадлежала к числу передовых экономически развитых государств. Естественно, что по прошествии более чем 10 лет это отставание оказалось еще более заметным. Страна стала еще более аграрной, чем была, и ее индустриальное развитие напрямую зависело от состояния сельского хозяйства.

Завершение восстановительного периода поставило на повестку дня вопрос о том, куда и как двигаться дальше. Перед страной вновь встала задача завершения индустриализации, создания индустриальной структуры экономики. Повторения традиционного нэпа было уже недостаточно. Однако решения об индустриализации, принятые в 1925 г. XIV съездом ВКП(б) исходили из возможностей классического нэпа.

Следует отметить, что перспективы экономического роста на базе нэпа были. Но, думается, этот рост был бы крайне недостаточным для уменьшения степени отставания советской экономики от передовых западных стран, что в условиях нарастания угрозы новой мировой войны делало крайне проблематичным сохранение Советского Союза в качестве субъекта мировой политики. Большинство современных исследователей перспективы нэпа оценивает пессимистически по причине изначальной «скованности» рыночных отношений, их реализации преимущественно в периферийных секторах экономики. В конце концов система нэпа омертвела в результате попыток планирования многоукладной экономики и полунатурального крестьянского хозяйства,

приспособления того и другого к нуждам форсированной индустриализации. В этом смысле «поворот 1929 г.» был закономерным шагом на пути постепенной трансформации дуалистичной административно-рыночной нэповской модели в преимущественно административную экономическую модель 1930-х годов. Сегодня историки отходят от перестроечных суждений о том, что сталинский курс на форсированное индустриальное развитие был авантюристическим, ничем, кроме личных амбиций Сталина, не обоснованным, и делают вывод о том, что нормальное экономическое развитие на рельсах нэпа в конце 1920-х и в 1930-е гг. для СССР было бы авантюрой, и, наоборот, «авантюрный» индустриальный скачок выступал как более реалистический вариант социально-экономического развития.

Модернизационные процессы в сельском хозяйстве в 20–30 гг. XX в.

Ефимов О.В. – к.и.н. (*г. Арзамас, Нижегородская обл.*)

В конце XIX – начале XX вв. в России возникает невиданное в странах индустриального мира явление – секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражался в долговременном прекращении перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, вследствие снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии. Экстенсивное производство в аграрном секторе себя исчерпало, вся земля, в центральной части страны включая, и выпасы ушли под пашню. Однако продолжавшийся рост сельского населения привел к дальнейшему дроблению земельных участков, а, значит, и снижению производимого продукта на человека. Все это усугублялось отсутствием новых технологий, машин и специалистов. Город в связи с низким развитием индустрии был не в

состоянии дать необходимые средства производства селу и изъять лишнюю часть населения из сельского хозяйства в промышленность.

При нормальной связи села и города должна была работать система, при которой меньшая часть населения страны работает в сельском хозяйстве и за счет получения из промышленности всего необходимого в достаточном количестве производит сельскохозяйственную продукцию для своих нужд, города и экспорта. Такая система в конце XIX в. работала во всех европейских странах. В Германии, Великобритании, Франции сельское население составляло от 20 до 30%, а у нас более 70%. В результате деревня в начале XX в. уже не могла кормить не только город, но и себя. Правительства Витте и Столыпина ничего не смогли сделать для преодоления проблемы секторного разрыва, что в дальнейшем станет одной из важнейших причин будущих революционных потрясений.

Советское правительство в силу различных субъективных и объективных причин не смогло сразу пойти на преобразования масштабного характера. Однако, когда к 1927 г. НЭП себя исчерпал, вновь обострилась проблема секторного разрыва. Сталинское правительство пошло на модернизационные преобразования, основанные на индустриализации, за счет которой можно было перевести сельское хозяйство на интенсивный путь развития, решить проблему малоземелья, перенаселенности и товарности аграрного сектора. Поэтому коллективизацию необходимо рассматривать как составную часть индустриальных процессов нашей страны в 30–50-е годы XX в.

Для исследования столь сложной и многогранной проблемы необходимо обратиться к местному конкретно-историческому материалу, т.е. исследовать этот процесс на примере Арзамасского уезда Нижегородской области. Нижегородский край всегда относился к потребляющей полосе, Арзамасский уезд – к районам со средним уровнем развития сельского хозяйства. Поэтому этот

объект может служить хорошим примером для раскрытия процесса и значения коллективизации.

Арзамасский уезд оказался одним из уездов, где оживление колхозного строительства было наиболее активным. Это отмечал съезд колхозов, первый с начала НЭПа, который состоялся 22 июня 1927 г. [1, 410–412].

В селе Хватовка Арзамасского уезда партийная ячейка (секретарь т. Фешин И.Н.) сумела повести за собой бедноту и в 1928 г. создала колхоз «Рассвет». Первыми колхозниками стали А.В. Рознев, Ф.М. Бочков, М.И. Игумнов и др. К весне 1928 г. в колхозе насчитывалось 48 хозяйств. Своим председателем колхозники избрали С.С. Черняева [2, 2]. Способствуя становлению коллективного хозяйства, государство выделило «Рассвету» первый трактор. На 1 апреля 1931 г. в Хватовке насчитывалось уже 162 колхозных хозяйств, а к концу этого года – 270.

Вместе с Хватовским весенний сев 1928 г. вели колхозы Ольевский, Селищенский и Волчихинский (Селякинского сельсовета). Всего ими было засеяно тогда около 200 гектаров. Это были первые гектары, давшие первый в Арзамасском уезде колхозный урожай.

В 1931 г. в районе было всего лишь 58 колхозов, объединивших 2445 бедняцко-средняцких хозяйств или 11,1%. В 1934 г. уже 128 колхозов и ни одной единоличной деревни и села. В колхозах – 15250 средняцких хозяйств или 70%. За 4 года заметно возросла машиновооруженность коллективного сельского хозяйства района. На колхозных полях работало 69 тракторов («сталинградцы», «челябинцы», катерпиллеры) и «фордзоны», число сортировок возросло с 84 до 133, сеялок – с 323 до 500, жаток – с 147 до 166, молотилок – с 210 до 278, косилок – с 15 до 107 и т.д. Впервые в районе появились автомобили – 22 грузовых и 9 легковых. Район превратился в крупного поставщика товарной сельхозпродукции. В 1931 г. он дал стране 240 тыс. пудов хлеба, а в 1934 г. – уже 471 тыс. пудов; картофеля, соответствен-

но, – 1199 тыс. пудов и 1552 тыс. пудов; лука – 72 тыс. и 234 тыс. пудов; молока – 22 тыс. и 120 тыс. пудов и мяса – 21,5 тыс. и 59 тыс. пудов [3, 56].

Только в 1939–1940 гг. было создано 157 новых животноводческих ферм. На 1 января 1941 г. в колхозах района насчитывалось 5607 лошадей, 6292 головы крупного рогатого скота, 3689 свиней, 3858 овец и коз, 10365 голов птицы.

Валовое производство зерна в 1940 г. составило 299419 центнеров, из них сдано государству 24248 центнеров и в порядке натуроплаты за работу МТС 37705 центнеров. В закрома страны отправлено картофеля – 64814 центнеров, овощей – 51444 центнеров, в том числе лука-репки – 23005 центнеров. Сдано 483 головы крупного рогатого скота на сумму 25251 рубль, 1018 свиней на 38625 рублей, 261 голова овец и коз на 2136 рублей, 163 головы птицы на 493 рубля, 836589 литров молока, 2118 кг масла, 1563 кг шерсти и т.д. [3, 256].

В тот период на всю страну прославилась свиноводка совхоза «Культура» Пелагея Сергеевна Бунтова. Она – первый человек в Арзамасском районе, награжденный Орденом Ленина. К первому Всесоюзному съезду колхозников-ударников, делегаткой которого была Абрамовская колхозница Елена Гуськова, число ударников в районе достигло уже нескольких сотен [4, 12].

Процесс коллективизации был неразрывно связан с индустриализацией и культурной революцией. Эти три компонента были составляющим единого модернизационного процесса страны, которые изменили жизнь Арзамасского района. Проводя коллективизацию, власть одновременно формировала для села квалифицированных специалистов и, открывая в селе школы, готовила квалифицированные кадры для промышленности.

В районе в 1941 г. было 78 средних, семилетних и начальных школ, а в них 16 тысяч учащихся; 80 библиотек с книжным фондом свыше 20 тысяч экземпляров; 18 изб-читален, 27 клубов, 30 киноустановок. В 1928–1940 гг. была осуществлена радиофи-

кация сел и деревень района. Население Арзамасского района в 1939 г. выписывало 19 тысяч журналов и газет. Увеличилась прослойка сельской интеллигенции. В 1939 г. в районе работали 597 учителей, 54 агронома, 50 инженеров, 29 врачей и 137 человек среднего медперсонала [5, 229].

Таким образом, коллективизация крестьянских хозяйств представляла собой одну из самых сложных и драматических страниц истории строительства нового общества в нашей стране. Так, в краткий период, фактически в пределах 1927–1931 гг., совершился кардинальный перелом в жизни деревни, давший возможность поступательного развития общества и страны в будущем.

Литература

1. ГУ ГАНО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 926.
2. Фешин И. Колхозная совпартшкола. Далекое-близкое // Арзамасская правда. 1976. 7 июля.
3. Одинцов А.Д., Фешин И.Н. Арзамасский район за 50 лет Советской власти. Арзамас, 1967.
4. ГУ ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 548.
5. Балакин М.Ф., Балакина М.А. Арзамас в XX веке: монография / дополненная и переработанная. – Нижегородское отделение Академии социальных и гуманитарных наук Российской Федерации, 2008.

Путь к социалистическому обществу

Латал Иво – к.п. (*г. Прага, Чешская республика*)

Капитализм погибнет, потому что должен погибнуть, но пока он существует уже более двухсот лет и постоянно ещё развивается. Путь к достижению социалистического общества не будет простой, без изгибов, поворотов и поражений, как показала недавняя история. Социалистическое общество одержит победу, когда народ уяснит, что при капитализме не исполнятся его интере-

сы, его нужные вещи, его индивидуальные и всенародные цели. Это произойдет, когда будет мотивировано большинство народа к изменениям имущественных отношений и отстранению эксплуатации.

Народ должен знать основные характеристики социализма не только в политических фразах, но в конкретных примерах улучшения жизни каждого человека. И для этого должен каждый человек сознательно помогать, активно участвовать в постройке социалистического общества. К этому он должен созреть пропагандистским, агитационным, образовательным процессом, воспитанием, бесспорно под руководством творческих субъектов. Последними могут быть не только организации, но и способные лица.

О начале социализма возможно говорить в позднем времени, когда будет очевидная смена существования в сторону лучшего общества. Невозможно представить себе, что завтра утром мы проснемся и обнаружим, что начинается социализм, и уже весь народ будет социалистически жить. Капитализм тоже не начинался сразу в большинстве государств. Исторические условия развития капитализма возникали постепенно, уже в феодализме, и народ не сообщал, что начинается новая эпоха – капитализм. Также и условия для возникновения социализма уже существуют в капиталистическом обществе. Только классики Маркс и Энгельс показали эпохи развития общества и условия перехода от капитализма к социализму.

Но недостаточно только победы на выборах, провозглашение парламента или завоевание исполнительной власти вооруженным или невооруженным переворотом. В прошлом веке мы прожили первую попытку социализма, в котором существовали некоторые элементы социалистического общества. Но он не выдержал в результате субъективных и объективных ошибок. Также не был принят и понят большинством народа. Это мы удостове-

ряем ныне, когда в социологических исследованиях следим за развитием мнений чешского населения.

Мы не знаем, какое **будет** социалистическое общество, нам только **возможно желать исполнение основных условий** социалистического общества, создание его образа, который мы хотим достигнуть. В некоторых областях возможно сравнительно точно сказать условия экономического или политического упорядочения, его систему, которую хотим построить. В других отраслях возможно только сказать своё желание или можно нам только предполагать действительность.

Основным предположением перехода к социализму является удовлетворение человеческих потребностей и выполнение жизненных стоимостей, которые народ признает. Говорим о социальном государстве, демократическом, справедливом, который даёт удобные случаи всем, желающим работать и по своей выработке получать зарплату. Потребности первичные – находящиеся с бытием человека, и вторичные – высказываемые общественным существованием.

Социологи признают жизненные стоимости как чрезвычайно важные показатели для характеристики моральных свойств человека и также для познания его общественной и политической ориентации. Из жизненных стоимостей возможно судить также о современных и будущих манерах людей. Таблица 1, как результат социологических исследований Клуба общественных наук (КОН–Прага), показывает современную очередь жизненных стоимостей жителей Чешской Республики.

Таблица 1

Важность жизненных стоимостей (%)	очень важные	скорее важные	скорее не важные	очень не важные
Семья	79	18	2	1

уверенность работы	76	19	3	2
личная свобода	56	36	8	0
деньги, имущество	48	46	6	0
образование	41	49	8	2
свободное время	23	52	22	3
участие в гласной деятельности	7	27	46	20
вера в бога	6	13	35	46

Если три года назад общество ставило на первую очередь личную свободу и на третью очередь уверенность в хорошей работе, то сейчас – наоборот. Это отражает развитие общества в последние годы [1, 5].

Интересные ответы получили мы на вопрос «Как вы довольны своим уровнем жизни?» Данные в таблице 2 показывают повышение беспокойности в течение последних восьми лет (в %). В 2011 г. проявляется беспокойность, что проявилось в проведении демонстраций, забастовок, организованных различными организациями, профсоюзами, в том числе, независимыми и альтернативными.

Таблица 2

Время	спокойный	неспокойный	не ответил
февраль 2003	49	50	1
май 2005	50	49	1
апрель 2007	50	50	0
апрель 2009	48	50	2
сентябрь 2010	45	53	2
ноябрь 2011	41	56	3

Следующая таблица показывает детально отношение различных социальных групп к своему уровню жизни [1, 8].

Таблица 3

Довольность в процентах	ЧР	молодёжь 15-29 г.	граждане более 60 г.	женщины	рабочие	предприниматели
довольный	13	15	7	11	7	26
скорее довольный	28	39 !!	18	30	18	37 !
скорее недовольный	32	26	40 !	32	41 !	16
недовольный	24	14	34 !	24	32	17
не ответил	3	6	1	3	2	4

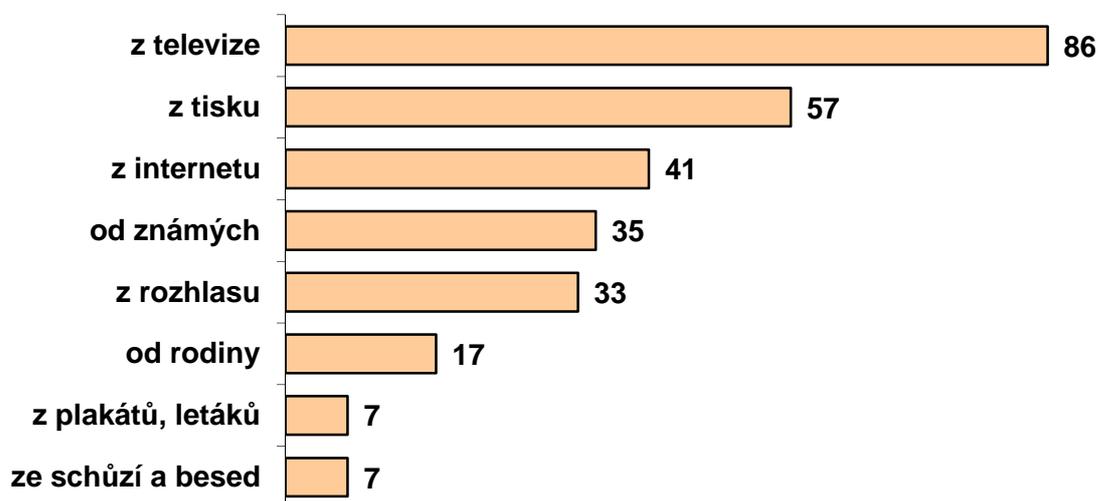
Проблема в нашем обществе существует с отношением к политическим партиям и в политической ориентации. Исследования в длинном времени показывают отклонение людей от работы политических партий, строго организованных групп. Респонденты в большинстве не знают, какая их политическая ориентация, какая разница между левой или правой партией. Потом более людей есть индифферентных (36%). Вместе с нерешительными (14%) они составляют половину жителей Чешской республики. Почти две трети из них – это молодёжь (67%), у которых нет чёткой политической ориентации. К этой категории принадлежат также домашние хозяйки (71%) и, естественно, безработные (82%) [1, 9].

Каким образом оказывать влияние на сознание населения и вести людей к убеждению о верности социалистического общества? Как воспитывать людей, чтобы изменили своё мнение о со-

циализме? Это задача левой партии, и не только в ЧР, но и во всем мире. В документах КПЧМ должно быть в первой очереди высказано, как удовлетворить животные потребности людей, их интересы личные, групповые и общественные. Процессом воздействия на сознание населения надо управлять, направлять при помощи современных информационных и агитационных средств, просветительным воспитанием, оборудованием, пропагандой и агитацией, которые будут использовать способные, талантливые лица левой ориентации.

Исследования Клуба общественных наук показывают основные источники информации о политике в нашей стране. На вопрос «Откуда черпаете большинство информации?» респонденты дали следующие ответы в % (предоставлялось отметить три источника информации).

Гистограмма 1

Примечание – телевидение, печать, интернет, знакомые, радиовещание, семья, плакаты или листовки, собрания и беседы [2, 10].

Из наших исследований вытекает, что основной источник информации есть телевидение, а для молодёжи – интернет. Чтение периодической печати в последние годы систематически падает.

Надо тоже обдумать, что условия постройки социализма в разных странах отличные. Речь идёт о политических, экономических, социальных, но и культурных условиях, с отличным развитием историческим и с современным положением общества. И в начале социализма ещё не исчезнут разные патологические проявления капиталистического менталитета. Эта борьба не будет лёгкая, она будет требовать более времени, много напряжения рациональных людей, использующих марксистскую методологию. Уверен, что постепенно произойдет соединение в политической деятельности теоретических и практических вопросов. Я высказываю так своё личное убеждение.

Литература

1. Вацек, Л., Клан, Й. Рапорт из социологического исследования 50–11. Прага, КОИ, 2012.
2. Вацек, Л. Рапорт из социологического исследования 47–10. Прага, КОИ, 2010.

Экологическая безопасность личности и культура

Лебедев А.А. – к.ф.н. (*г. Владимир*)

Народное предание гласит, что земля может накормить человека своим хлебом, напоить водой из своих родников, но защитить сама себя она не может, поскольку это святое дело тех, кто ест хлеб родной земли, пьет ее воду, любит ее красотой. Предание выражает суть экологических проблем современности.

Экологию определяют как "науку о взаимоотношениях организаций **между** собой и с окружающей средой [3, 730]. В природе, окружающей среде складывается определенный баланс. По-

этому, если нарушается функционирование какого-либо звена в той или иной природной системе, то это неизбежно приводит к изменениям в других звеньях системы.

В последнее время в связи с ростом внимания к **экологическим проблемам** в нашей стране и в мире стали активней изучать экологическую обстановку. Принимаются все новые законы по экологии. Эта наука из декларативной все более становится инженерной. Появляются конкретные цифры, указывающие на границы вредного влияния производственной и других видов деятельности человека на окружающую человека среду и животный мир. Во всех странах мира повышены требования к экологической безопасности в государстве и обществе.

Экологическую безопасность личности составляют такие отношения ее к окружающей среде, которые исключают возможность уничтожения окружающих человека растительного и животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, предотвращается совершение иных действий, способных вызвать экологические предпосылки для внешних и внутренних **угроз существованию человека** [4, 769–771].

Определяющим образом экологическая безопасность личности зависит от таких объективных обстоятельств, как народонаселение, деградация почвы, состояние лесов, пресной воды, загрязнение воздуха, его радиоактивное загрязнение и возможное заражение. Под влиянием данных факторов создается напряженная экологическая ситуация с возможностью перерастания в экологическую угрозу для государства и граждан России.

Поддержание экологической безопасности наряду с обстоятельствами определяющего характера зависит и от условий субъективного характера, которые могут решающим образом влиять на обеспечение экологической безопасности личности. К числу их относятся и взаимосвязанные между собой законотворческая и организационная виды деятельности, составляющие основу для функционирования органов власти и движения общественности.

Однако решающую роль играет бюджетная и социальная политика государства. «Чтобы ухаживать за землями, водами, лесами нужно выделять не менее 10% расходной части бюджета. В Советское время мы отводили на это около 20%. Современная Европа тратит почти треть. Нынешнее правительство Путина и Кудрина уже который год дает меньше 1%. В этих условиях невозможно нормально работать. Теряется плодородие земли. Уничтожаются леса. Идет загрязнение вод. Не проводятся восстановительные работы» [2, 12].

Законотворческая деятельность нарабатывает необходимые законодательные акты по экологической безопасности общества, государства и личности, с помощью которых можно было бы обеспечить реализацию прав человека по созданию ему необходимых условий для здоровой и культурной жизни, гарантировать гражданам формирование здоровой окружающей среды.

Законодательство Российской Федерации в области обеспечения экологической безопасности личности основывается на Конституции Российской Федерации, Законе РСФСР "Об охране окружающей природной среды", Законе Российской Федерации "Об охране атмосферного воздуха", Законе Российской Федерации "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" и состоит также из законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Экологическое законодательство часто безнаказанно нарушается. Поэтому правовой арсенал для борьбы с экологической несправедливостью должен постоянно расширяться и неукоснительно исполняться. Многое здесь зависит и от инициатив общественности по объединению экологических прав и прав человека на областном и федеральном уровнях. Основопологающим фактором для преодоления угроз существованию человека является «...сильное государство – это сильная и развивающаяся экономика, сильная исполнительная и законодательная власть, надежная

оборонеспособность и безопасность страны, достойные условия жизни народа» [5, 12].

Объектами деятельности по обеспечению экологической безопасности личности могут выступать:

- институциональные преобразования;
- защита атмосферного воздуха;
- защита водных бассейнов;
- борьба с загрязнением почв;
- регулирование шумов;
- преодоление оседания грунта;
- охрана природы;
- финансирование затрат на обеспечение экологической безопасности личности.

В конкретных условиях бытия объектом деятельности граждан по обеспечению их экологической безопасности являются, во-первых, нарушения среды обитания человека: загрязнение воздуха, почвы, воды, шум, вибрация, неприятные запахи, оседание грунта; во-вторых, качественные состояния внешней среды, как условия по обеспечению экологической безопасности личности, выражением которой являются элементы естественной природы, комфортность среды обитания человека, средства воздействия на объекты экологической безопасности личности.

Совершенствование деятельности по обеспечению экологической безопасности личности невозможно без развития культуры. Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. В культуре народа находит воплощение вся историческая практика и опыт жизни народа.

«Птолемей, сподвижник А. Македонского, говорил царю, когда они обсуждали вопрос, почему захватчики, заняв ту или

иную страну, в первую очередь истребляют культурные и исторические ценности: "Очень просто... прекрасное служит опорой души народа. Сломив его, разбив, разметав, мы ломаем устои, заставляющие людей биться и отдавать за Родину жизни. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любовь к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своем славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить свое брюхо" [7, 427].

Таким образом, национальная безопасность государства, в том числе и его экологическая безопасность, непосредственно связана с развитием культуры и социально-экономическим характером строя, основанного либо на общественной, либо на частной видах собственности. Выдающиеся мыслители из истории России предпочтению, как наиболее передовой, чаще отдавали общественной форме собственности. Так, А.С. Пушкин писал: "Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство" [6, 479].

Общественный интерес является нравственно оправданным и способствует эффективному решению вопросов безопасности личности и государства в целом. Поэтому, например, во Владимирской области решение экологических проблем связано, прежде всего, с решением задач в интересах большинства граждан [1], во-первых, путем своевременного выявления негативных процессов, прогнозирования и предотвращения вредных последствий и определения эффективности природоохранных мероприятий; во-вторых, путем осуществления государственного экологического контроля; в-третьих, путем финансирования природно-ресурсного комплекса на основе разработанных в последние годы федеральных и областных программ и мероприятий; в-четвертых, путем разработки природоохранного законодательства; в-пятых, путем создания достаточных и современных мощностей по очистке стоков, выбросов загрязняющих веществ в атмосферный

воздух, захоронению и переработке всех видов отходов; в-шестых, за счет сохранения и расширения сети особо охраняемых природных территорий и зон рекреации.

Таким образом, знание сущности экологических проблем, верное понимание экологической безопасности общества, государства и личности позволяют успешно решать вопросы только с учетом социально-экономических условий государства, его политики и классовых противоречий. Высший уровень экологической безопасности личности зависит от нравственных отношений в обществе и определяется состоянием и характером его культуры.

Литература

1. Устав (Основной Закон) Владимирской области. Глава XVII «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование». Статьи 93, 94, 95, 96.
2. Зюганов Г.А. Крах контрреволюции. М.: Издательство ИТРК, 2011.
3. Биология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гилязов. 3-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Большой юридический словарь / Под ред. А.Е. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998.
5. Видьманов В.М. Оглянись, Россия в опасности! (ответы тем, кто сомневается). М.: ООО «Правда-Пресс», 2011.
6. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т.3. Проза. М.: Худож. литература, 1986.
7. Солоухин В.А. Камешки на ладони. М.: Современник, 1988.

Практика социального страхования в Советской России в 1920-е годы

Морозов А.В. – к.и.н. (*г. Казань*)

В современной исторической литературе существует, по преимуществу, негативная оценка советского прошлого. Большевики упрекают даже в тех грехах, к которым они вовсе не имели никакого отношения. Многие историки, а особенно журналисты, надевшие на себя личины историков, совершенно игнорируют тяжелое наследство, доставшееся советской власти от царизма, да и от демократического Временного правительства. Советская

власть вынуждена была решать проблемы, возникшие задолго до ее появления, и нужно признать, она решала их последовательно, целеустремленно и решительно. Большевики с 1917 г. были заняты не демагогией, которой в 1917 г. прославились меньшевики, а ежедневной рутинной работой по строительству нового советского человека, общества и государства.

Одним из кирпичиков нового советского здания стало социальное страхование. Несмотря на то, что социальное страхование рассматривалось большевиками как буржуазная форма социальной защиты, а потому менее предпочтительная, чем социальное обеспечение, в силу противоречивости процесса формирования нового социалистического строя, оно в 1920-е гг. приспособлялось к общественным потребностям, и, приобретя ряд особенностей, стало важнейшим социальным институтом, обеспечивающим необходимый жизненный уровень советских рабочих и служащих в случае наступления тех или иных социальных рисков.

Важнейшим отличием советского социального страхования от западного явилось освобождение от уплаты страховых взносов рабочих и служащих и переложение всей финансовой нагрузки на работодателей. Тем самым был изменен буржуазный принцип организации социального страхования, по которому в финансировании этой системы участвовали как работники, так и работодатели. Безусловно, это в значительной степени сказалось на финансовой устойчивости органов социального страхования, в первую очередь, на деятельности страховых касс, испытывавших в 1920-е гг. постоянный дефицит средств и вынужденных из-за этого понижать размеры выдаваемых пособий. Но, несмотря на все затруднения, институт социального страхования, особенно в период нэпа, приобрел огромное значение. Специфичным было и проведение в социальном страховании классового принципа, т.е. обеспечения, по преимуществу, пролетарских слоев населения и советских служащих.

В практике социального страхования в 1920-е гг. уживались как дореволюционные традиции, так и социалистические новации. Дальнейшее развитие получило страхование по болезни, перестроенное по территориальному принципу, развивалось страхование от несчастных случаев. Эти два вида страхования оттягивали на себя большую часть финансовых средств соцстраха. При этом советская власть особое внимание стала уделять оздоровлению производства, профессиональной гигиене и санитарии, профилактике травматизма. Большим достижением стало создание государственной классификации групп инвалидности, отсутствовавшей в России до появления советской власти.

Позитивным мероприятием стало создание общестраховых организаций, объединивших в себе все виды социального страхования, что, естественно, сокращало накладные расходы и было более удобным для застрахованных. До второй половины 1920-х гг. в России сохранялась и специальная страховая медицина, финансируемая из средств соцстраха и обслуживающая исключительно застрахованных и членов их семей. Однако в противостоянии с государственной советской медициной страховая медицина проиграла и возродилась только в 1990-е гг., впрочем, как в целом вся система социального страхования.

Признанной заслугой советской власти стало введение социального страхования по безработице, являющегося одним из самых трудоемких, сложных и затратных видов. За исключением нескольких наиболее развитых стран, таких как Германия и Англия, ни одно из западных правительств не пошло на создание государственной системы страхования безработных. В России была выстроена достаточно стройная сеть бирж труда, регистрирующих безработных, направляющих их на постоянные или временные работы, а также в страховые кассы за получением денежных пособий по безработице. Несмотря на незначительные размеры пособий и сравнительно небольшой круг получающих пособия (в конце 1920-х гг. около 40% всех зарегистрированных на биржах

труда), этот вид страхования сыграл большую роль в деле предотвращения деклассирования сотен тысяч рабочих и служащих.

Особого внимания заслуживает опыт организации общественных работ (благоустройство территории, разбор зданий, засыпка болот, строительство дамб, дорожные и мелиоративные работы и др.), в которых по всей стране участвовали сотни тысяч безработных. Общественные работы, пик которых приходился на 1927 г., проводились не только в городской, но и сельской местности. Если на общественных работах в СССР пропускалось в среднем в 1922/23 г. 30 тыс. безработных, то к 1927 г. их число достигло 160 тыс. чел. В конце 1920-х гг. общественные работы утратили свое значение в связи с наблюдавшимся повышенным спросом на неквалифицированную рабочую силу для быстро развивающегося строительства и погрузочно-разгрузочных работ.

Не меньшее значение в период 1920-х гг. приобрела трудовая помощь через производственные и торговые коллективы из числа безработных. В такие коллективы объединялись безработные определенных специальностей и профессий, необходимых для конкретного производства. Из государственных фондов социального страхования и профсоюзных фондов им предоставлялась ссуда для приобретения необходимого помещения, оборудования и сырья. Все предприятия объединений безработных, в том числе и торговые, в течение первых шести месяцев с момента их организации подлежали полному освобождению от промыслового налога, а затем приравнивались к кооперативным организациям. При вступлении в артель численность ее участников не ограничивалась, однако преимущество отдавалось членам профсоюзов. Все вступающие в артель вносили свой пай и 10% чистого дохода сдавали в распоряжение биржи труда. Безработные, занятые в коллективах, должны были, согласно существующим постановлениям, сменяться в среднем два раза в год; следовательно, и общее число безработных, которым предоставлялась трудовая помощь, увеличивалось вдвое.

Во второй половине 1920-х гг. советская власть приступила к регулированию сезонного рынка труда. Для регулирования отхода была развернута в местах отхода специальная сеть корреспондентско-информационных пунктов, в задачу которых входил учет отходников, информация их о местах спроса на труд, а также участие в вербовках рабочих, проводимых биржами труда и хозорганами. В 1927 г. в СССР было организовано 929 пунктов, в том числе в РСФСР – 741. Как правило, эти пункты были организованы в губерниях, дающих наиболее значительный отход населения на промыслы. Часть пунктов была организована в сельских местностях, районах прихода сезонных рабочих. Эти пункты также производили непосредственную посылку рабочих на работу, главным образом, в государственные сельскохозпредприятия. Одновременно, в целях сокращения стихийного отхода сезонных рабочих на заработки, органы труда ввели в практику опыт прикрепления районов проживания тех или иных профессий рабочих торфодобывающей промышленности, древо- и лесозаготовок и др. к районам производства отдельных сезонных работ.

Большое значение в советской России приобрело обучение и переобучение безработных, совершенно неразвитое на Западе. В постановлении ЦК ВКП(б) «О подготовке и обучении рабочей силы» (17 марта 1926 г.) отмечалось, что «подготовка рабочей силы должна рассматриваться не только как обычная разновидность народного образования, но и как одна из важнейших хозяйственных задач». Основными формами подготовки рабочих кадров из числа городских безработных являлись обучение безработных непосредственно на предприятиях по договорам бирж труда с предприятиями, учебные базы акционерного общества «Установка» и специальные курсы при биржах труда. В основном, обучение безработных проводилось по профессиям металлопромышленности и строительного производства. Если в 1927/28 г. в СССР было обучено 49,1 тыс. безработных, то в 1928/29 г. – 83,0 тыс. чел., а в 1929/30 г. – 336,0 тыс. чел. Средств-

ва, расходуемые органами труда на обучение и переобучение безработных, из года в год увеличивались.

Важнейшим мероприятием, неразрывно связанным с социальным страхованием, стало создание системы оздоровления рабочих в домах отдыха, санаториях и курортах за счет соцстраховских и профсоюзных средств. Западная практика совершенно не знала ничего подобного. Отдых рабочих осуществлялся индивидуально и без всякого участия государства в его организации и финансировании.

Однако в связи с ликвидацией нэпа и переходом к социалистической модернизации социальное страхование, развившее столько позитивных направлений, превратилось в рядовую систему материально-бытового обслуживания и стимулирования работников промышленности; средства соцстраха стали частью госбюджета, и весь этот институт утратил свою специфику и особое значение.

Провинциальная историческая наука и борьба с космополитами

Нагорных О.С. – к.и.н. (*г. Нижний Новгород*)

В условиях развернувшейся во второй половине 1940-х гг. «холодной войны», ядерного противостояния оказалась востребована более явственная идеологическая деятельность партии во всех направлениях и идеологическая позиция советских ученых. Престиж советской науки становился все более явным, а обвинения в «низкопоклонстве перед Западом», «антипатриотизме» и «космополитизме» – все более частыми.

После длительного перерыва в 1946 г. возобновляет свою образовательную и научную деятельность историко-филологический факультет Горьковского государственного уни-

верситета. Обширный архивный материал ЦАНО и ГОПАНО, включающий в себя протоколы заседаний Совета историко-филологического факультета, заседаний кафедр, кафедральных, факультетских и институтских собраний, позволяет увидеть и проанализировать те изменения и процессы в отношении исторической науки, которые произошли в послевоенные годы в г. Горьком. После Великой Отечественной войны процесс исторического образования стал все больше приобретать идеологическую форму данных лет. Именно в двух горьковских вузах (ГГУ и ГГПИ) и развернулась идеологическая кампания послевоенных лет, затронувшая историческую науку и вопросы преподавания истории.

Важность и значимость идеологических ориентиров исторической науки обращали на нее пристальное внимание со стороны власти. Заместитель декана историко-филологического факультета ГГУ А.С. Кожевник на заседании Совета историко-филологического факультета 31 марта 1947 г. отмечал: «Преподавание всех дисциплин должно стоять на высоком идейно-политическом уровне, оно должно быть партийным» [1; 181, 18] Советской образовательной системой был взят «на вооружение» именно этот принцип обучения, который в дальнейшем будет реализован «на местах».

Опубликованная 28 января 1949 г. газетой «Правда» редакционная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» послужила сигналом к развертыванию широкой кампании по борьбе с так называемым космополитизмом, с представителями интеллигенции, которые порочили советский строй, которым было чуждо чувство патриотизма и национальной гордости. Волна борьбы с космополитизмом стала неотъемлемой чертой политики, затронувшей систему образования. В советских вузах и академических институтах срочно проводились кафедральные, факультетские и институтские собрания, посвященные борьбе с «безродным космополитизмом».

5 апреля 1949 г. на заседании общеинститутского партийного собрания первичной партийной организации ГГПИ им. Горького в повестке дня первую позицию занимал вопрос «Задачи партийной организации в борьбе против реакционного космополитизма» [2; 52–60], при обсуждении которого отмечалось, что на ряде факультетов развернулась работа по пересмотру учебной литературы, по смене подходов к механизмам направленности программ. Выступивший от имени историков зав. кафедрой истории СССР ГГПИ доцент Н.М. Добротвор сделал резкое заявление, что «...космополитизм не обошел и историческую науку. И здесь те или иные проявления безродного космополитизма имеют место. Но хуже всего то, что и среди преподавателей исторической науки у нас в институте имеются научные работники, которые не только не борются с этим злом, но и сами являются проводниками космополитизма» [2; 57–58]. Добротвор подверг жесткой критике кафедру всеобщей истории, окрестив ее «прибежищем космополитов». Самые серьезные упреки были высказаны Н.М. Добротвором в адрес руководителя кафедры всеобщей истории профессора С.И. Архангельского: «Члены кафедры боятся критиковать Архангельского из уважения к его авторитету, они создали из него какую-то икону. А критиковать его ошибки следует» [2; 57–58]. Идеологический удар пришелся по докладу Архангельского «Историческая наука за 30 лет», который, как утверждалось, содержит в себе много политических ошибок. Добротвор не обошел вниманием изданный в 1937 г. учебник по истории средних веков, содержащий, якобы, много ошибочных положений и порекомендовал «снять из употребления» это пособие. Не менее грубые политические ошибки, по его мнению, закрались и в перевод С.И. Архангельским изданной в 1941 г. книги Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли», по своему идейно-ошибочному содержанию приравненная к «Мамонту» В.Т. Илларионова. Идеологически обвинительно прозвучал конечный вывод Добротвора относительно данного пере-

вода: «Профессор Архангельский в этой книге наделяет Пиренна всевозможными достоинствами. А кто такой Пиренн? Обыкновенный буржуазный ученый-историк, идеология которого прямо противоположна пролетарской идеологии» [2; 57–58]. Итоговая резолюция институтского партийного собрания была категорична: «Задача коммунистов кафедры заключается в том, чтобы вскрыть сущность ошибок указанных ученых в их научных работах, указать им на эти ошибки, помочь им исправить их, а это можно сделать лишь при наличии острой, принципиальной большевистской критики. Не замалчивать ошибок, а критиковать их – этим самым коммунисты кафедры помогут своим товарищам исправить допущенные ошибки» [2; 57–58]. Так борьба с космополитизмом захватывала все сферы учебной, научной и воспитательной работы Горьковского педагогического института.

На учебно-методическом совещании историко-филологического факультета ГГУ 12 апреля 1949 г. в повестку дня был включен вопрос «О реализации приказов министра высшего образования о борьбе с космополитизмом и антипатриотизмом». Заведующий кафедрой истории СССР доцент А.И. Парусов сообщил, что «...в связи с приказом министерства высшего образования о борьбе с космополитами и антипатриотами намечено провести следующие мероприятия: пересмотреть программу 1948 г. по истории СССР, обсудить работу семинарских занятий, повседневно вести борьбу с антипатриотической школой Покровского, проанализировать учебник Тихомирова по источниковедению [3], усилить популяризацию трудов советских ученых-лауреатов, организовать выставку книг, усилить работу по повышению марксистско-ленинского образования среди членов кафедры» [1; 338, 30]. Вместе с названными мероприятиями планировалось усилить контроль за качеством лекций, который должен был осуществляться путем посещения их заведующим кафедрой и взаимопосещением коллег с последующим обсуждением на за-

седаниях кафедры. Данные меры демонстрировали механизм выполнения соответствующих мер, заданных «сверху».

Несмотря на директивно-указательные методы руководства наукой, даже в самый разгар политических кампаний многими учеными ценность научного исследования оставалась первостепенной. Например, лекция профессора С.И. Архангельского на тему «Развитие Англии в первой половине XVII в.», запись которой была оформлена самим автором в 1949 г., содержала огромное количество иностранных источников (Journal of the House of Commons, Journal of the House of Lords, Calendar of State papers, Unwinn «Industrial organization in the XVI–XVII» и т.д.) и лишь 5 ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина. Уйти от надлежащего цитирования классиков в своих научных работах авторы не могли, но старались сохранять объективность исследования и, по возможности, целостность мировой исторической науки. Соответственно она, как и другие науки, находилась в ситуации противоречивого к ней отношения: с одной стороны, советское руководство высоко оценивало роль и значимость науки в социалистическом развитии, с другой стороны, держало науку в жестких идеологических рамках.

Неоднозначная ситуация сложилась с авторитетным горьковским историком – объектом борьбы с космополитизмом В.Т. Илларионовым. 15 сентября 1949 г. на очередном заседании Совета историко-филологического факультета ГГУ постановили: «Представить доцента Илларионова В.Т. к званию профессора как имеющего большой стаж преподавательской работы, имеющего более 25 лет стажа научной работы, утвержденного в ученой степени доктора исторических наук 29 января 1949 г.» [1; 338, 45]. Это было сделано через несколько месяцев после широкой критики его научной деятельности и сравнения его трудов с антипатриотическими. Несмотря ни на какие кампании научный вклад ученых в сообществе горьковских историков оценивался объективно.

Надо однако сказать, что поднятая в центре кампания по борьбе с космополитизмом в исторической науке не получила широкого размаха в регионах. В частности, она слабо касалась деятельности исторического и историко-филологического факультетов г. Горького. Архивный материал демонстрирует, что Ученые Советы немного уделяли внимание данным факультетам, концентрируя внимание на точных дисциплинах. Безусловно, советской исторической науке идеологически был навязан исследовательский метод, но в тот период он оказался объективно отражающим действительность. В этом заключалось основное назначение исторической науки.

Литература

1. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 377. Оп. 8. (В тексте в скобках указаны номера архивных дел и листов).
2. ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. 932. Оп. 1а. Д. 17. (В тексте в скобках указаны номера архивных листов).
3. Речь идет об учебнике М.Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР» 1940 г. В 1962 г. данный учебник был переиздан, поскольку был очень высоко оценен историками за новаторский подход автора к классификации и дефиниции исторического источника.

Всестороннее развитие личности как идеал советского социализма

Панфилова Т.В. – д.ф.н. (*г. Москва*)

Лозунг всестороннего развития личности был провозглашён в Советском Союзе в противовес буржуазным «свободам» и «правам человека». Считалось, что он выражает существенную сторону социализма, поскольку всестороннее развитие личности связывалось с дальнейшим развитием производительных сил и всё более полным удовлетворением постоянно растущих потребностей населения.

Интересно отметить, однако, что такой гуманист, как Э. Фромм, упрекал советское руководство за отступление от принципов социализма именно потому, что вместо свободного развития личности целью советского общества провозглашалась погоня за потребительскими благами. Тем самым «социалистическое» общество превращалось в общество потребительское, т.е. в буржуазное по сути. В этой связи Фромм указывал на принципиальное отличие «марксистской идеологии», принятой в СССР, от учения о человеке, разработанного самим К. Марксом, в соответствии с которым человек в коммунистическом обществе станет абсолютной ценностью, а его деятельность по производству самого себя со всеми необходимыми компонентами своей жизни совпадёт с производством истории.

В советской идеологии закрепилось представление о социализме как о начальной стадии коммунизма, от которой нельзя ожидать полного развёртывания нового общественного качества, – и это верно. Трудно, однако, не согласиться с Фроммом в том, что новое общественное качество – пусть и в зачаточном «социалистическом» состоянии – всё-таки должно проявиться. Иначе придётся признать, что новое общество – это разновидность старого.

Представлено ли социалистическое качество в лозунге всестороннего развития личности? Боюсь, что нет. Несовершенство лозунга, на мой взгляд, вызывалось двумя взаимосвязанными обстоятельствами: 1) уровнем развития производительных сил общества; 2) уровнем теоретического осмысления состояния советского общества и его перспектив.

По идее теория должна была бы помогать осмысливать происходящие в обществе процессы, для чего надо было их отслеживать и давать им научную оценку. В действительности же партийное руководство формулировало некий идеологический постулат, приуроченный к потребности дня, и обществоведам поручалось теоретически обосновать его со ссылкой на классиков. Так

получилось и с учением о человеке: из марксистской теории было выбрано то, что, по мнению партийного руководства, задавало массам идеологически правильный ориентир и в то же время оставалось доступным массовому сознанию. Подобное идеологическое упрощение было применено и к трактовке производительных сил общества. Так, в учебниках указывалось, что главной производительной силой является человек, обладающий навыками работы с техническими приспособлениями. Что же, по мнению авторов тех же учебников, производили производительные силы общества? Либо новые средства производства для дальнейшего расширенного производства, либо предметы потребления для удовлетворения потребностей трудящихся. Если же вдуматься в марксистские первоисточники, речь должна была бы идти о производстве нового человека – носителя качественно новых общественных отношений, при которых «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1, т. 4, с. 447].

Чем объяснить «технический» уклон в понимании производительных сил общества? В первую очередь, реальным их недоразвитием до нового социалистического качества. Всё, что понималось под «материально-технической базой коммунизма», по сути дела, составляло основу развитого индустриального общества, а вовсе не общества социалистического.

В силу исторических обстоятельств, включая Великую Отечественную войну, и к 1960–1970 годам хозяйство нашей страны, думается, всё ещё не представляло собой такой завершённой системы, в которой просматривалось бы новое социалистическое качество. Правда, надо оговориться, что мне так представляется сегодня. В то время теоретическими разработками представлений об общественном развитии занимались люди, включённые в тогдашнее общественное производство и разделявшие его ограниченность, помноженную на желание не утратить высокого положения в партийной иерархии. Неудивительно, что свободное раз-

витие личности тогдашние идеологи истолковали как преодоление жёсткой привязки человека к определённому роду занятий, особенно к специальностям, связанным с физическим трудом. Тогда и родился лозунг всесторонне развитой личности, по сути означавший признание многофункциональности человека, его способности сочетать физический труд с умственным.

Справедливости ради заметим, что, хотя социалистического качества в этом призыве нет, для тогдашнего состояния производительных сил стремление сочетать физический труд с умственным было безусловным шагом вперёд по пути создания основ социализма. Другое дело, что к этому времени пора было бы критически переосмыслить сложившееся положения вещей и, вместо надуманного заявления о полной и окончательной победе социализма в СССР, разобраться, в чём состоит качество социализма и есть ли оно в нашей жизни. Видимо, пришлось бы разработать две программы развития страны: программу-минимум и программу-максимум. Свободное саморазвитие личности наверняка пришлось бы отнести в программу-максимум. На долю же программы-минимум остались бы меры по удовлетворению насущных человеческих потребностей, прямо не связанных с социализмом, но без удовлетворения которых говорить о социализме преждевременно.

Теоретическая непроработанность этого разграничения и отождествление социализма со всем, что делалось в СССР, послужили основой для критики – зачастую справедливой – в адрес «советского социализма» со стороны как буржуазных гуманистов, так и обществоведов из стран народной демократии. Думаю, что имело смысл к ней прислушаться. Это не значит, что со всем надо было соглашаться, но учесть замечания, безусловно, следовало.

К сожалению, наше партийное руководство «приватизировало» учение о социализме, поэтому критику в адрес собственных разработок отвергало с порога. Ещё прискорбнее то, что

многие обществоведы, не желавшие рисковать своим общественным положением, поддерживали этот идеологически упрощённый вариант марксизма. В результате у людей, изучавших марксизм, складывалось впечатление, что всё мало-мальски интересное в изучении человека принадлежит буржуазным учёным, тогда как учение Маркса состоит из одних мёртвых схем, описывающих экономическую структуру общества и необходимость пролетарской революции. Хорошо, если была возможность почитать в спецхране работы зарубежных сторонников Маркса, например, Э. Фромма, из которых становилось ясно, какое внимание уделял Маркс проблеме человека. Те же, кто ограничивался учебной литературой, наверняка до сих пор считают марксизм учением о базисе и надстройке, но никак не о человеке.

Советские обществоведы-идеологи претендовали на роль духовной элиты советского общества, а на деле оказались обыкновенными обывателями, не способными возвыситься над повседневностью. Можно, конечно, в их оправдание сказать, что они и сами жили в условиях идеологических ограничений. Но жаль, что передовые тенденции общественного бытия, особенно связанные с положением человека, так и остались теоретически не осмысленными, не говоря уж об их практической реализации.

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е.

Закономерности развития земельного рынка в России и долгосрочный прогноз его состояния

Семенов С.Н. – д.э.н., **Пашков В.П.** – к.э.н. (*г. Саратов*)

1. Закономерности развития земельного рынка в России.

В России государственные планы решения проблемы продовольственной безопасности, повышения эффективности сис-

темы функционирования агропромышленного комплекса больше связываются с приватизацией средств производства, земли. При этом изменения в формах собственности и в экономических отношениях по ее реализации осуществляются без должного анализа конечных экономических результатов. Объективные исторические тенденции и экономические закономерности развития форм собственности на средства производства, на землю не всегда принимаются во внимание.

Теоретическая оценка изменений структуры земельной собственности предполагает понимание складывающихся в мире основных тенденций ее развития. В мировой практике складываются тенденции перераспределения земли в пользу крупных хозяйств, возрастания роли аренды земли как альтернативы ее купле-продаже, расширения внерыночного движения земельных участков, поддержания государством частной формы собственности на землю через увеличение различных форм государственной поддержки производства на земле, укрупнения объектов земельных отношений и др.

Двадцать лет земельной реформы в России показали, что влияние новых явлений реальной жизни – частной собственности на землю, института купли-продажи земли – во многих случаях оказалось отрицательным. Вместо подъема на новый уровень экономического развития наблюдается застой, даже спад. Начали складываться такие отрицательные тенденции, как раздробление крупных земельных полей на мелкие земельные участки, возрастание площадей заброшенной, а также неиспользуемой земли, сокращение площадей земель сельскохозяйственного назначения, сельхозугодий, пашни. Обозначилась тенденция деградации земельного фонда страны. Возник и растет слой многочисленных посредников, паразитирующих на купле-продаже земли и присваивающих часть совокупного дохода производителей.

Особую сложность проблема сложившейся сегодня структуры форм частной собственности на землю приобретает в свете

реально существующего неравенства уровня экономического развития различных регионов России. Здесь, помимо регионов со средним уровнем социально-экономических показателей, существуют регионы – лидеры-богачи и отстающие регионы – лидеры по бедности. Это неравенство работает на разнонаправленность проводимых земельных реформ в регионах, что подрывает основы федерализма.

В России за 20 лет земельной реформы создан странный, не имеющий аналогов в мире, рынок земли. Во-первых, это рынок малого количества ежегодных сделок и малой ежегодной площади земли. Во-вторых, это рынок ненормальных объектов земельных отношений - в основном земельных долей, а не земельных полей. В-третьих, это рынок с большим весом спекулятивных сделок. В-четвертых, это рынок с большим весом коррупционных сделок при приватизации государственной и муниципальной земельной собственности. В-пятых, это рынок возрастающих теневых сделок. Это подтверждается анализом изменений.

В стране на 1 января 2010 года в частной собственности граждан и юридических лиц находилось 133,5 млн. га, что составило 7,8% земельного фонда страны (табл. 1). Из них площадь земель, находящихся в собственности граждан и их объединений, составила 123,2 млн. га или 7,2%, в собственности юридических лиц находилось 10,3 млн. га или 0,6% земельного фонда России. Площадь земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, составила 1576,3 млн. га или 92,2% от площади земельного фонда страны.

Таблица 1. Сведения о землях, находящихся в частной собственности (на 01.01.2010 г., в тыс. га)

№ п/п	Категории земель	Земли, находящиеся в частной собственности,		Из них в собственности:		
		Всего	Земельные доли, всего	граждан	Земельные доли, всего	юридич. лиц
	Общая площадь по всем 7 категориям земель, в том числе:	33477,6	04838,2	23190,7	03486,2	0286,9
	земли сельскохоз. назначения	29306,7	04761,9	19502,8	03413,8	803,9

земли населенных пунктов	991,1	5,3	637,6	1,4	53,5
Земли промыш-сти, транспорта, связи	40,5	,3	7,8	,3	22,7

(Источник. Составлено по данным государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в РФ в 2009 году. Табл. 1.13, стр. 49).

Земельные доли граждан (включая право в общей совместной собственности) в земельном фонде страны составили 6,1% (104,3 млн. га) или 78,1% земель, находящихся в частной собственности в целом по стране (табл. 2).

Таблица 2. Сведения о динамике земельных долей в России

№ п/п	Наименование	1998 г.	2009г.	1998 г. к 2009 г. (+ \-)	Среднегод. Изменение
1.	Земли сельскохозяйственного назначения: общая площадь земельных долей (млн. га) – количество граждан – собственников земельных долей (млн. чел.)	115,4 11,8	104,3 9,8	-11,1 -2,0	-1,1 -0,182
2.	Из них земельные участки общей долевой собственности, сформированные и зарегистрированные после вступления в силу ФЗ от 24.07.2007 № 101-ФЗ: – общая площадь (млн. га) – количество (млн. участков)	-	19,1 0,4	-	-

(Источник. Рассчитано по данным государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в РФ в 2009 году. Табл. 1.14, стр. 50).

Итак, по землям сельскохозяйственного назначения имеем следующее.

При среднегодовой динамике уменьшения площади земельных долей в 1,1 млн. га земельные доли на площади в 104,3 млн. га полностью исчезнут через 95 лет, т.е. к 2104 году.

При среднегодовой динамике уменьшения собственников земельных долей в 0,182 млн. человек число собственников земельных долей в 9,8 млн. человек сократится до нуля через 54 года, т.е. к 2063 году.

Анализ земельных сделок в течение последних двадцати лет показал, что процесс купли-продажи земли и прежде всего земельных долей характеризуется слабой динамикой развития. При этом устойчиво развиваются арендные отношения.

В 2009 году в России было продано земли из государственной и муниципальной собственности площадью в 610,74 тыс. га, в 2008 году – 503813,3 га. Земельные участки покупались гражд-

данами, в основном, для индивидуального жилищного строительства, личного подсобного хозяйства и садоводства, а также организациями для организации промышленного производства. За 2009 год граждане выкупили для этих целей 243000 земельных участков площадью 160,37 тыс. га, при этом средняя площадь участка, приобретенного в собственность, изменилась с 0,15 га до 0,66 га.

Таблица 3. Структура сделок с земельными участками в России

Виды сделок	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.
	Кол-во сделок, тыс. ед. (площадь, тыс.га)	Кол-во сделок, тыс. ед. (площадь, тыс. га)			
1. Аренда государственных и муниципальных земель	3621,1 (68230,4)	3737,6 (104827,0)	3628,1 (114103,4)	3677,3 (114531,9)	3514,6 (113081,8)
2. Продажа прав аренды государственных и муниципальных земель	5,9 (23,3)	7,1 (125,0)	13,8 (149,3)	15,7 (315,9)	22,4 (326,4)
3. Продажа государственных и муниципальных земель	154,7 (91,4)	176,8 (262,8)	233,7 (369,4)	292,8 (503,8)	350,7 (610,7)
Итого действующих сделок с государств. и муницип. Землями	3781,6 (68345,2)	3921,4 (105214,8)	3875,7 (114622,0)	3985,8 (115351,6)	3887,7 (114018,9)
4. Купля-продажа земли гражданами и юридическими лицами	378,2 (294,0)	400,1 (467,7)	405,7 (560,3)	473,2 (1067,3)	520,2 (3159,6)
5. Дарение	1,8 (57,5)	43,4 (70,4)	49,7 (126,6)	73,3 (335,0)	117,8 (10583,0)
6. Наследование	147,76 (133,8)	165,8 (524,4)	162,2 (336,1)	218,2 (596,2)	314,6 (4116,3)
7. Залог	7,5 (17,0)	14,4 (169,4)	25,9 (198,9)	30,0 (416,6)	43,9 (902,7)
Итого сделок между гражданами и юридическими лицами	565,2 (502,3)	623,7 (1231,8)	643443 (1221,8)	794,8 (2415,2)	996,5 (18761,6)
Всего сделок с учетом всех действующих договоров аренды	4346,8 (68847,4)	4545,1 (106446,6)	4519,1 (115843,9)	4780,6 (117766,7)	4884,2 (132780,5)

(Источник. Рассчитано по данным государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в РФ в 2009 году. Табл. 4,1, стр. 160).

В целом площадь продаваемых в год земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, незначительна и составляет тысячные доли процента от их общей площади.

Возрастает количество теневых сделок. В 2009 году по сравнению с 2006 годом возросли площади земель по: дарению с 70355 га до 10582962 га; наследованию с 524352 га до 4116337 га (табл.3).

Отмечается неравномерность распределения земельных сделок по регионам страны. Здесь из-за больших различий в обеспеченности земельными ресурсами возникло и возрастает влияние региональных факторов на конечные результаты земельной реформы в целом по Федерации. Назрела необходимость ликвидации излишних, в первую очередь коррупционных и спекулятивных перераспределительных земельных процессов, ликвидации экономической основы радикальной дифференциации региональной земельной политики и укрепления единой федеральной земельной политики. Для большинства регионов сегодня характерной является готовность к проведению единой федеральной земельной политики при укреплении и расширении государственной земельной собственности.

2. Прогноз изменений в структуре форм земельной собственности и ее экономической реализации

В методологии прогнозирования необходимо опираться на исторические тенденции в изменении структуры форм собственности, что предполагает использование экстраполяции среднегодовых темпов роста долей тех или иных форм собственности на землю с определенными поправками на периоды снижения и оживления активности в сельском хозяйстве, на факторы ограничения или ускорения изменений. Возможно использование в качестве поправок экспертных оценок специалистов в области земельной собственности.

Методологически соответственно трем основным различающимся социально-экономическим системам мира можно рассматривать и прогнозировать три варианта или три плана предстоящей реформы земельной собственности в России, соответственно и три подхода к оценке результатов 20-летней радикальной земельной реформы.

Первый – радикально рыночная реформа, т.е. вариант тотальной приватизации государственной собственности. Второй – социально ориентированная рыночная экономика европейского

типа с умеренной приватизацией. Третий – многоукладная планово-рыночная экономика, т.е. вариант реформы в Китае и Белоруссии.

Встает вопрос о выборе менее затратной формы экономической системы: американской, европейской или китайско-белорусской. Издержки на обслуживание экономической системы являются наименьшими в многоукладной планово-рыночной экономике китайского или белорусского образца. Наибольшими они являются в рыночно-либеральных экономиках американского или английского образца.

Поэтому с точки зрения экономии средств, ресурсов целесообразен переход к модели экономической системы промежуточной между европейской и китайской, а в отношении земельной собственности – к модели структуры ее форм с ведущей ролью государственной собственности и даже к модели с монополией государства на землю, как в Китае и Белоруссии.

Модель 1. Государство монопольно владеет всей землей с реализацией собственности через аренду и продажу прав аренды. В этом случае все земельные поля и участки входят в рыночное и во внерыночное, внутрихозяйственное и общественное движение без необходимости выделения на них индивидуальных земельных долей.

Модель 2. Государство и частный сектор граждан и организаций владеют землей поровну. При этом государственная половина земельных долей и участков входит в общественное движение через аренду и продажу прав аренды без излишней процедуры деления на индивидуальные земельные доли. Структура частного сектора сохраняет широкий спектр многоукладности: от мельчайшего до крупнейшего, от индивидуальных собственников земельных долей до земельных латифундистов.

Модель 3. Частный сектор может владеть 75% земли, а государство и местные органы власти не более 25%. При этом земельные поля и участки входят в общественное движение: в частном секторе через рынок, в нечастном через аренду и продажу прав аренды.

По нашей экспертно-аналитической оценке, соотношение экономических и политических факторов в стране работает в настоящее время на переход к модели земельных отношений, являющейся промежуточной между первой и второй моделями.

Эта модель, определенная по критерию существующих сегодня в мире исторических тенденций, в том числе по возрастанию доли и роли государственной собственности, может прогнозироваться с наибольшей вероятностью, поскольку анализ существующих сегодня тенденций в изменениях земельной собственности и поземельных отношений в России говорит о совпадении общемировых и российских тенденций.

Объективно необходимо учитывать и такой экономический фактор влияния на переход к той или иной модели земельной собственности как фактор государственной поддержки производства в сельском хозяйстве. Наименьшая поддержка будет работать на вытеснение государственной и муниципальной собственности на землю и на расширение господства частной собственности на землю, т.е. на переход к третьей модели. Повышение уровня поддержки с существующего сегодня в 50 долл/га до 250 долл/га будет работать на повышение эффективности производства на землях с государственной собственностью. Соответственно можно прогнозировать переход к модели с ведущей формой государственной земельной собственности и даже с ее монополией. При среднем уровне поддержки (в пределах 7–10% от уровня поддержки в ОБСЕ) можно прогнозировать переход к модели с равенством долей государственной и негосударственной форм земельной собственности.

Складывающиеся в стране исторические тенденции в изменениях форм собственности на землю, структуры рыночных сделок с земельными участками и др. позволяют прогнозировать течение событий надолго вперед.

Однако сегодня не уделяется достаточного внимания предвидению будущего в состоянии общественно-экономических земельных отношений, соответственно расчетам альтернативных вариантов прогнозов изменения в структуре форм собственности на землю.

В работе проведен расчет альтернативных вариантов прогнозов изменения в структуре форм собственности на земли сельскохозяйственного назначения до 2030 года на основе уже сформировавшихся тенденций с предпосылкой их сохранения. Прогноз строился по двум вариантам (табл. 4). По анализу тенденций в изменениях форм собственности на землю получен пессимистический вариант прогноза. По анализу тенденций в изменениях структуры рыночных сделок с земельными участками – достаточно оптимистический вариант прогноза. При сохранении существующих в последние годы тенденций в изменении структуры форм собственности на землю к 2030 году: 1) площади используемых сельскохозяйственных угодий у сельскохозяйственных организаций сократятся наполовину, у хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств возрастут на 30–40%; 2) значительно возрастет доля частной собственности, доля государственной и муниципальной собственности сократится до минимума; 3) земельные доли значительно уменьшатся; 4) частично сохранятся невостребованные земельные доли. Это прогноз пессимистический. Однако этот прогноз по собственности опровергается прогнозом оптимистическим, выполненным по анализу показателей сделок. Так, при сохранении существующих сегодня тенденций в изменении структуры рыночных сделок с земельными участками, к 2030 году: 1) государственная собственность на землях сельскохозяйственного назначения сохранит свои веду-

щие позиции; 2) площадь аренды таких земель будет занимать основную часть площади земельного рынка; 3) аренда земель станет основной формой реализации собственности, в первую очередь государственной, преимущественно на нее перейдет и частная собственность.

Оптимистический прогноз более реален. На него работает то, что основным фактором отказа и сдерживания гражданами приватизации государственных и муниципальных земель в стране сегодня является низкая конкурентоспособность частной собственности в сравнении с арендой земельных участков государственной и муниципальной собственности.

Таблица 4. Прогноз изменения площади земельных долей в России до 2030 года (на 01 января 2010 г. в тыс. га и в %)

Годы	Земельные доли, всего (в тыс. га и в %)	Из них:		
		Земельные доли в собственности граждан	Невостребованные земельные доли	Земельные доли в общей собствен. с.х. организаций
1990	115000.0 (100%)	-	-	-
2001	112000.0 (97.4)	102535.0 (91.5)	24140.0 (21.6)	813.0 (0.73)
2010	107435.0(93.4)	80999.1 (75.4)	25589.0 (23.8)	846.6 (0.79)
Прирост +, уменьшение -, 1990-2009	-7565.0 (6.6)	-21535.9 (21.0)	+1449.0 (6.0)	+33.6 (4.1)
Среднегодовое изменение площади	-398.2 (0.3)	-2392.9 (2.3)	+181.1 (0.75)	+4.2 (0.52)
Изменение площади к 2030г.	-8362.2 (7.8)	-50250.4 (62.0)	+3803.1 (14.9)	+88.2 (10.4)
Всего останется к 2030 г. (площадь в тыс. га и в %)	99072.8 (92.2)	748.7 (38.0)	2.1 (114.9)	8 (110.4)
		30	2939	934.

(Источник. Рассчитано по данным Росреестра РФ. <http://www.rosreestr.ru/cadastre/condition/>.)

Согласно прогнозу, исчисленному по последнему 20-летнему временному интервалу со среднегодовым изменением площади земельных долей, их площадь в России к 2030 году, при отсутствии радикальных изменений в проводимой сегодня земельной политике, составит 99072.8 тыс. га, т.е. 92.2 % от их площади сегодня (табл. 4).

В стране в результате 20-летней земельной реформы возникло крайне не благоприятное и тупиковое состояние поземель-

ных отношений, причем на длительную перспективу. Один из путей выхода из такого положения состоит в выборе наиболее оптимальной, экономически наиболее эффективной структуры форм собственности на землю и экономических форм их реализации.

Теоретически путь выхода из складывающегося сегодня типа земельной реформы должен соотноситься с историческими долговременными тенденциями в развитии форм земельной собственности. В этом плане следует исходить из того, что государственная земельная собственность уже сегодня занимает важное место в сельском хозяйстве большинства стран мира, она расширяется и укрепляется. В относительно отдаленной перспективе ей будет принадлежать решающая экономическая роль. Поэтому сегодня в России необходимо отказаться от нежизненной радикально-реформаторской схемы земельной реформы 20-летней давности и постепенно переходить к концепции укрепления и расширения государственной земельной собственности.

На начальном этапе коррекции земельной реформы имеются возможности вернуть значительную часть сельскохозяйственных земель в государственную собственность. Считаем, что необходимо их возвращать сначала в собственность субъектов федерации. На начальном этапе временно могут сохраняться разные формы земельной собственности. В государственную собственность необходимо перевести бесхозные и заброшенные земли. Необходимо выкупить и временно неиспользуемые угодья. Законодателей следует переориентировать на разработку механизмов передачи земель частной долевой собственности под контроль государства. Некоторые субъекты РФ уже встали на этот путь.

Задачей начального этапа новой земельной политики должно стать собирание земель, их государственная концентрация и централизация. Выполнить эту задачу могли бы специально созданные районные, областные и федеральные фонды собирания и распределения земель. Простая аренда и продажа прав аренды

должны стать основными формами реализации государственной земельной собственности.

Россия имеет возможность обеспечить не только собственную продовольственную безопасность, но и стать гарантом продовольственной безопасности многих других стран мира. Для этого необходимо положительно задействовать институт земельной собственности.

Кубинская тематика на страницах журнала

«Латинская Америка» в 1990-е годы

Смирницкий А.Е. – к.и.н. (*г. Нижний Новгород*)

Девяностые годы двадцатого века были объявлены на Кубе «особым периодом», который характеризовался нарастанием экономических трудностей в связи с распадом социалистического содружества и крушением мировой системы социализма. Изменилось и восприятие Кубы населением бывших социалистических стран, в том числе и России. Если раньше Куба рассматривалась как оплот революции и прогресса, то в начале 1990-х как «пережиток тоталитаризма в Западном полушарии».

В этой связи представляет интерес позиция академических средств массовой информации в отношении Кубы, в частности журнала «Латинская Америка» – органа Института Латинской Америки РАН, так как авторы этого журнала были специалистами по данной стране и черпали информацию о Кубе не из досужих домыслов, а из первоисточников. Кроме того, представляется немаловажным проследить эволюцию взглядов академических кругов на перспективы развития Республики Куба и то, как этот процесс осмысления и переосмысления отразился на количестве и качестве публикаций журнала.

Следует отметить, что с начала 90-х гг. XX в. тематика публикаций, посвященных Республике Куба, кардинально изменилась. Рыночные преобразования в РФ и демонтаж советской системы вызвали пессимистические оценки дальнейшего развития социалистической Кубы. Многие полагали, что Куба в скором времени повторит опыт России. В этой связи характерна публикация М.А. Белой и ее оценка перспектив дальнейшего развития социалистической Кубы. «Если поставить под сомнение возможность политического взрыва (не исключая его полностью), то перед Кубой реально открывается путь стагнации – экономической, политической и социальной. Иными словами, путь в никуда, который при определенных условиях может оказаться относительно долгим», – отмечала автор [1, 14]. Характерно, что в ряде публикаций авторы осмысливали кубинский опыт в терминах, применявшихся для оценки российских реалий рубежа 1980–1990-х гг. («Проблеска в конце туннеля нет», «Изменения в тактике при отсутствии стратегии»), что неизбежно искажало реальную ситуацию на острове. Крайним выражением данной позиции было выступление А.А. Ципко – одного из «демократов» первой волны. На Международной конференции «Россия–Куба: от тоталитаризма к демократии» он в духе того времени призвал собравшихся «сбросить атомную бомбу правды на кубинский режим Ф. Кастро» [2, 20].

В те годы на страницах журнала кубинская тематика существенно расширилась за счет появления статей и интервью с кубинскими эмигрантами и представителями кубинской диаспоры во Флориде, чьи взгляды по понятным причинам не находили раннее отражения в советской прессе. Характерно, что их позиция по отношению к политической системе Кубы неоднозначна, как и оценка ее лидера Ф. Кастро. Если бывший команданте Повстанческой армии в период кубинской революции 1959 г. Карлос Франки утверждал, что «Фидель Кастро политически мертв, ибо стал персонажем анекдотов», то известная кубинская поэтесса-

диссидентка Мария Элена Крус Варела заявила о выходе из активной оппозиции режиму Кастро. По ее мнению, «самое серьезное нарушение прав человека – это «акт Торричелли», ибо отказать ребенку в праве на пищу или получение необходимых лекарств – одно из вопиющих нарушений прав человека. Сейчас я твердо верю, что кубинское правительство готово демонстрировать добрую волю, не поступаясь при этом принципами» [3, 82].

На страницах журнала публиковались не только антикастровские материалы, но и статьи аналитиков, симпатизирующих социалистической Кубе, а также интервью кубинских государственных деятелей. Их позиция заслуживает внимания, так как позволяет понять устойчивость кубинской политической системы. Оценивая события, происходившие в СССР в период «перестройки», и рыночные преобразования в России, официальные лица Республики Куба обращали внимание на издержки происходивших там реформ и неприемлемости их для Кубы. Так, в интервью журналу президент Торговой палаты Республики Куба Хулио Гарсиа Оливарес отметил, что «проблема заключается в том, чтобы найти разумное сочетание экономической эффективности с социальной справедливостью. Многие поют аллилуйю свободному рынку, а как он может сочетаться с экономической блокадой и эмбарго, мало кто задумывается» [4, 28].

Официальные представители Республики Куба, в противовес расхожим представлениям, в своих заявлениях, опубликованных на страницах журнала, демонстрировали уверенность в прочности существующей власти. Отвергая обвинения политических противников в тоталитарности кубинской политической системы, посол РК в России Хосе Рамон Балагер Кабрера обращал внимание на то, что «кубинская революция не навязана кем-то, не экспортирована из другой страны. Она родилась на Кубе в конкретных местных условиях. Она стала следствием жестокой эксплуатации, существовавшей в стране, она освободила народ. Именно народ Кубы ее совершил, а потом сам защищал, участвуя

во всех политических и военных акциях. Это не были акции какой-то правящей группировки, руководство страны всегда было вместе с народом, являлось его частью, действовало в его интересах. Поэтому бессмысленны и нереальны попытки отделить руководство от народа» [5, 42].

Данная позиция нашла развитие и в статьях кубинских экспертов. Так, Сантьяго Перес, характеризуя настроения рядовых кубинцев, отмечал, что «большинство населения восприняло критическую ситуацию в стране как результат воздействия неблагоприятных факторов, не зависящих от кубинского руководства и потому оказывало ему традиционную поддержку» [6, 32].

Оценивая вариант демонтажа существующей на Кубе политической системы, Луис Ортега подчеркивал, что «никакой порядочный и сознательный кубинец не будет служить американским интересам в разрушенной стране, залитой кровью. Только люди с низким уровнем сознательности и морали, готовые обманывать и брать взятки будут «восстанавливать» Кубу, как они это называют». Далее автор делает парадоксальный, но, на наш взгляд, весьма верный вывод: «США, навязав свою политику Кубе, оказались бы в более сложных условиях, чем сейчас, когда у власти стоит Фидель» [7, 26–27].

Несмотря на сохранение на Кубе прежней политической системы, в оценке советского опыта у официальных лиц и кубинских экспертов произошли серьезные изменения. Акцент в их выступлениях был перенесен с лозунгов построения и развития социализма на отстаивание идей национального единства. Уважение к достижениям СССР сочеталось со стремлением несколько дистанцироваться от советского опыта. Из материалов журнала в наиболее концентрированном виде эта позиция представлена в статье Луиса Ортеги. По его мнению, «альянс с Советским Союзом был вызван лишь конъюнктурными соображениями. США умышленно отдали Фиделя Кастро в руки Москвы» [7, 26].

Большое значение для понимания стратегии развития Кубы в 90-е гг. XX века имеют фрагменты интервью Рауля Кастро, данное им газете «Соль де Мехико», опубликованные в журнале. Он категорически опровергает представления о Кубе как о хлебнике СССР. «Вооружение, которое поставлялось нам из СССР безвозмездно, являлось помощью нашей стране, и мы всегда будем помнить об этом с благодарностью. Однако, чтобы оценка была справедливой, следует добавить, что в условиях конфронтации двух систем – социалистической и капиталистической, военные отношения с Кубой обеспечивали СССР большие преимущества... Наш маленький остров имел огромное стратегическое значение – ведь не зря на нашем гербе он представлен символическим ключом к Мексиканскому заливу. Если бы помощь, оказанная нами СССР в этом отношении, а также риск, которому мы себя подвергали, можно было измерить в материальных ценностях, то Куба была бы не должником, а кредитором бывшего СССР» [8, 22–23]. Из высказываний Р. Кастро ясно, что еще в начале 1980-х гг. кубинское руководство взяло курс на проведение самостоятельной политики по отношению к СССР. По словам Р. Кастро, импульсом к этому стала война в Афганистане, когда советское руководство, по его словам, дало понять, что не сможет помочь Кубе в случае военного конфликта.

Таким образом, материалы журнала «Латинская Америка» позволяют выяснить особенности политического развития Кубы в особый период. Следуя академическим традициям, редакция журнала представила весь спектр оценок развития и перспектив Республики Куба. При этом содержание и направленность публикаций существенно менялись, что отражало, прежде всего, изменение общественных настроений в нашей стране. Если до середины 90-х гг. XX века преобладали публикации негативно или пессимистически оценивающие дальнейшие перспективы существующего на Кубе режима, то с середины 1990-х гг. преобладают оценки более взвешенные, исчезают публикации кубинских

эмигрантов и в то же время увеличивается количество публикаций кубинских официальных лиц и экспертов. Последние особенно ценны тем, что позволяют понять, почему Куба выстояла в 90-е гг. XX века. Более того, их позиция нашла поддержку у умеренной части кубинских эмигрантов и диссидентов, активно выступавших против планов интервенции и экономической блокады острова.

Литература

1. Белая М. Куба: что дальше? // Латинская Америка. 1991. № 10–11.
2. Международная конференция: Россия–Куба: от тоталитаризма к демократии // Латинская Америка. 1991. № 10–11.
3. «Я выхожу из активной оппозиции, но это не отречение». Мария Элена Крус Варела – поэтесса. Интервью корреспонденту журнала «Конструкто» Лоренсо Гонсало // Латинская Америка. 1993. № 12.
4. Хулио Гарсиа Оливарес. Социализм на Кубе – наше частное предприятие // Латинская Америка. 1991. № 6.
5. Хосе Рамон Балагер Кабрера: «Мы преодолеем все трудности». Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом РК в России // Латинская Америка. 1992. № 10–11.
6. Сантьяго Перес (Куба). Карибы и Центральная Америка после распада СССР // Латинская Америка. 1993. № 10.
7. Луис Ортега (Куба). Критический взгляд в будущее (точка зрения) // Латинская Америка. 1997. № 8–9.
8. Доводы и откровения Рауля Кастро. Фрагменты интервью корреспондента Марио Васкеса Раньи (газета «Соль де Мехико») // Латинская Америка. 1993. № 9.

Становление опыта государственного регулирования экономики в годы Гражданской войны (по материалам Самарской губернии)

Тулузаков В.Ф. – к.и.н. (*г. Самара*)

Как кто-то когда-то остроумно заметил: «Истина – не всегда очевидна, а очевидное – не всегда истина». На первый взгляд так называемая политика «военного коммунизма» большевиков во время Гражданской войны – это факт, не подлежащий ни сомнению, ни переосмыслению. Факт, подлежащий лишь определению.

Тому определению, что политика «военного коммунизма» была либо попыткой достичь коммунизм в «один прыжок», либо вынужденной и, уже потому, безалаберной мерой, продиктованной как авантюризмом победителей «октябрьского переворота», так и нуждами Гражданской войны.

Все это кажется вполне логичным и справедливым, если опираться на предположения, что большевики действовали в своей дилетантской политике исключительно методом «тыка». То есть, не считаясь с условиями и не разбираясь в средствах. Путаюсь в методах. При том, что есть повод считать иначе. Иначе в том смысле, что можно предположить наличие в большевистской политике продуманности, логичности и основательности. То есть, тех качеств, обладая которыми, большевики смогли видоизменять свою деятельность во время войны в зависимости от практических условий вообще и условий конкретного этапа своей политики, в частности. Как, например, делает хирург, меняя инструменты в своих руках по ходу операции.

Но вернемся к материалу историческому. Приходилось слышать, что большевистская приватизация, осуществленная под лозунгом «Красногвардейская атака на капитал», была акцией изначально «провальной» – крайне неудачной и совершенно бессмысленной. Почему и была уже в 1918 г. Лениным прекращена. И заменена новой политикой. С опорой на лозунг «Учет и контроль». Все объяснения Ленина на этот счет, в том смысле, что «мы вовсе не признаем ошибкой победоносную кавалерийскую атаку»[1, 177], стали восприниматься как стандартные политические увертки, неуклюжее желание неудачливого политика сохранить хорошую мину при плохой игре. Однако необходимо не упускать из виду два обстоятельства. Во-первых, надо видеть иные следствия той политики. Во-вторых, расценивать названные следствия национализации следует в комплексе иных мер политики военного коммунизма. Той политики, в которой приватизация промышленности, равно как «продразверстка» в сельском хо-

зайстве, были мерами всего лишь тактического плана. При наличии продуманной и вполне обоснованной стратегии. Что, кстати сказать, стало, в конечном итоге, отличительным признаком политики большевиков. По сравнению с политикой их конкурентов. Как «слева», так и «справа».

Понятно, что в годы войны главная задача для любой политической силы выстоять и победить. При особом значении ответа на следующий вопрос: «Какой ценой?» Противники большевиков – как «белые» военные диктаторы, так и «розовые» правительства КОМУЧА склонялись к выводу, что «любой...» (Что их, в конечном счете, и погубило). Сами же большевики, как это ни удивительно при шаткости их положения, думали иначе и предпочитали строить свою политику перспективно, основательно, то есть «всерьез и надолго». В этой связи весьма показательна информация, почерпнутая из статьи Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина»[2]. Питирим Сорокин [3] – фигура в российской политике проходная [4, 7] и в российской истории – малозаметная [5]. Собственно говоря, самую большую историческую известность этот американский социолог приобрел благодаря Ленину, имя которого впоследствии активно поносил. С очевидным злорадством и немалым удовольствием [6, 11].

При том, что Ленин расценил уход из политики [7] этого сторонника политического террора (правого эсера) без особых личностных характеристик, но как ЗНАК. Как знак поворота в сторону революции, можно сказать (по Ленину), «мелкобуржуазной стихии», а, можно сказать (попросту), российского крестьянства и российской интеллигенции. Как поворот в сторону еще совсем не социализма, но здравого смысла. Показательно, что Ленин в той статье рассуждал не как обычный политик, а как вполне искусный историк, психолог и политолог. В его рассуждениях по поводу названного частного факта были логично сплетены задачи внутривнутриполитические и задачи внешнеполитические. В частности, признав унижительность для русского национального са-

мосознания Брестского мира с Германией, Ленин совершенно справедливо указал на наметившуюся в общественном сознании метаморфозу в характеристике этого акта советской политики. От абсолютного неприятия к угрюмому согласию. Иначе говоря, среднероссийский обыватель в конце 1918 г. начал понимать то, что большевики поняли в конце 1917 г. Понял, что иначе было нельзя, что так оно и должно было быть.

Питирим Сорокин, не признаваясь в этом, да и, вообще, ни в чем не признаваясь [8], но обладая важной для политики социальной ценностью, понял то же самое. Это мнение профессионального социолога, члена весьма влиятельной крестьянской партии стало для Ленина, как для внимательного аналитика, датчиком обратной связи народа и власти. В текущей политике. Отметим также, что этот факт невольного «обмена информацией» выгодно характеризовал обе стороны. Характеризовал через свойство, которое вполне можно было бы определить как основательность. Имея в виду ту основательность, которая является антиподом фанатизма и авантюризма. В чем, кстати сказать, большевиков до сих пор нередко обвиняют. Ссылаясь на их призыв к мировой революции [9]. Отчего основательно искажается политическая биография В.И. Ленина, но особенно достается Л.Д. Троцкому. Этот «Демон революции», по мнению весьма многих антикоммунистически настроенных историков, только и думал о том, чтобы разжечь мировую революцию, используя для растопки несчастную Россию. В доказательстве необоснованности такого вывода в небольшой статье стоит обратить внимание лишь на три обстоятельства. Первое. Не надо путать политику с идеологией. Как заметил один из современных юмористов: «Неважно какое слово на сарае написано. На самом деле там дрова лежат». Второе. Надо признать, что современные историки, по разного рода причинам, плохо представляют материальные возможности, детальную организацию и шансы на победу европейского революционного движения. Революционного движения того – послевоенного пе-

риода. Третье. Практическая политика большевиков никогда не ориентировалась на умозрительные величины [10, 97], будучи предельно конкретной и прагматичной. Что нетрудно доказать, как с опорой на вывод Ленина о возможности победы социализма первоначально в одной стране [11, т. 26, с. 354], так и сославшись на упомянутое уже заключение Брестского мира с Германией [12, 11].

Возвращаясь к теме основательности большевистской политики, заметим, что Пителим Сорокин в качестве датчика обратной связи по ходу определения перспектив советской политики – явление ценное, но уникальное. В значительной степени – случайное. Поэтому вопрос остается. И заключается он в том, насколько у большевиков все получилось чисто случайно, а насколько – вполне закономерно. Ответ содержится, прежде всего, в достигнутых результатах. Но не только в них.

Обратим еще раз внимание на внутреннюю политику большевиков по ходу Гражданской войны. Не только в центре, но и на местах. По факту «триумфального шествия Советской власти» не было [13]. Но было, с одной стороны, стремление коммунистов зацепиться за власть, не брезгуя полумерами и компромиссами, а, с другой стороны, их желание действовать максимально продуктивно. С учетом условий конкретного положения. Для чего большевики в центре и на местах хотели знать больше, и знать в деталях не только все свои потребности, но и все свои возможности. То есть, по сути, знать состояние дел в своей стране, в своем государстве, у своего народа. Знать все это практически (экономически, социально, политически), а не умозрительно. По ярко выраженному в нашей историографии варианту Бунина, Ильина, Короленко и Розанова.

Помнится, в свое время при подготовке диссертации меня поразило обилие в местном архиве статистических материалов периода Гражданской войны. Факт – уже сам по себе достойный удивления, если не изумления. Поскольку надо понимать, что,

испытывая в 1918–1920 гг. колоссальные трудности в организации советской власти, в создании Красной армии, в обеспечении этой армии и страны продовольствием, большевики сделали все возможное для того, чтобы сохранить в центре и на местах земскую статистику [14, т. 3, с. 468]. В той же Самаре по восстановлению Советской власти в октябре 1918 г. «Оценочно-статистическое бюро губернской земской управы» было преобразовано и поставлено в штат как «Губернское статистическое бюро Самарского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Более того, с августа 1918 г. начались, как известно, Всероссийские промышленная и профессиональная переписи населения. По ряду вопросов статистические данные собирались за 5 лет (с 1913 по июнь 1918 гг.). В Самарской губернии эта перепись прошла в начале 1919 г [15; 44–45].

Наличие таких фактов в истории говорит, как минимум, об основательности намерений революционной власти. При том, что в этом качестве их значение, конечно же, нельзя преуменьшать также, как и преувеличивать. В распоряжении историков нет данных о методике работы местных статистиков. Не выяснены обстоятельства получения информации с мест (особенно из сельской местности) в то время. При том известном факте, что проведение вышеназванной промышленной переписи затянулось, и это не могло не снизить оперативное значение ее данных.

Помня об этом, будем помнить и о следующем, может быть, решающем средстве вмешательства советской власти в российскую экономику. Обратим внимание на то, что весь период Гражданской войны – это, в политическом смысле, период борьбы централизма с сепаратизмом. Большевики выстояли и победили не в последнюю очередь потому, что сумели вовремя и диктаторски настоять на сохранении централизованного государства. Победили, став в тех российских условиях **ПОЛИТИЧЕСКИМИ МОНОПОЛИСТАМИ**. При всех издержках этого акта в стране наконец-то появился **ХОЗЯИН**. Тот хозяин, который по-

бедил БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ. Бесхозяйственность, отраженную и в «беспределе» российской демократии образца 1917 г., и в дрязгах по поводу субординации белогвардейских диктаторов, и в несогласованности действий их зарубежных покровителей и спонсоров. Победил, скажем честно, не только умением «считать варианты», но и посредством совсем не безупречной, но достаточно эффективной кадровой политики. Той политики, которая опиралась, с одной стороны, на использование самой широкой демократии («Кто был ничем – тот станет всем!»), а с другой стороны, на жесткий контроль снизу доверху. Контроль за принятием и исполнением как политических, так и экономических решений. Контроль скрупулезный и тщательный. До примитивности. Среди материалов обширной переписки исполнительных комитетов сельских, волостных, уездных и губернского советов Самарской губернии во время Гражданской войны львиная доля принадлежала опросным листам. Которые представлялись по команде. Еженедельно или раз в две недели. Они были составлены так, что с их заполнением могли справиться даже полуграмотные секретари сельсоветов и волисполкомов. В результате самый массовый и распространенный датчик обратной связи советской власти и подвластного ей населения появился и заработал. Что в совокупности с иными мерами социального характера пришлось для Советской власти в кон. Не зря японская поговорка гласит: « Плохой хозяин растит сорняк, хороший – выращивает рис, умный – культивирует почву, а дальновидный – воспитывает работника».

Литература

1. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. В 55-ти томах. Т. 36. М.: Политиздат, 1977.
2. Опубликовано в газете «Правда». 21 ноября 1918 года.
3. Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – уроженец села Турья Яренского уезда Вологодской губернии. Российско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.
4. В 1924 году этот политический экстрасенс писал: «Смерть Ленина произошла в критический момент. Я имею в виду не только борьбу, которая идет внутри коммунисти-

ческой партии, но и общую ситуацию в России в настоящее время. Когда меня спрашивают о стабильности советского правительства, я отвечаю: "Оно может пасть в любой момент, но, вероятно, будет агонизировать некоторое время. Едва ли дольше 2–3 лет». См.: Сорокин П.А. Ленин. Фанатик и антисоциальный экстремист // «Чёрная книга коммунизма» (2-е издание). М.: Издательство «Три века истории». 2001.

5. Был членом партии правых эсеров с 1906 года. После Февральской революции один из редакторов газеты «Дело народа». Участник Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Осудил Октябрьскую революцию, активно выступал против большевиков. Был избран депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии по списку партии эсеров.

6. По воспоминаниям П. Сорокина в 1924 году: «Биологический и психиатрический аспекты его (Ленина – В.Т.) природы ясны. Манья величия, оптимизм, несмотря на ужасное состояние русского народа в период последних лет его правления, навязчивая вера в неизбежность мировой революции, неспособность понять реальные результаты своих действий – эти черты являются характеристикой прогрессивного паралича на последнем этапе болезни». См.: Сорокин П.А. Указ. соч.

7. В своем публичном заявлении о прекращении политической деятельности П. Сорокин писал: «Основные мотивы, побуждающие меня к этому шагу, таковы: 1) в виду резко изменившихся, со времени выборов в Учред. Собрание, политических и социальных условий страны, а равно и политического настроения народа, я не могу считать себя правильным выразителем воли народа, 2) в виду того же обстоятельства и чрезвычайной сложности современного внутригосударственного положения, я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс». См.: Правда. 20 ноября 1918 г.

8. Его блеклая автобиография («Дальняя дорога». Автобиография. М.: Московский рабочий, 1992) не идет ни в какое сравнение с эмигрантскими трактатами Ильина И.А. (Статьи из сборника «О грядущей России». Избранные статьи. Под ред. Н.П. Полторацкого. Изд. Св.-Троицкого Монастыря. 1991) и Бердяева Н.А. (Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1996).

9. Карпец В. Битва за историю // Завтра. 25.01.2012.

10. В этой связи ценно признание ненавидевшего большевиков И. Бунина: «Думаю: «Нет, большевики-то поумнее будут господ Временного Правительства! Они не даром все наглеют и наглеют. Они знают свою публику». См.: Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Современник, 1991.

11. Дословно по Ленину: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». См.: Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полное собрание сочинений. В 55 томах.

12. Политический акт, прагматичную логику которого Ю. Фельдштинский не может признать на основании того умозрительного заключения, что «это была психология обывателя, а не революционера». См.: Фельдштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917–ноябрь 1918. М.: Терра, 1992.

13. Подробнее об этом: Тулузаков В.Ф. «Триумфальное шествие советской власти»: практическое и идеологическое (По материалам Самарской губернии) // Октябрь и современность. Научная конференция Ленинградского обкома КПРФ. Санкт-Петербург, 1997.

14. Что и неудивительно, если иметь в виду, что В.И. Ленин изначально придавал большое значение промышленной переписи. В работе "Развитие капитализма в России"

он писал: "Только правильная, европейски организованная, промышленная перепись может вывести нашу промышленную статистику из ее хаотического состояния". См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. В 55 томах. 15. Материалы Всероссийской промышленной переписи 1918 года в Самарской губернии // Вестник Самарского губернского статистического бюро. 1920. №1.

Миграции населения в переходный период (марксистский подход)

Цимбал Т.В. – к.ф.н. (*г. Кривой Рог, Украина*)

Проблема современного состояния миграций в мире является предметом полидисциплинарного научного дискурса, в рамках которого происходит, в том числе, и осмысление социально-философского аспекта миграционных тенденций. По данным Международной организации по делам миграции, на данный момент в мире насчитывается более 200 миллионов трудовых мигрантов, которые представляют собой мощную финансовую поддержку для стран исхода, пересылая родным более 335 миллиардов долларов в год. Хотя сейчас еще нет точных данных о влиянии переходных периодов на миграцию, известно, что в периоды экономических спадов именно мигранты и их семьи страдают в первую очередь. Этот факт обуславливает возрастание интереса исследователей к выявлению особенностей миграций в переходные социально-исторические периоды.

Заметим, что понятие «переходный период» чаще всего связывается с понятием «кризис», что в переводе с греческого означает «решение», «приговор», «решительный исход». В общественно-гуманитарных науках кризис трактуется как перелом в определенных процессах, который приводит к переоценке ценностей, изменениям в духовно-смысловой парадигме культуры, к необходимости определения дальнейшей судьбы общества и страны.

В данном контексте, на наш взгляд, целесообразно обратиться к наследию марксистской философии. К. Маркс рассматривал два пути развития миграционных процессов: экстенсивный и интенсивный. Экстенсивный путь связан с низкой продуктивностью труда в сфере материального производства и принуждает трудящихся мигрировать в другие страны в поисках новых способов существования [2, 97–107]. Именно такой характер имели «вынужденные» миграции Древнего мира и эпохи первичного накопления капитала, когда переселения принимали форму периодического основания колоний, в условиях невозможности превышения численности населения без угрозы для существования цивилизации. Напротив, интенсивный путь обусловлен техническим прогрессом, который содействует возрастанию продуктивности труда, и требует уменьшения численности населения за счет эмиграции.

К. Маркс подчеркивает взаимосвязь, диалектику индивидуального бытия и социума. Последний создается индивидами, а индивидуальное бытие детерминируется социальными условиями. Причем социальная детерминация бытия экзистенции существует всегда, однако она не всегда стопроцентная как природно-физическая детерминация.

Теория экстенсивного и интенсивного путей миграции разрабатывалась в рамках марксистского подхода и В.И. Лениным [1]. И в первом, и во втором случае авторами акцентируется объективный фактор – развитие производительных сил, что и сегодня имеет большое значение, однако в достаточной мере не исчерпывает понимание проблемы причин формирования миграционных потоков, а именно – субъективные факторы. Например, угроза в создавшейся ситуации состоит, прежде всего, в том, что кризисом могут воспользоваться незаконопослушные работодатели, которые предпримут попытки снизить заработную плату или перевести ее «в тень». То есть, в определенной мере срабатывает субъективный фактор, который проявляется в различной

оценке индивидами необходимости и логичности эмиграции или реэмиграции, в выборе личной социально-экономической стратегии и т.д. Однако в рамках марксизма решающей является социальная детерминация.

Данная позиция находит свое развитие в работе В. Ленина «Развитие капитализма в России», где рассматривается миграция населения сквозь призму взаимосвязи с развитием капитализма в стране в целом во время сложного переходного периода. В первую очередь, миграции влияют на распад крестьянства, особенно земледельцев. Сельскохозяйственный исход влияет на пополнение количества рабочих и таким образом создает возможности роста предприятий. Перемещение работников Ленин связывает с социальными условиями труда: «Рабочие бегут, следовательно, от «полусвободного» труда к свободному труду. Было бы ошибкой думать, что это бегство сводится исключительно к передвижению из густонаселенных в малонаселенные места. ...Значит, уход рабочих выражает ...стремление рабочих уйти туда, где лучше. Это стремление станет для нас абсолютно понятным, если мы вспомним, что в районе выхода, районе отработков, заработные платы сельским рабочим *особенно низки*, а в районе прихода, районе капитализма, заработные платы несравненно выше» [1, 233–234]. Как видим, Ленин связывает миграции с различием в условиях жизни населения разных районов, со стремлением людей поселиться в местах с лучшими условиями. Этот вывод не утратил актуальности и сегодня, однако сводить все причины миграций исключительно к финансово-экономическим нельзя. Кроме того, Ленин отмечает различия между понятиями «миграция населения» и «территориальное перераспределение». Так, «переселение населения» является прогрессивным, так как мешает «...крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития...» [1, 246].

Необходимо подчеркнуть, что данная позиция Ленина относится только к внутренним миграциям. Эмиграция оценивается марксистами иначе. В первую очередь, Ленин отмечает, что эмиграция имела место на разных исторических этапах развития человечества, причем каждая общественно-экономическая формация характеризуется определенными особенными формами пространственных перемещений, которые сопровождались специфическими причинами. Особая активизация миграций наблюдается во время переходных периодов исторического и социально-экономического развития. В условиях капитализма основными причинами эмиграции являются нищета трудящихся, относительное перенаселение, существенные различия в заработной плате в разных странах. Бедность, безработица, неуверенность в завтрашнем дне подталкивают работников к поиску более выгодных условий использования своей рабочей силы. По утверждению Ленина, только нищета принуждает людей покинуть родину [1]. С другой стороны, в некоторых странах действуют факторы, которые притягивают рабочую силу, а именно: наличие свободной земли, недостаток работников на производстве, большой размер заработной платы и т.д.

Важнейший вывод, который можем сделать после изучения марксистского подхода к исследованию миграций в переходный период, состоит в том, что миграцию в любой части страны необходимо рассматривать в контексте общего социально-экономического положения в стране, во взаимодействии всех факторов и условий (в том числе и внешних). Данная методологическая установка на комплексное изучение миграций не утратила актуальности и в современных условиях, в условиях глобализации.

Литература

1. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1963.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Социальная природа капиталистического способа производства в понимании буржуазных экономистов // Сочинения. Т. 46. М., 1969.

**Чем был советский социализм:
диалектическое понимание истории**
Чумаков В.А. (г. Дзержинск, Нижегородская обл.)

Советский социализм представлял общество, в котором реализовались справедливые лозунги: «От каждого по способности, каждому по труду»; «Кто не работает, тот не ест», для чего с целью устранения эксплуатации ещё на заре советской власти была насильственно ликвидирована частная собственность на средства производства. *Надо напомнить, что все классово-антагонистические, традиционные, рыночные общества развивались стихийно, неосознанно, можно сказать, объективно. Со всем иное дело социализм, который может создаваться только осознанно, на основе субъективных решений группы или её лидера.* Поэтому следует различать социализм Ленина, Сталина, коммунистические поиски Хрущёва, застойный, можно сказать, консервативный социализм Брежнева. Отдельно выделяется социализм предателя Горбачёва, который, не понимая марксизма, разрешил неконтролируемую свободу и демократию, что привело к восстановлению капитализма. В этой связи непонятны действия нижегородского философа В.И. Табакова, который вопреки бритве Оккама – не умножай сущности, вводит новые понятия: социзм, социнизм, усложняющие понимание социальных явлений [1, 103].

К Василию Ивановичу есть несколько принципиальных претензий по поводу его представлений о социализме. «Полная свобода» личности в социализме недопустима, о чём говорит негативная практика конца 80-х–начала 90-х годов прошлого века. Социализм не может быть обществом «политического соревнования». Оно является обществом диктатуры, если не пролетариата, то, безусловно, трудящегося человека. Отмирание социалистического государства в условиях капиталистического окружения происходить не должно, поскольку может послужить причи-

ной его поглощения капитализмом. Ошибкой является также отлучение общества от звания социалистического, в котором насильственно «не допущена частная собственность». Революционное становление социализма необходимо связано с насильственной экспроприацией частной собственности.

Определённое сомнение вызывает безошибочность обращения В.И. Табакова к политэкономии социализма. Он утверждает, что «советский социализм не мог быть социализмом», т. к. «социализм экономически означает участие самого производителя в потреблении производимого им прибавочного продукта... этого не было и не могло быть». *Труд работника в социалистическом обществе включал необходимый труд, продукт которого шёл на удовлетворение непосредственных потребностей человека, проще говоря, на зарплату и прибавочный труд, продукт которого шёл на удовлетворение общественных нужд и потребностей.* Прибавочный продукт распределялся для целей накопления – строительства новых предприятий, содержания фундаментальной науки, управленческого аппарата; обеспечения обороноспособности государства; на расходы, связанные с образованием и здравоохранением; выплаты пенсий и больничных листов, что называлось общественными фондами потребления. Это показывает, что при социализме не существовало антагонизма между прибавочным и необходимым трудом, они являлись трудом на себя, на всё общество.

Другое дело, что необходимый продукт, зарплата работника составляла слишком малую долю всего произведённого продукта. Устойчивость социалистического государства, среди прочего, определяется соотношением материальных условий жизни человека, по сравнению с таким же параметром высокоразвитых капиталистических стран [2, 117]. После объявления о построении материально-технической базы коммунизма Хрущёву следовало принять меры по увеличению доли необходимого продукта. Средства на эти цели могли быть найдены за счёт сокращения за-

трат на достижение ракетно-ядерного паритета. Достаточно было содержать небольшие силы атомного возмездия. Судьба Советского Союза и её граждан была бы совершенно иной. *Возможно, что уже сейчас были бы построены основные черты коммунизма, и на Земле воцарился бы мир.*

Формационной основой советской власти являлся, «был» социализм в переходной, неустойчивой фазе развития с присущими ему российскими субъективными особенностями – излишней жестокостью, волюнтаризмом и догматизмом; слабо понимавший нужды народа и до конца не осознавший своей исторической и пионерской роли, происходивших из-за отсутствия выполнения необходимых и достаточных условий объективного социализма [2, 116]. Строго говоря, для устойчивого развития социализма необходимо выполнение ещё одного достаточного условия – высокой демократичности в правящей партии и ликвидации в ней единоначалия.

Разрушение социализма, возврат к капиталистическим отношениям сказались на развале экономики страны. Этому есть вполне адекватное теоретическое объяснение. Изучая развитие общества, Маркс, исходя из предпочтения материальной причины его развития, предположил существование связи между социально-экономическими отношениями и производительными силами, ставшее вторым тезисом его материалистического понимания истории [3, 6]. Оно было сформулировано как закономерность соответствия социально-экономических отношений уровню и характеру развития производительных сил, т. е. зависимости формационной составляющей общества от уровня его цивилизационной составляющей.

Однако история развития цивилизационной составляющей классически развивающихся стран западной Европы показывает, что *их бурное развитие происходило обычно после смены социальных отношений, при наступлении новой социально-экономической формации.* Уже это несоответствие выдвинутой

Марксом гипотезы фактическому развитию истории вызывает сомнение в её достоверности.

История становления капитализма в западноевропейских странах показывает, что *сначала совершались буржуазно-демократические революции, ставящие целью освобождение человека от феодальной зависимости, уничтожение сословного неравенства, а затем уже следует цивилизационное развитие, в частности производительных сил.* Об этом недвусмысленно утверждает история техники. Крупные изобретения, определяющие дальнейшее развитие техники, появлялись после смены формационной компоненты общественного развития. Водяные и ветряные мельницы в массовом масштабе появились с установлением первых признаков феодализма, паровая машина – после ликвидации феодальной зависимости и наступления капитализма [4; 51, 196].

Ментально-цивилизационно-формационный анализ длительного периода развития капитализма показывает, что рост цивилизационной составляющей, к сожалению, не приводит к изменению его формационной составляющей. Основная причина изменения формационной составляющей *заключается в классовых антагонистических противоречиях*, являющихся источниками преобразований социально-экономических отношений в обществе. Для понимания причин формационного развития не надо выходить за её рамки и рассматривать взаимоотношения «противоречивого конфликта» формационных и цивилизационных составляющих социума. Реально в любой фазе развития капитализма имеет место угнетение и эксплуатация человека человеком, несправедливость наёмного труда, массовая безработица – известные классовые антагонистические противоречия, которые диалектически должны разрешаться, преобразуя формационную составляющую общества. Для вывода о необходимости преобразования социально-экономических отношений в классовом обще-

стве не требуется ссылки на замедление развития производительных сил.

Люди не чувствуют снижения темпов цивилизационного развития общества, однако, они хорошо ощущают степень своего духовного, психического состояния – свободы или угнетения, эксплуатации и несправедливости, т.е. причин, побуждающих к изменению формационной составляющей общества, и начинают борьбу за это изменение. Именно этот факт служил одной из главных причин последовательных изменений общественно-экономических формаций – рабовладельческой, феодальной, капиталистической; в каждой из последующих происходило определённое высвобождение человека от насилия и эксплуатации. Но только следующая формация – коммунистическая могла бы сделать человека действительно свободным. Свободным в рамках справедливости, равноправия и уголовного кодекса в связи с сохраняющимся какое-то время капиталистическим окружением.

Развитие общества показывает, что *уровень и темпы роста цивилизационной составляющей определяются характером развития формационной составляющей. Цивилизационная составляющая вызревает такой, какой «захочет» видеть, «позволит» развиваться существующий уровень формационной составляющей. Дополнительным подтверждением этого диалектического понимания истории является деиндустриализация страны, разрушение накопленного за годы советской власти промышленного потенциала, произошедшее при откате от более высокой формационной составляющей общества – социализма к предыдущей по историческому процессу – капитализму. Наблюдаемый в постсоветской РФ регресс является отражением закономерности социально-экономического развития: *возрастание формационной составляющей ведёт за собой рост цивилизационной составляющей, снижение формационной составляющей вызывает необходимое падение цивилизационной составляющей общества.**

Литература

1. Табаков В.И. «Советский реальный социализм» – чем он был? // Социализм: теория, история, перспективы (Советский реальный социализм: что это такое?): материалы Международной научной конференции. Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2011.
2. Чумаков И.В. Закономерность становления социализма // Там же.
3. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1959.
4. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. М.: Наука, 1989.

Теория и практика переходного периода от буржуазно-капиталистического к социалистическому обществу

Холодков А.А. – к.и.н. (*г. Алматы, Республика Казахстан*)

В условиях начавшегося с 2008 г. очередного международного финансового кризиса, инициаторами которого на этот раз явились США, развернулось пристальное рассмотрение работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и других теоретиков в надежде найти выход из очередного, наиболее масштабного кризиса капиталистической системы хозяйствования.

Новый всплеск штудирования классического марксизма-ленинизма идет не потому, что стали доступны творения теоретиков, а многие добросовестные исследователи пытаются основательно осмыслить опыт формирования и реальные достижения социалистического общества в разных странах мира, как нового общественного строя, идущего на смену капиталистическому, буржуазному.

Исторический опыт показал, что формирование нового общественного строя – архисложная задача для любой страны, где трудящимся удастся завоевать политическую власть, и они решают строить новое общество. В силу того, что нет реального примера, трудно быть уверенным в том, что в ходе формирования нового государства его строители не встретятся со многими трудностями и не допустят большие или малые ошибки. На этот

счет В.И. Ленин указывал: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*» (1; т. 34, с. 116).

С тех исторических лет, когда были высказаны Лениным эти мысли, многое изменилось, и представление о социалистическом строе наполнилось конкретным живым содержанием. Как и прежде на мировой арене идет борьба двух общественных форм развития: капиталистической и социалистической. Если первая сегодня выступает в лице высшей и последней ее формы – транснациональных корпораций, порожденной ими финансовой олигархией, уничтожающей частную собственность и формирующую корпоративно-элитарную собственность, принадлежащую кучке олигархов, получающих свои прибыли за счет жестокой эксплуатации трудящихся и развивающихся стран. Другая – социалистическая, а затем и коммунистическая, цель которой – обеспечить переход частной собственности к общественной, к собственности всего общества, а также уничтожить возможность эксплуатации человека человеком.

В современных условиях, когда классический капитализм, переросший в свою высшую стадию – империализм в лице транснациональных корпораций, настолько обострил все экологические, политические, социальные противоречия и беды общества, настолько показал свою неспособность к управлению современным обществом, что понудил миллионы людей подняться на борьбу с ним. Тем не менее, капитализм выдерживает эти удары и даже идет в наступление, решая собственные проблемы за счет эксплуатации трудящихся. Эта ситуация дает основание говорить о том, что, несмотря на всю шаткость состояния современного капитализма, в обществе пока не сформировалось общественной силы, даже в странах Евросоюза, способной преодолеть

сопротивление олигархических режимов и завоевать политическую власть.

Коммунистические, социалистические и рабочие партии, как и в прошлом, нуждаются в стройной научной теории о переходном периоде от капиталистической к социалистической форме развития общества, конкретного государства. Из классического марксизма знаем, что в своем развитии человечеству необходимо пройти формирование трех эпох.

Первой эпохе предстоит пройти «предысторию» – становление и развитие частной собственности, включая высшую и последнюю ее форму – капитал. Эта стадия уже пройдена. Содержание *второй эпохи* – сознательное уничтожение частной собственности; в ходе ее общество как бы проходит все формации предыстории «в обратном порядке». Это эпоха коммунизма, включая ее первую ступень – **социализм**. *Третья эпоха* – это «царство свободы» – «эпоха гуманизма» (пока это дальняя цель).

Сущность переходного периода от эпохи частной собственности к эпохе коммунизма состоит в том, что трудящиеся обязаны развить производительные силы, унаследованные от капитала, до такого уровня, при котором становится возможным первый из коммунистических способов производства, превращающий развитый «общественный капитал» в общественную производственную силу. Переход к коммунистической эпохе – это просто переход от присвоения и развития производительных сил к присвоению и развитию производственных отношений, состоящий в изменении предметов деятельности и в создании соответствующих ему качественно новых средств труда.

Основное содержание социалистической части коммунистической эпохи – уничтожение трех экономических форм частной собственности (*экономики, организации и технологии*). Сама эта эпоха делится на три фазы: **низшую** (социализм), **среднюю** (развитый социализм) и **высшую** (коммунизм в собственном смысле).

Если целью коммунизма является освобождение человека от всех конкретных форм гнета, отчужденных производственных отношений, возвращение человеку отчужденной человеческой сущности, то, что же необходимо осуществить в переходный период?

В трудах К. Маркса многократно уточняется, что эпоха коммунизма, по существу, решает лишь промежуточную задачу – задачу уничтожения негативных социальных последствий отчужденного развития производительных сил. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, – говорит Маркс, – лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» (2; т. 19, с. 27).

В.И. Ленин в своих трудах, опираясь на работы К. Маркса и Ф. Энгельса, обосновал, что «...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» (1; т. 34, с. 193).

В.И. Ленин правильно указывал на то, что не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками в переходный период. Просто только одной конфискацией ничего не сделать, ибо, если не будут обеспечены действенная организация, учет правильного распределения и настоящая проверка исполнения (1; т. 34, с. 309), то и мечтать о социалистическом обществе не приходится.

Государство в ходе формирования первой фазы коммунизма (социализм) не может дать ни справедливости, ни равенства, различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но,

главное, невозможна будет эксплуатация человека человеком. Подобный вывод был сделан Лениным в своих работах. Он подтверждал этот вывод тем, что уже в таком государстве «...нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность» (1; т. 33, с. 93).

Не менее важно понимать и другую особенность государства в переходный период: оно «...*не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма» и «...право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права» (1; т. 33, с. 98, 99).

В переходный период в условиях советского государства демократия означает равенство, но это формальное равенство. Фактическим оно будет тогда, когда будут уничтожены классы, осуществится равенство всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.е. равенство труда, равенство заработной платы. В итоге осуществится правило: «Каждый по способностям, каждому по потребностям» (1; т. 33, с. 99).

Важно подчеркнуть и другую мысль Ленина о том, что, чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. «...Только тогда демократия начнет отмирать...» когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» (1; т. 36, с. 313–314). Этот период может наступить, когда будет построено коммунистическое общество на его высшей стадии.

Для реализации всех аспектов обязательных для переходного периода и укрепления социалистического государства может быть успешной, если трудящиеся будут возглавляться авангардной коммунистической партией ленинского типа. В составе только Коммунистической народной партии Казахстана около 90 тыс. членов на 16 миллионов населения. На последних выборах в

Парламент за нее подали голоса 498 800 избирателей. 1) умело выбрать из этих сторонников руководителей всех уровней, которые успешно организуют работу всех звеньев аппарата государства, 2) вносить социалистические идеи в сознание людей.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.

С о д е р ж а н и е

Вместо предисловия. Богачев Р.М. – к.ф.н. (*Киев, Украина*).
Отягощение злом 3

Раздел I. Маркс о переходном периоде 11

Баранов В.Е. – д.ф.н. (*Санкт-Петербург*). К.Маркс о всеобщем труде как поле действия закона потребительской стоимости 11

Зеленов Л.А. – д.ф.н., **Владимиров А.А.** – д.ф.н. (*Нижний Новгород*).
Сферный анализ переходного периода от капитализма к социализму...16

Козлов М.И. – к.ф.н. (*Архангельск*). Творческий вклад марксизма в исследование сущности и содержания социальной справедливости....22

Санталов Л.А. (*Архангельск*). Симметрия истории и переходный период в марксизме 26

Табачков В.И. – д.ф.н. (*Нижний Новгород*). Сущность общества, названного Лениным социализмом, в свете Рукописей Маркса, оставшихся Ленину неизвестными 31

Тяпин В.Б. (*Барановичи, Беларусь*). Введение в первокоммунизм....36

Черкасов Г.И. – д.э.н. (*Нижний Новгород*). Особенности переходного периода от капитализма к социализму.....41

Шетулова Е.Д. – д.ф.н. (*Нижний Новгород*). Переходный период: вопрос о снятии отчуждения.....45

Раздел II. Основные интерпретации Марксовой концепции переходного периода 50

Грехов А.В. – д.ф.н. (*Нижний Новгород*). Сталинское видение переходного периода 50

Гриценко В.С. – к.ф.н. (*Пермь*). Вырождение товарной стоимости в современном мире 56

Кисельникова Т.В. – д.и.н. (*Томск*). «Переходная эпоха» к социализму в интерпретации А.А. Богданова 61

Кобылин И.И. – к.ф.н. (*Нижний Новгород*). «Прошлое как вызов»: возвращение политического 67

Кондратова Г.А. – д.ф.н. (<i>Архангельск</i>). Социокультурный процесс: философско-социальный анализ	71
Мареев С.Н. – д.ф.н., Мареева Е.В. – д.ф.н. (<i>Москва</i>). Идея «русского социализма» у А.И. Герцена (к двухсотлетию со дня рождения).....	76
Медведев А.В. – д.и.н. (<i>Нижний Новгород</i>). Концепции социализма и переходного периода большевиков и эсеров	86
Мясникова И.Г. – к.ф.н. (<i>Нижний Новгород</i>). После гибели строительства основ социализма в Руси и взлета этого строительства в Китае опять приходится обратиться к Марксу.....	92
Нагорнов Е.А. – канд. культурологии (<i>Нижний Новгород</i>). Концепция современной «общественной технической машины» как общества порабощенной индивидуальности в шизоаналитическом дискурсе «Анти-Эдипа» Ж. Делеза и Ф. Гваттари	97
Осипов Н.Е. – д.ф.н. (<i>Чебоксары</i>). О некоторых синергетических аспектах понимания переходного периода	100
Пименов В.Ю. – к.ф.н. (<i>Смоленск</i>). Метаморфозы марксизма в России: религио-марксизм богостроительства и его истоки	104
Потапов В.А. – к.и.н. (<i>Нижний Новгород</i>). Центризм переходного периода	108
Прокашев А.М. – д.с.-х.н. (<i>Киров</i>). Человек перед выбором	113
Степанов Е.И. – д.ф.н. (<i>Москва</i>). Состояние и перспективы реализации марксистской концепции переходного периода в современной России	121
Фатенков А.Н. – д.ф.н. (<i>Нижний Новгород</i>). Пореволюционная Россия в зарисовках Вальтера Беньямина	128
Хусаинова А.Х. – к.ф.н. (<i>Уфа</i>). Онтология человека в переходную эпоху: социально-философский аспект	133
Чумаков И.В. (<i>Нижний Новгород</i>). Социализм: революция и эволюция, религия и конвергенция	138

Раздел III. Переходный период: историческая практика.....144

Арапов А.С. – д.и.н. (<i>Нижний Новгород</i>). От социализма к капитализму: технология ограбления	144
Бакулин В.И. – д.и.н. (<i>Киров</i>). Марксизм и сталинизм – что общего?...150	

Болдонов А.Л. – к.и.н., Романов Ю.А. – к.соц.н. (<i>Улан-Удэ</i>). Модель Китая по осуществлению экономических преобразований в условиях глобализации современного мира	156
Грехова Н.Н. – к.и.н. (<i>Нижний Новгород</i>). Новая экономическая политика: сущность и перспективы	160
Ефимов О.В. – к.и.н. (<i>Арзамас, Нижегородская обл.</i>). Модернизационные процессы в сельском хозяйстве в 20–30 гг. XX в.	165
Латал Иво – к.п. (<i>Прага, Чешская республика</i>). Путь к социалистическому обществу	169
Лебедев А.А. – к.ф.н. (<i>Владимир</i>). Экологическая безопасность личности и культура	175
Морозов А.В. – к.и.н. (<i>Казань</i>). Практика социального страхования в Советской России в 1920-е годы	180
Нагорных О.С. – к.и.н. (<i>Нижний Новгород</i>). Провинциальная историческая наука и борьба с космополитами	185
Панфилова Т.В. – д.ф.н. (<i>Москва</i>). Всестороннее развитие личности как идеал советского социализма	190
Семенов С.Н. – д.э.н., Пашков В.П. – к.э.н. (<i>Саратов</i>). Закономерности развития земельного рынка в России и долгосрочный прогноз его состояния	194
Смирницкий А.Е. – к.и.н. (<i>Нижний Новгород</i>). Кубинская тематика на страницах журнала «Латинская Америка» в 1990-е годы.	205
Тулузаков В.Ф. – к.и.н. (<i>Самара</i>). Становление опыта государственного регулирования экономики в годы Гражданской войны (по материалам Самарской губернии)	210
Цимбал Т.В. – к.ф.н. (<i>Кривой Рог, Украина</i>). Миграции населения в переходный период (марксистский подход)	218
Чумаков В.А. (<i>Дзержинск, Нижегородская обл.</i>). Чем был советский социализм: диалектическое понимание истории	222
Холодков А.А. – к.и.н. (<i>Алматы, Республика Казахстан</i>). Теория и практика переходного периода от буржуазно-капиталистического к социалистическому обществу	227